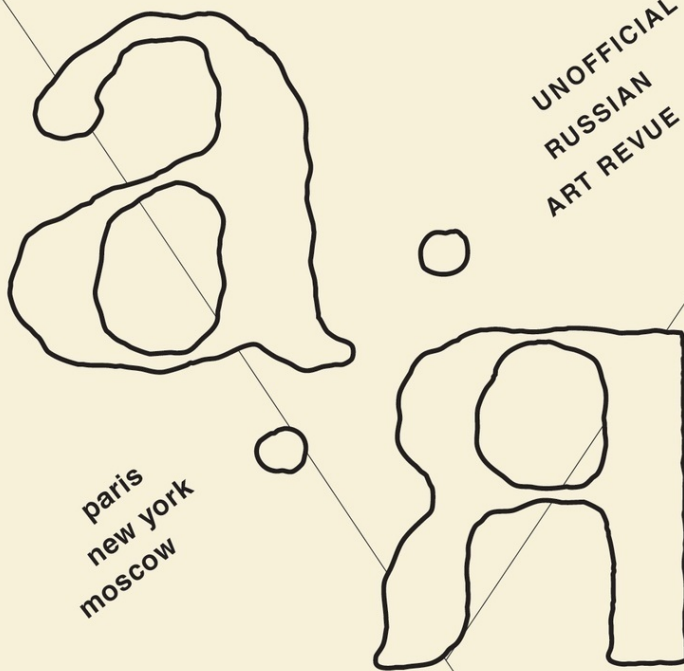

UNOFFICIAL
RUSSIAN
ART REVUE

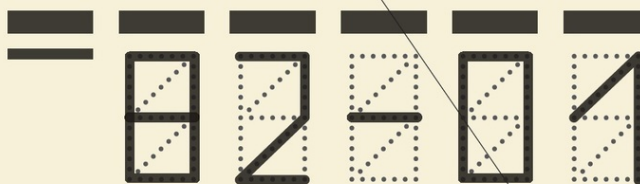

paris
new york
moscow

(A-YA)

ПЕРЕПИСКА
ХУДОЖНИКОВ
С ЖУРНАЛОМ

ТОМ 2

Игорь Шелковский

**Переписка художников с
журналом «А-Я». 1982-2001. Том 2**

«НЛО»

Шелковский И.

Переписка художников с журналом «А-Я». 1982-2001. Том 2 /
И. Шелковский — «НЛО»,

ISBN 978-5-4448-1057-6

Журнал «А-Я» — уникальный журнал неофициального русского искусства, выходивший в Париже в 1979–1986 годах. Это неподцензурное издание не только познакомило западного зрителя с творчеством русских андерграундных художников, но и создало язык новой художественной критики. Редакторы — Александр Сидоров (псевд. Алексей Алексеев, Москва) и Игорь Шелковский (Париж) — готовили журнал по переписке, обмениваясь материалами через границу полулегальными способами с помощью добровольцев. На страницах журнала впервые публиковались работы людей, ставших классиками неподцензурного искусства: Вагрича Бахчаняна, Эрика Булатова, Ильи Кабакова, Комара и Меламида, Дмитрия Александровича Пригова, Владимира Сорокина и многих других. В сборник вошла обширная редакционная переписка участников журнала, которая позволяет читателю увидеть жизнь советского подпольного искусства изнутри, в процессе его становления.

ISBN 978-5-4448-1057-6

© Шелковский И.

© НЛО

Содержание

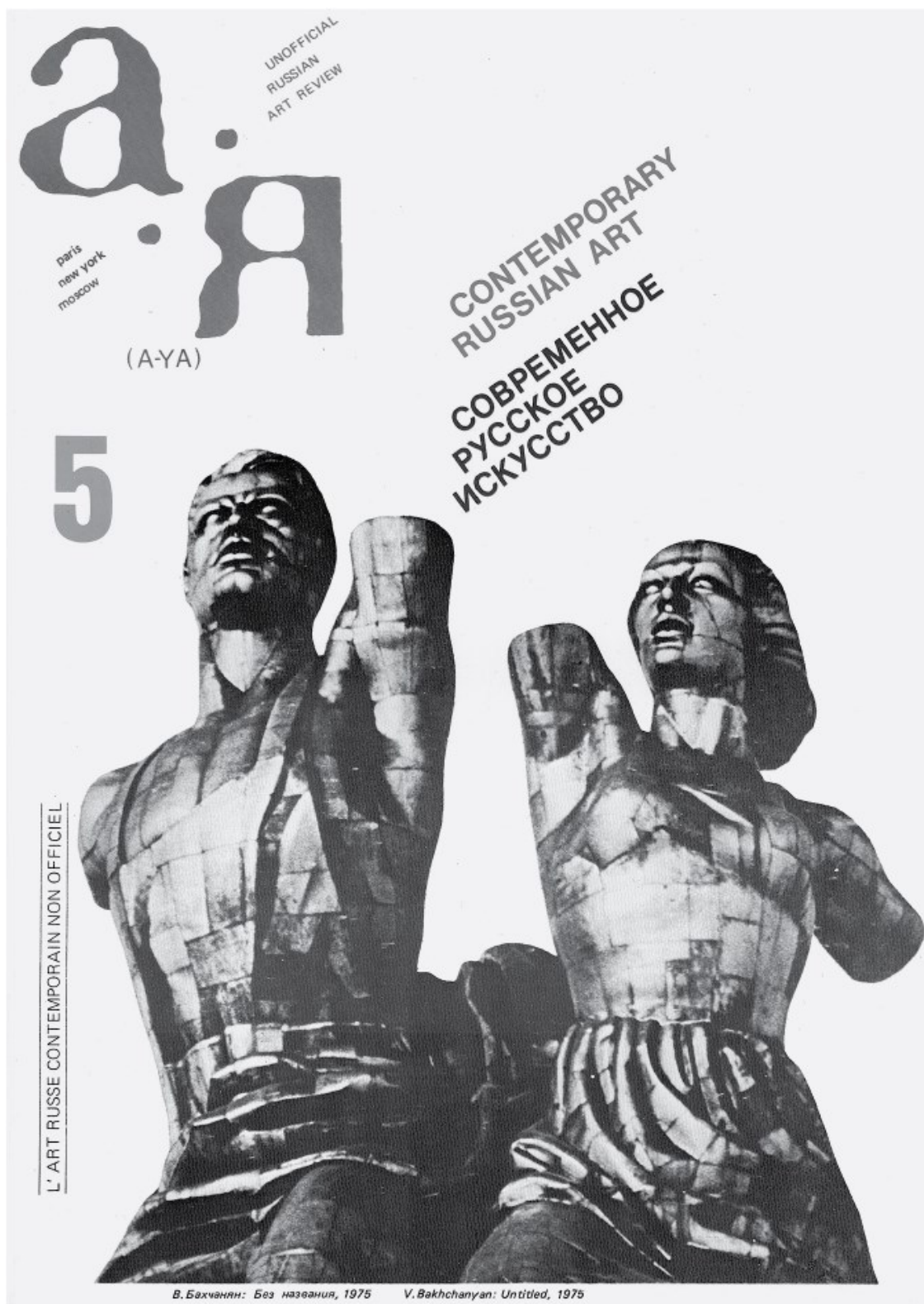
1982	25
Сидоров – Шелковскому 01.82	25
Шелковский – Сидорову 15.01.82	31
Шелковский – Сидорову 25.01.82	36
Целков – Шелковскому 25.01.82	39
Инфантэ – Шелковскому 11.02.82	40
Боулт – Шелковскому 12.02.82	41
Аймермахер – Шелковскому 15.02.82	42
Сидоров – Шелковскому 19.02.82	43
Шелковский – Булатову 20.02.82	45
Косолапов – Шелковскому 24.02.82	46
Косолапов – Шелковскому 02.82	47
Худяков – Шелковскому 05.03.82	48
Кулаков – Шелковскому 06.03.82	49
Боулт – Шелковскому 08.03.82	50
Шелковский – Сидорову 20.03.82	51
Косолапов – Шелковскому 23.03.82	53
Боулт – Шелковскому 23.03.82	54
Шелковский – Сидорову 28.03.82	55
Сидоров – Шелковскому 28.03.82	56
Худяков – Шелковскому 30.03.82	57
Гройс – Шелковскому 01.04.82	58
Сидоров – Шелковскому 10.04.82	59
Шелковский – Паперному 04.82	61
Шелковский – Паперному 15.04.82	63
Боулт – Шелковскому 16.04.82	66
Шелковский – Сидорову 18.04.82	67
Худяков – Шелковскому 23.04.82	70
Шелковский – Сидорову 23.04.82	72
Шелковский – Сидорову 26.04.82	75
Сидоров – Шелковскому 24.04.82	76
Никитина – Шелковскому 27.04.82	77
Боулт – Шелковскому 05.05.82	78
Шелковский – Чуйкову 08.05.82	79
Комар-Меламид – Шелковскому 09.05.82	82
Сидоров – Шелковскому 10.05.82	83
Шелковский – Сидорову 17.05.82	85
Гройс – Шелковскому 17.05.82	87
Письмо Маргариты Тупицыной в газету «Виллидж Войс» 05.82	88
11	
Шелковский – Тупицыной 05.82	89
Шелковский – Тупицыной 21.05.82	91
Худяков – Шелковскому 22.05.82	92
Гройс – Шелковскому 23.05.82	93
Шелковский – Сидорову 25.05.82	94
Худяков – Шелковскому 31.05.82	96

Виньковецкий – Шелковскому 31.05.82, Хьюстон	97
Сидоров – Шелковскому 31.05.82	98
Шелковский – Чуйкову 01.06.82	99
Никитина – Шелковскому 01.06.82	101
Шелковский – Сидорову 01.06.82	102
Никитина – Шелковскому 03.06.82	103
Худяков – Шелковскому 03.06.82	104
Гройс – Шелковскому 07.06.82	105
Тупицыны – Шелковскому 07.06.82	106
Тупицына – Шелковскому 06.82	108
Худяков – Шелковскому 07.06.82	109
Гройс – Шелковскому 08.06.82	110
Шелковский – Сидорову 08.06.82	111
Гройс – Шелковскому 13.06.82	113
Худяков – Шелковскому 16.06.82	114
Косолапов, Урбан – Шелковскому 06.82	115
Сидоров – Шелковскому 06.82	116
Сидоров – Шелковскому 06.82	118
Сидоров – Шелковскому 06.82	119
Худяков – Шелковскому 06.82	122
Аймермахер – Шелковскому 06.07.82	123
Косолапов – Шелковскому 08.07.82	124
Боулт – Шелковскому 18.07.82	125
Космачёв – Шелковскому 21.07.82	126
Никитина – Шелковскому 26.07.82	127
Шелковский – Шибли 08.82	129
Боулт – Шелковскому 18.08.82	130
Сидур – Шелковскому 27.08.82	131
Косолапов – Шелковскому 08.82	132
Гройс – Шелковскому 01.09.82	133
Комар-Меламид – Шелковскому 02.09.82	134
Аймермахер – Шелковскому 06.09.82	135
Паперный – Шелковскому 07.09.82	136
Никитина – Шелковскому 07.09.82	137
Шелковский – «Новая газета», Нью-Йорк 11.09.8224	138
Сидоров – Шелковскому 09.82	139
Косолапов – Шелковскому 05.10.82	141
Гройс – Шелковскому 12.10.82	143
Гробман – Шелковскому 12.10.82	144
Комар-Меламид – Шелковскому 22.10.82	145
Шелковский – Сидорову 05.11.82	146
Гройс – Шелковскому 22.11.82	147
Шелковский – Сидорову 22.11.82	148
Шелковский – Сидорову 06.12.82	151
Косолапов – Шелковскому 06.12.82	154
Маркадэ – Шелковскому 12.12.82	155
Гройс – Шелковскому 16.12.82	156
Паперный – Шелковскому 18.12.82	157
Кузьминский – Шелковскому 20.12.82	158

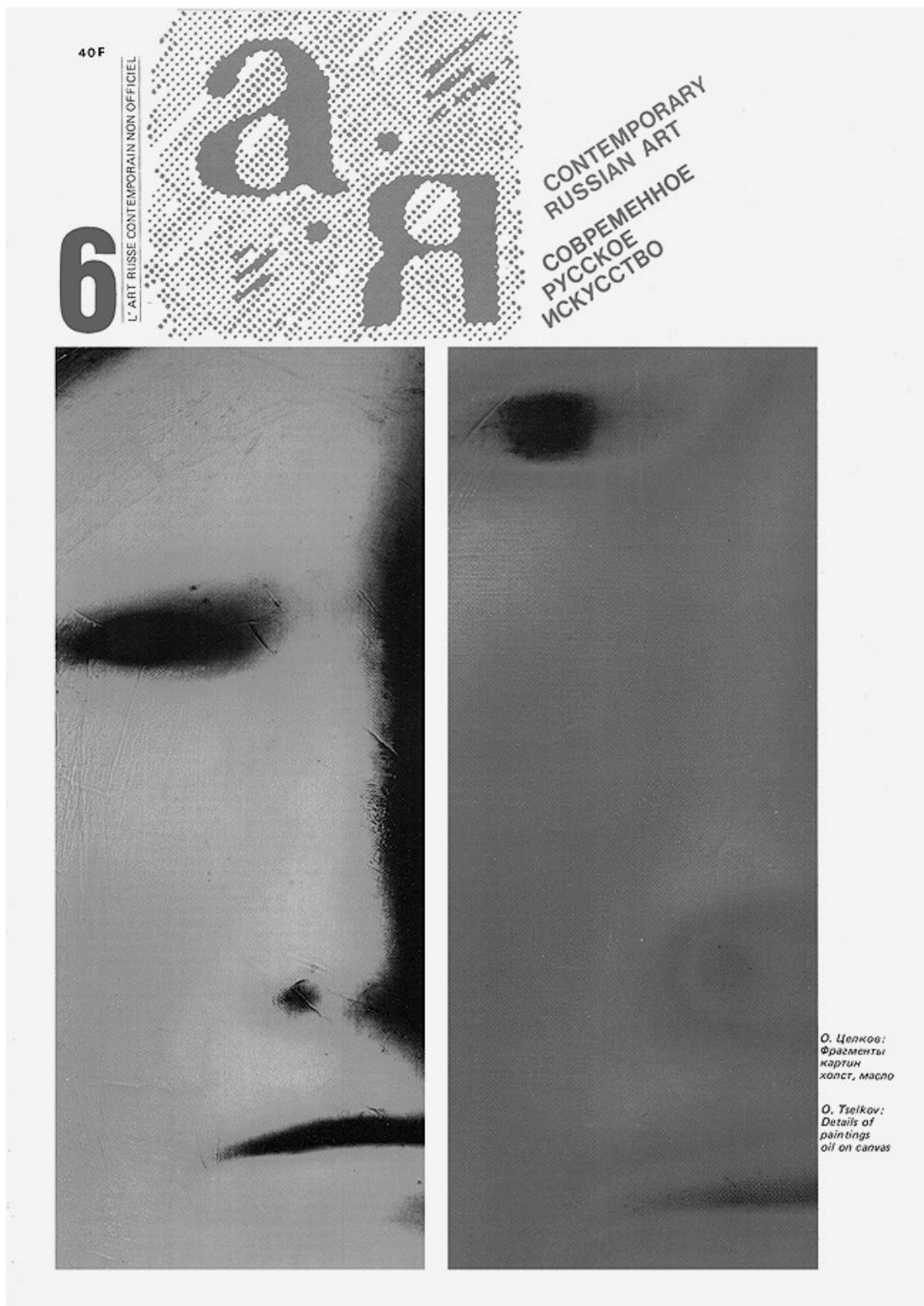
Шелковский – Косолапову 26.12.82	159
Аймермахер – Шелковскому 28.12.82	160
1983	161
Шелковский – Сидорову 09.01.83	161
Косолапов – Шелковскому 11.01.83	163
Виньковецкий – Шелковскому 16.01.83, Хьюстон	164
Косолапов – Шелковскому 20.01.83	165
Виктор Некрасов – Шелковскому 22.01.83	166
Никитина – Шелковскому 25.01.83	167
Боулт – Шелковскому 26.01.83	168
Гробман – Шелковскому 31.01.83	169
Сидоров – Шелковскому 01.83	170
Сидур – Шелковскому 14.02.83	172
Шелковский – Косолапову 16.02.83	173
Сидоров – Шелковскому 16.02.83	174
Конец ознакомительного фрагмента.	175

Игорь Шелковский Переписка художников с журналом «А-Я». 1982–2001. Том 2

Обложка пятого номера. 1983

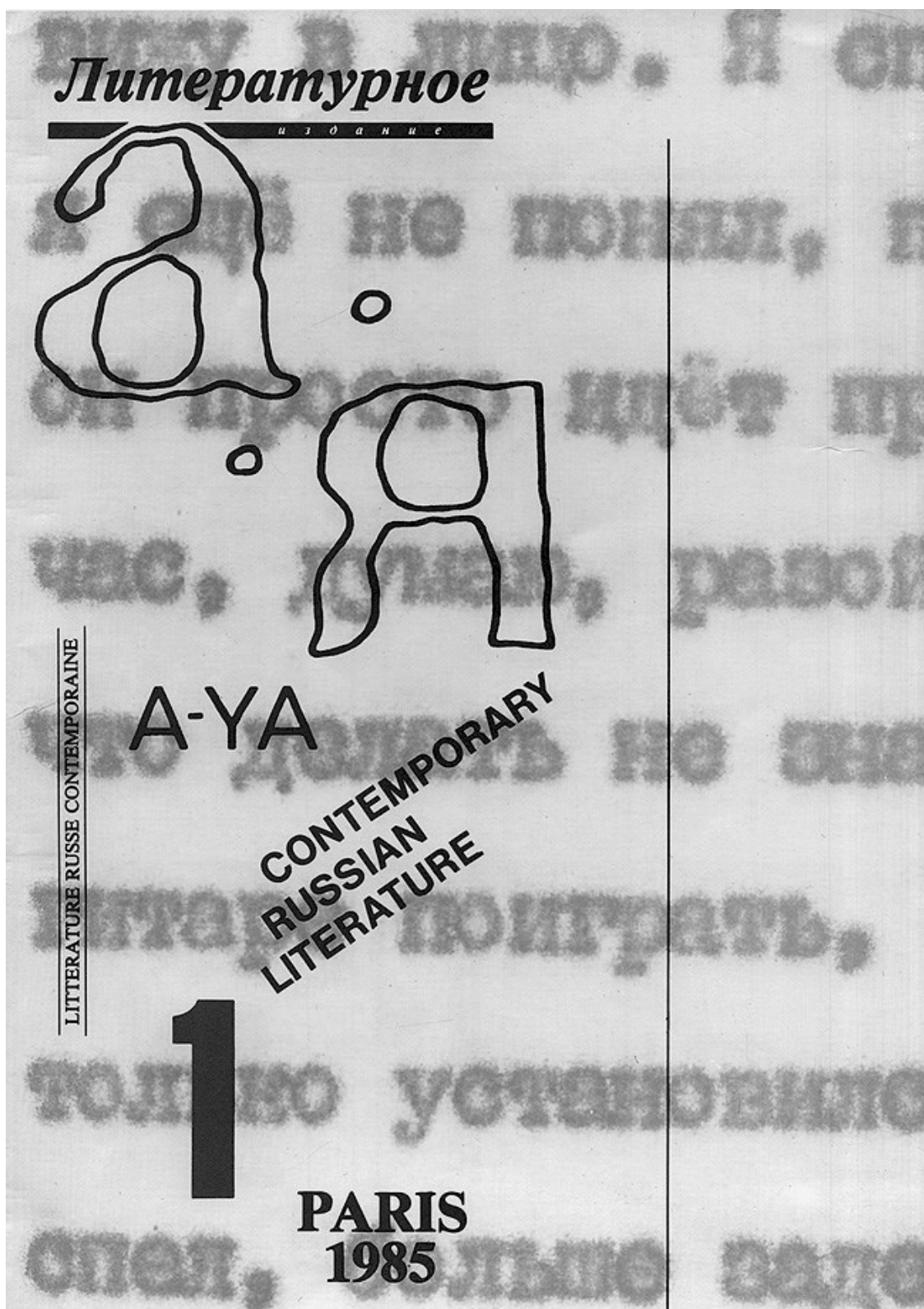
Обложка шестого номера. 1984

Обложка седьмого номера. 1986

Henry Khudyakov. 1982

Обложка Литературного выпуска журнала «А-Я» за 1985

Are you tired of crowded subways?

© KOSO-URBAN 1982 N.Y.C.

В. И. Ленин и И. В. Сталин

**“One death is a tragedy,
a million deaths statistics”**

J. STALIN

PERFORMANCE:
"KAZIMIR PASSION"
MAY 2, 12-6pm
P.S.1 (PROJECT STUDIO ONE)
46-01 21st St.
LONG ISLAND CITY
QUEENS, N.Y. 11101
(212) 784-2084

*A. Drewchin
H. Khudyakov
A. Kosolapov
V. Tupitsyn
V. Urban*

*Curator:
M. Tupitsyn*

Приглашение на выставку «Russian Samizdat Art» Нью-Йорк – Вашингтон, 1982–83

Обыски у Александра Сидорова

По сообщениям, полученным из России, в Москве произведены обыски у московского редактора журнала «А-Я» Александра Сидорова (журнальный псевдоним — Алексей Алексеев). Обыски проводились в отсутствие хозяев и походили на грабеж и разгром. При этом были изъяты не только журнал «А-Я» и материалы, относящиеся к нему, но были также унесены многие личные вещи А. Сидорова, инструменты для работы и художественные принадлежности. В последние годы работа КГБ все больше и больше напоминает действия бандитов-уголовников, взломщиков квартир.

Александр Сидоров находится под угрозой дальнейших преследований со стороны КГБ.

**Редакция журнала «А-Я»
(Париж)**

Публикация в «Русской мысли» Сентябрь 1983

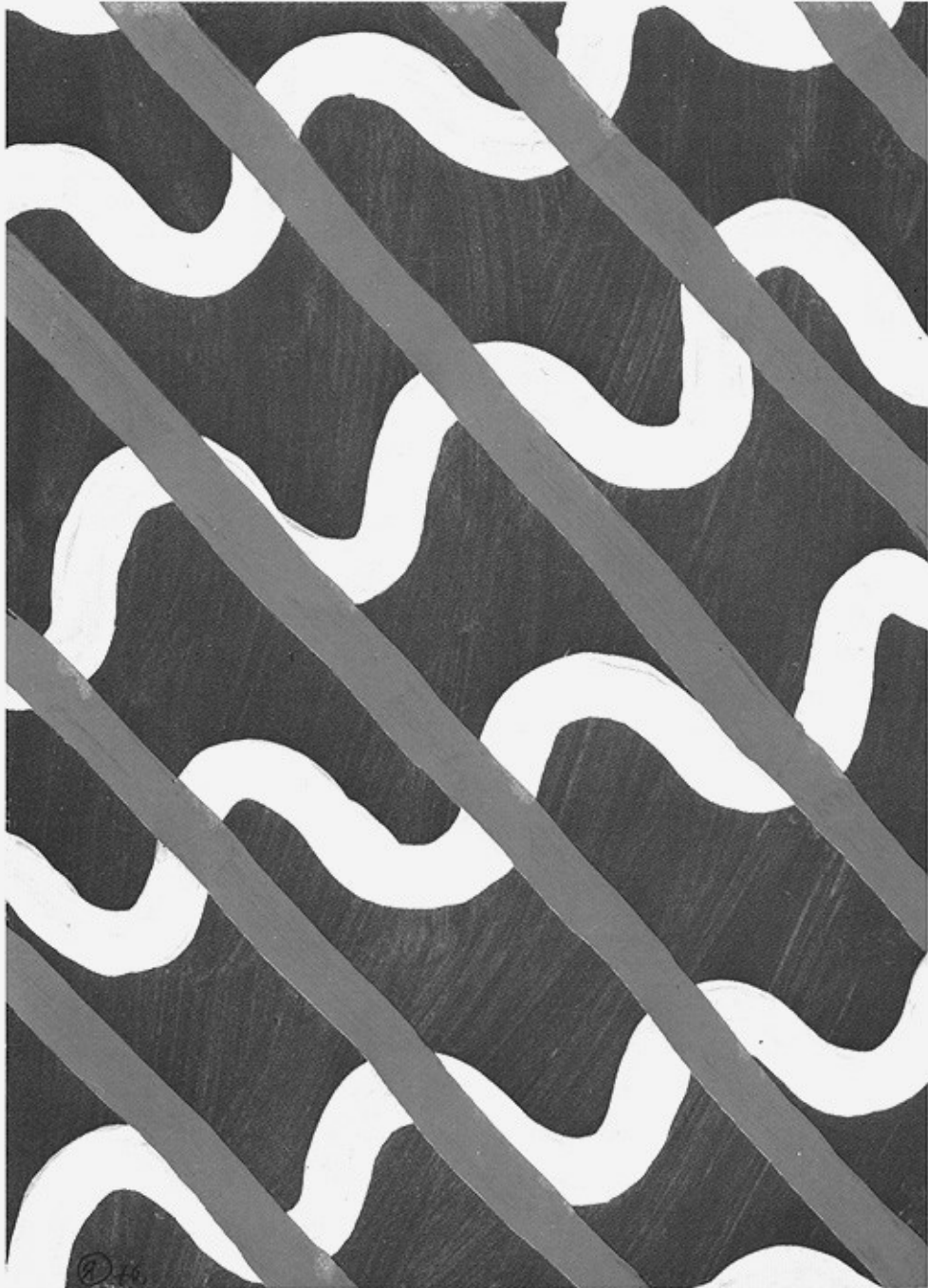
Владимир АЛЬБРЕХТ
КАК БЫТЬ СВИДЕТЕЛЕМ

Издание журнала „А - Я“

Владимир АЛЬБРЕХТ

ЗАПИСКИ НУДНОГО ЧЕЛОВЕКА

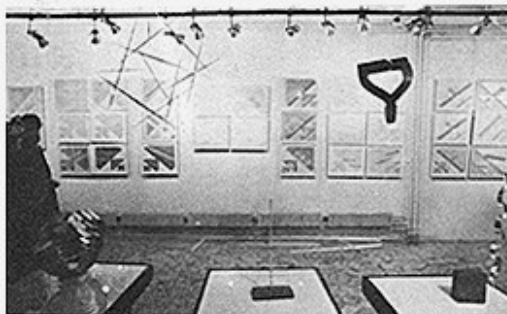

Издание журнала А-Я

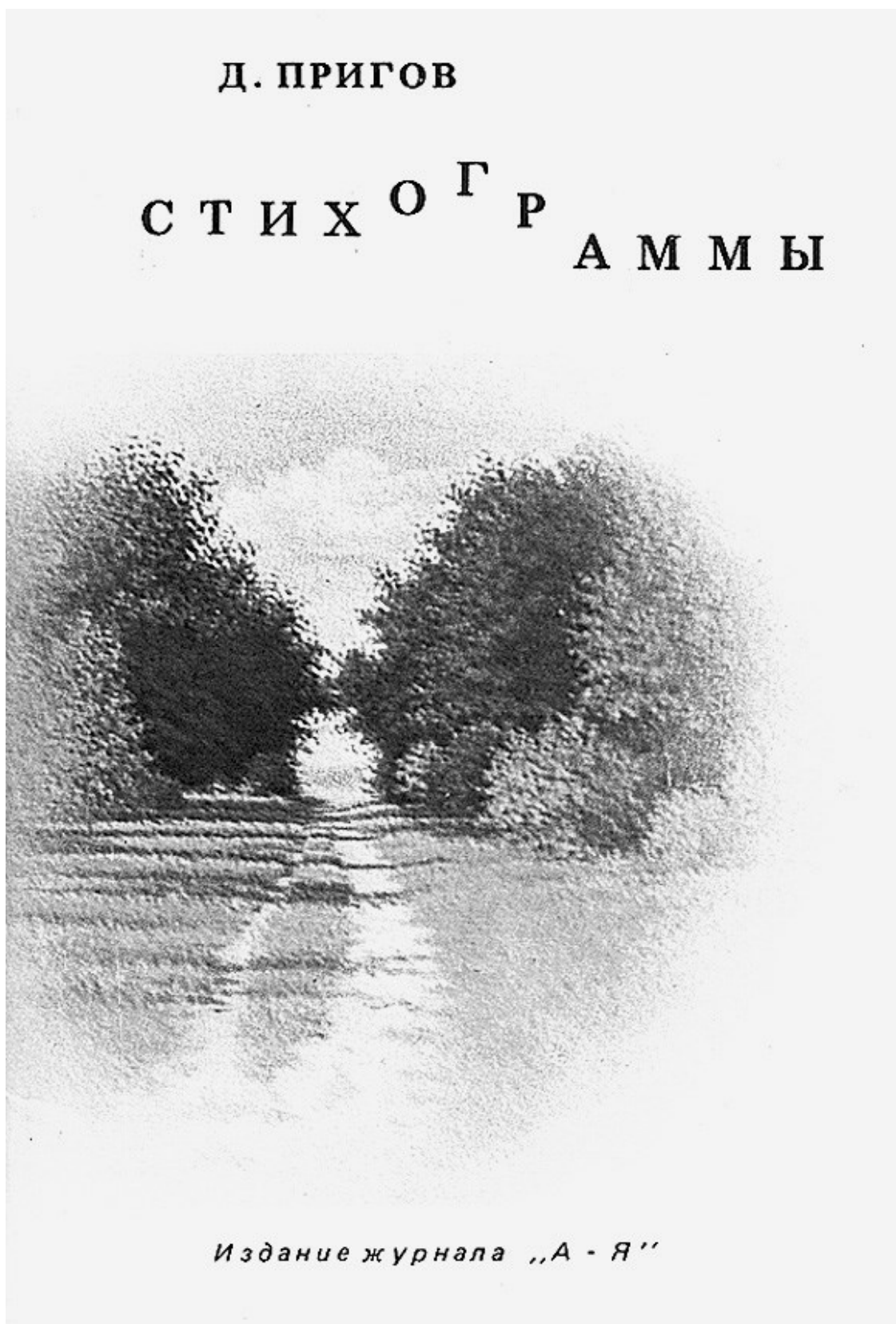
Л. БЕХТЕРЕВА

ВАРИАНТЫ

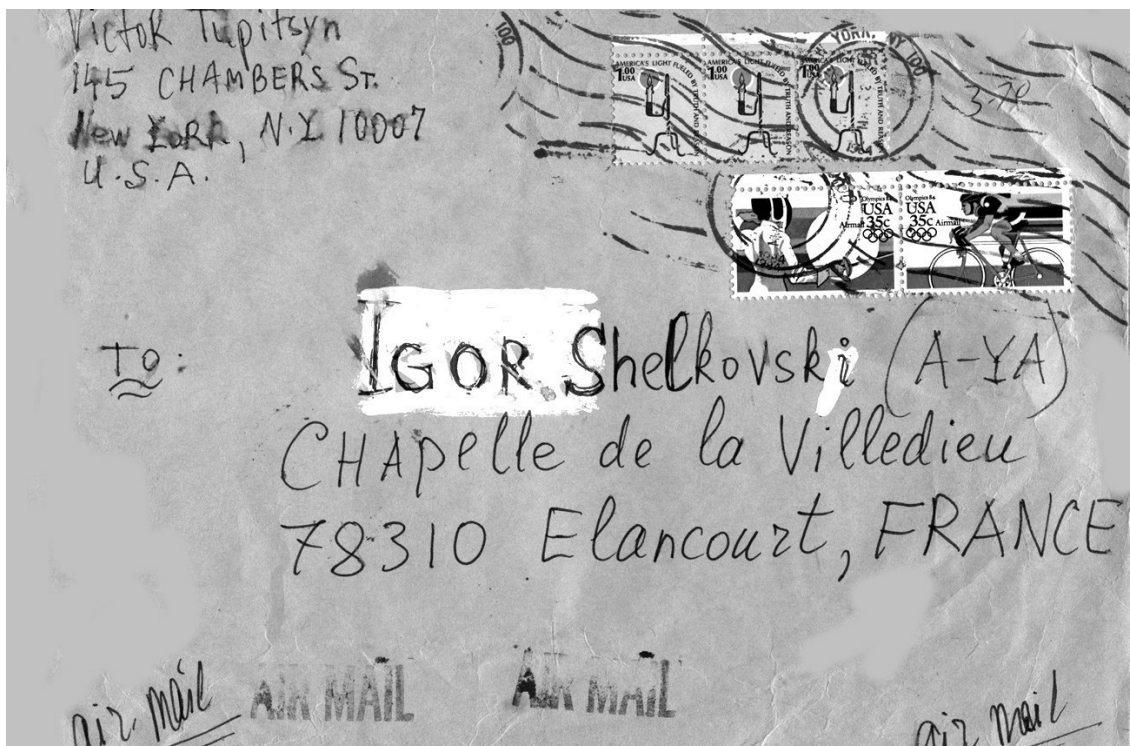
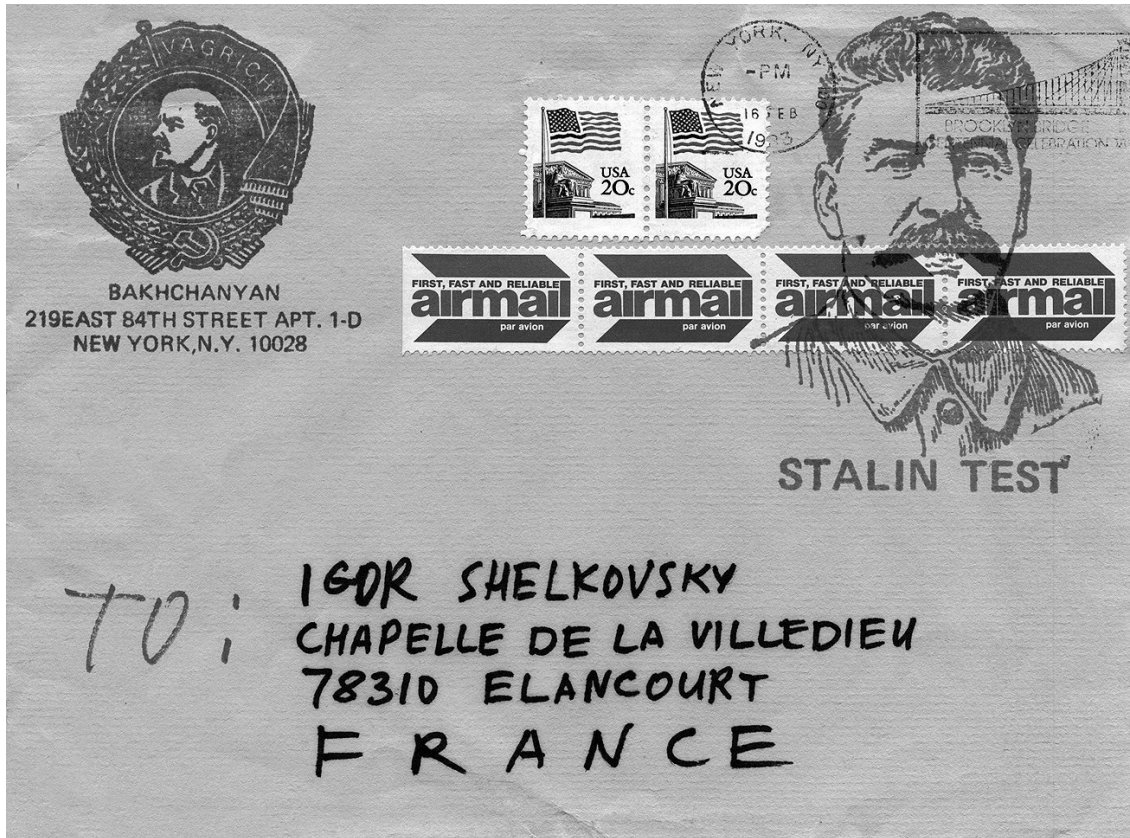
ОТРАЖЕНИЙ

Издание журнала „А-Я”

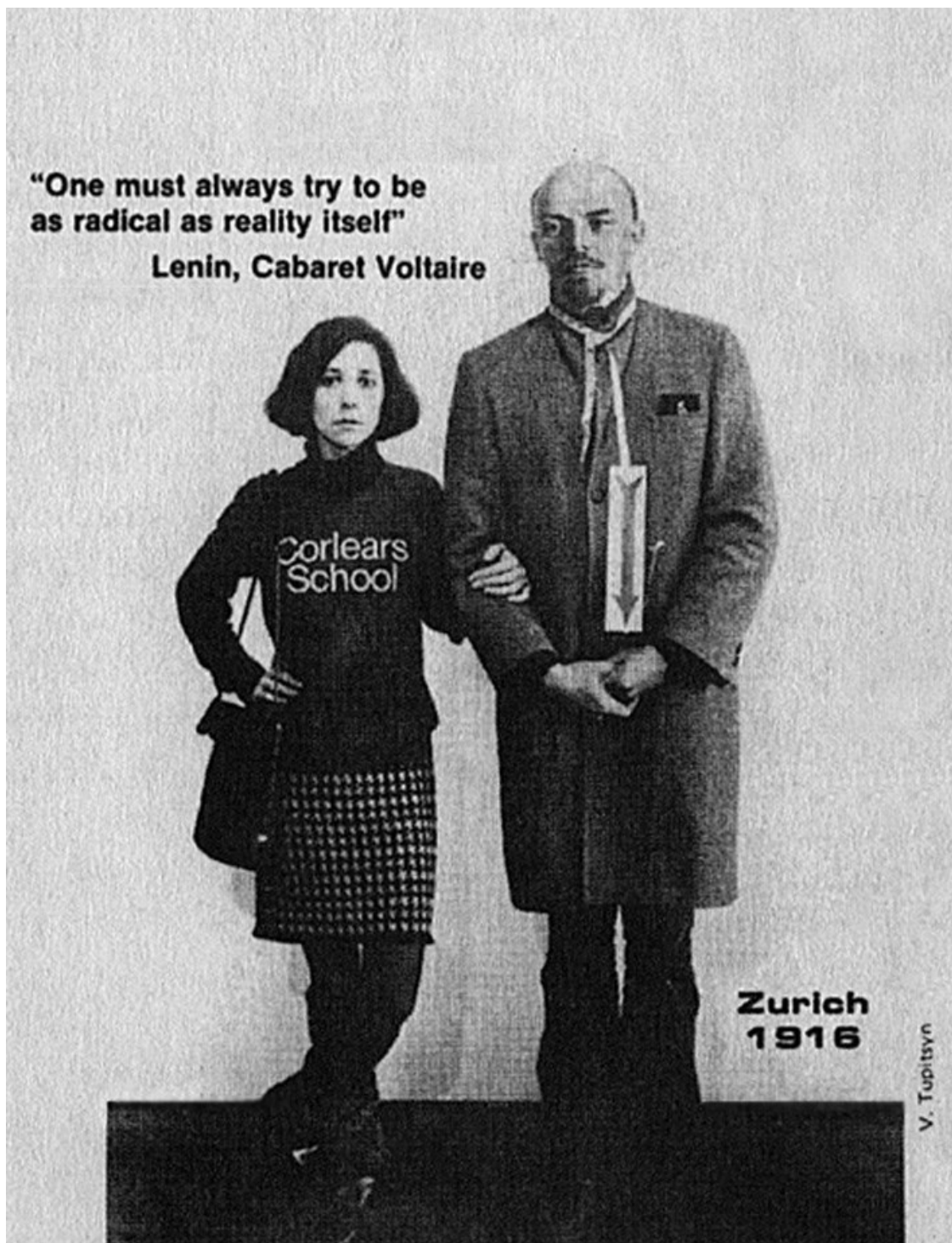
Издания журнала «А-Я». 1985

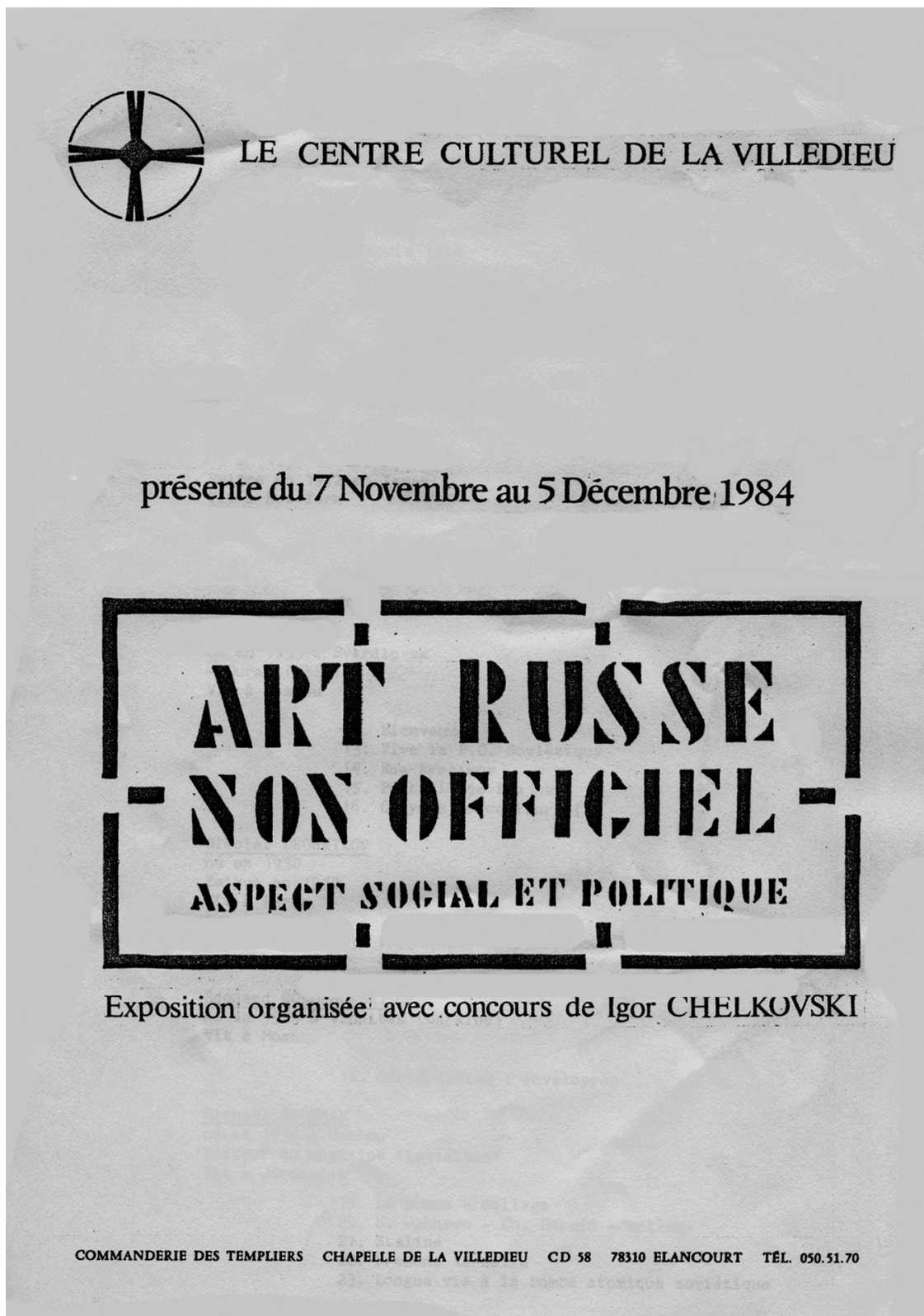
Вагрич Бахчанян, Виктор Тупицын – Игорю Шелковскому. 1984

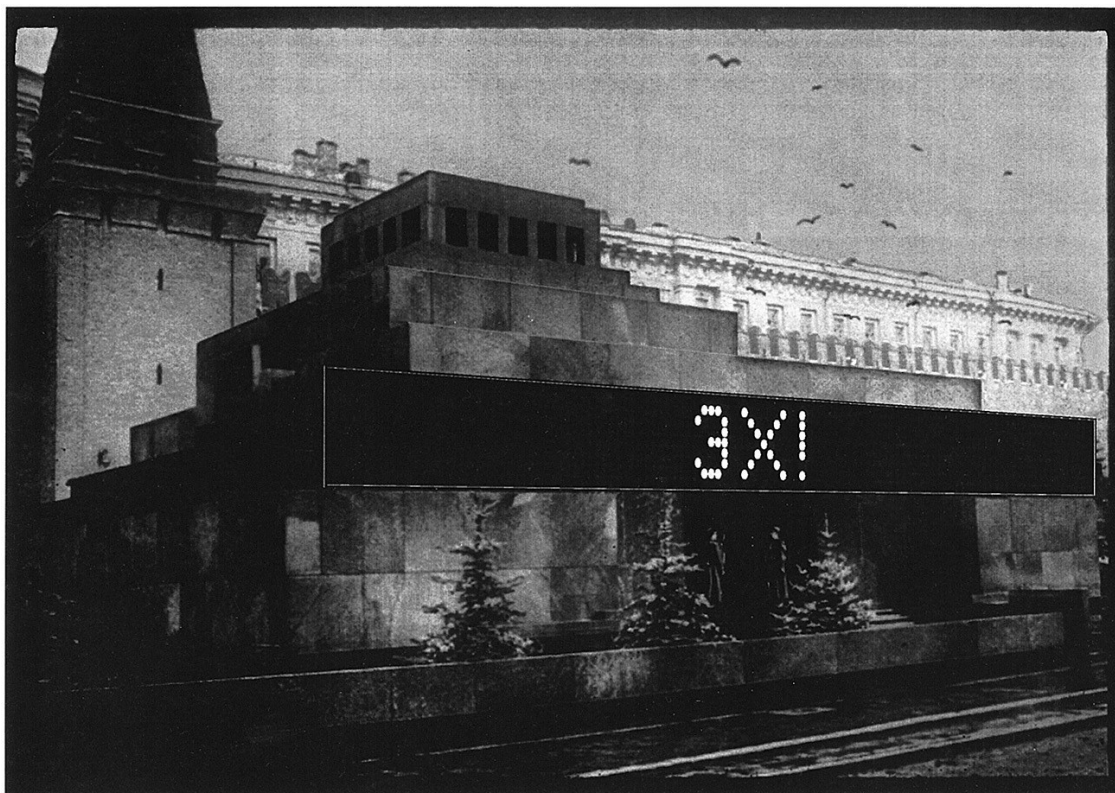
Приглашение на выставку «Русский самиздат арт» Лос-Анджелес, 1984

Приглашение на банкет по поводу открытия выставок «Sots Art» и «Apt Art». Нью-Йорк, 1986

Афиша выставки «Русские неофициальные художники». Эланкур, 1984

Комар-Меламид. Проект «Бегущая строка на ступенчатой пирамиде». 1993

1982

Сидоров – Шелковскому 01.82

Дорогой Игорь! Получил твоё письмо от 13-12-81. Ответить на него полностью очень трудно, так как это не отдельные вопросы и проблемы. А целые комплексы. Попытаюсь всё же начать с неразрешённых вопросов.

1) Опись ко всем посылкам я вкладываю не для тебя, а для того, кто берёт это для пересылки, так как многие сами (уже в свою очередь) делят посылку на части или что-то в этом духе. К тому же опись я делаю под копирку, с тем чтобы у меня остался хоть какой-то «документ», – к сожалению, этих «копий» у меня слишком много, а результатов мало. Ничего – изберём другую систему. К сожалению, я совершенно не мог раньше и не смогу в будущем давать тебе хоть какие-нибудь сведения или намёки о том, с кем или каким каналом я отправил письмо или посылку, это, прежде всего, вопрос этики, но и не только. Я убеждён, что большинство посылок пропадает не потому, что дармоеды хорошо работают – с чего бы! – а потому, что люди слишком трусливы и необязательны. О судьбе нескольких давних посылок я, тем или иным способом, получил сведения, и они, к моему огорчению, подтверждают мои догадки. Мне почти не приходится обращаться к каким-либо каналам повторно, поэтому твои опасения напрасны. (Я имею в виду свои каналы, а не твои, которые до сих пор работают более или менее исправно, за исключением одного-двух случаев и за исключением переписки, о которой я догадался совсем недавно, в чём дело.)

2) По поводу доверия или моих рассказов людям, которым, по всей вероятности, доверять нельзя, или, как ты пишешь, можно доверять на 70 %. К сожалению, я не могу тебе объяснить в письме (я смог бы только это сделать через очень надёжного человека, которого жду от тебя уже год-полтора; своих таких пока не имею), в чём тут дело, но я никогда ничего не делаю зря или просто так. Ты со мной вместе посмеёшься про «белый мерседес», но ты себе и представить не можешь, какую наиценнейшую информацию ты мне предоставил этим рассказом! Пожалуйста, не «приходи в ужас», даже если услышишь, что я китайский император, но *меня* очень радует, что ты *там* не доверяешь никому – это очень важно. И, я надеюсь, скоро ты узнаешь почему. По поводу же того, что «нужно» знать всем, а чего совершенно нельзя: я здесь ориентируюсь очень хорошо (пример – опять же твой – происхождение материалов о Филонове). Кстати, и я, даже очень доверяя даже самым близким мне людям, не говорю им *ничего*, то есть абсолютно ничего, чего им не надо знать, и только то, что знают они не всегда то, что есть на самом деле, или, по крайней мере, только в той редакции, в которой мне хотелось бы, чтобы они знали. Впрочем. Хватит на эту неинтересную тему. Резюмируя, хочу успокоить тебя: ни один человек от меня не узнал ничего такого, чего не должен был узнать, и, если я пишу, что собираюсь сделать, то значит – после долгих размышлений *вычислил*, что мне нужно написать такую фразу (или кому-то сообщить об этом лично).

3) О Наташе Бенуа нечего сказать не могу. Встретился с нею по её просьбе, но она ни о чём не спрашивала и ничего не предлагала. Так и не понял, зачем она меня хотела видеть? Впрочем, были третьи лица и, возможно, всё это относилось к ним, по крайней мере, меня это никак не насторожило, но и не расположило к ней.

4) По поводу твоих подозрений относительно задержки клише С. – твоя большая ошибка (это на мой взгляд). Вина была не её, я это знаю из разных независимых источников. Более того, написав тому другому человеку (который делал клише) письмо, обвиняя в задержке С., ты сделал большую тактическую ошибку, чем лишил себя возможности вновь воспользоваться этой услугой. Ошибка твоя очевидна, если ты вспомнишь содержание письма (кстати, ты не

поверишь, но я его читал!). Теперь ты, наверное, понял, в чём дело, а ведь можно было и догадаться. Вообще ты в письмах часто допускаешь «дипломатические» промахи. Например, с Ж. [Жаком Мелконяном] – эти письма я тоже читал, например. С письмом к Эдику Ш. [Штейнбергу]. Кстати, ты ставишь палки в колёса и мне, написав ему о том, чтобы материалы передавались самими художниками, без передачи их мне (что правильно), но чудовищно, что ты не объясняешь причины, вероятно, не зная, какой «звонок» Э. Ш. и как быстро письмо стало достоянием всей Москвы и всего Ленинграда, с той только редакцией, что ты «предупреждаешь художников, что мне ни в коем случае не надо доверять, поэтому материал необходимо посылать без моего ведома». Или ещё на эту же тему: некоторые твои письма в весьма резких выражениях ко мне дошли до меня, побывав в руках половины Москвы. Хотя, я так понимаю, что они (хоть и не справедливы), но предназначались только для меня, и ты не хотел делать их открытыми? Может быть, я неправильно понимаю? Да, ладно, я давно к этому привык, но не забывай, что это затруднит мою работу.

Ты всё-таки не забывай, что люди живут под топором, что они чудовищно подозрительны (и это не та подозрительность, которая процветает в Париже, здесь, правда, есть, чем рисковать, а именно: головой). Кстати, о пересылке материалов самими художниками и обвинении меня, что я скапливаю (т. е. концентрирую) материал в одних руках. Эта концепция хороша теоретически. Но практически она мертва, и ты на неё не рассчитывай. Я об этом говорю каждому художнику и каждому автору. Теперь благодаря Э. Ш. об этом уж точно знают оба больших города, но что изменилось? Из известных мне материалов тебе должны были прийти слайды Вити Пив. [Пивоварова], Анат. Жиг. [Жигалова] (негативы), Игоря Мак. [Макаревича] – кстати, это его работы напомнили тебе Сегала, несколько работ Ильи [Кабакова], несколько новых работ Ивана [Чуйкова], несколько работ Монаст. [Монастырского], и я очень просил Эрика [Булатова] снова снять тебе слайды (которые якобы «лежат в NY» – это та посылка с Храмом Хр. Спас. и слайды, о которых я уже писал) – вот, пожалуй, и все, что я могу припомнить. Конечно, есть худ., с кот. я вообще избегаю контактов и кот. могли тебе что-то прислать, но это они по своей инициативе, а адрес твой известен даже во Владивостоке и на Камчатке. Итак, я был даже многословен, и мы можем перейти к след. пункту.

5) Все слайды Штейнберга выслал тебе я, так что стороной не стороной – но это лучший способ иметь 30–40 слайдов и маленькими порциями отправлять. Что-нибудь дойдёт обязательно. Вся беда в том, что 30 слайдов стоят бешеных денег, но в данном случае платил за них сам Э. (что, к сожалению, бывает лишь редко!).

6) Жаль, что не будут использованы слайды Анд. Абр. [Абрамова]. Я мечтал дать их на обложку (там есть два проекта: кажется, «Шляпы» и «Сапоги»). Было бы очень здорово дать их двумя партиями, расположив либо по горизонтали внизу, либо по вертикали с правой стороны. Тем более что это очень хороший художник и несколько «трудный» в хорошем смысле слова, разнообразный, много работающий и в разных жанрах и системах, что никто (вот уже два года) не может ничего приличного о нём написать. Беда в том, что ты затеял эту публикацию, не предупредив меня. Я всё-таки кое-что сделал по нему, но теперь это всё бессмысленно. Возвращаясь к иллюстрациям Э. Ш., должен сказать, что я отсюда все слайды отправляю в пакетиках, поэтому они [не] должны быть ни захватанными, ни засаленными. Подписи действительно иногда отсутствуют; это связано с тем, что канал не очень надежен, и поэтому подписи я отправляю параллельно другим каналом (так было дважды), но на пакетиках фло-мастером должны были стоять порядковые номера. По всей видимости, трусливые «эmissары» выбрасывают пакетики, чтобы на границе не подумали, что это тайная шифровка. Идиоты!

7) Слайды Ф. В. [Семёнова-Амурского] я постепенно буду присылать и дальше. Задача не в том, чтобы у тебя был обширный выбор для «А – Я», а чтобы ты имел его работ наиболее полно. Может быть, когда-нибудь осилим небольшую монографию, может быть, что-то уйдёт в другие издания, есть у меня и ещё кое-какие планы. Главное – храни всё это бережно, а

как использовать – сейчас ломать голову не стоит. Можешь быть уверен, что я бы не стал платить столько денег просто так, чтобы ты мог сделать выбор для публикации, которой ещё и не планируется. То, что работы идут одного плана, – вина не моя или, точнее, моя, но не вина, а беда. Но об этом-то не очень расскажешь в письме. Когда-нибудь через кого-нибудь объясню. Может быть, здесь понадобится твоя помощь, ведь твой авторитет у Елизаветы Измайловны велик. Кратко объясню: суть в том, что Ф. В. все свои работы оставил мне, сказал об этом в присутствии Е. И., но, мне кажется, что это её очень обидело, а я не могу у неё требовать чего-либо, у меня есть только то, что я получил от него при жизни, да даже из этих работ часть попала к ней. Я устроил в Доме художника недельную выставку, но Ваня Смирнов, который снимал работы, несмотря на мои точные инструкции, отвёз все работы не мне, а ей, и мне теперь их тоже трудно получить. Самое трудное – завести даже разговор на эту тему, ведь её логика такова: они у нас тоже в полной сохранности, а «умирать она не собирается». Но только я не могу ей объяснить, что всё-таки произойдёт на самом деле после её смерти, кроме того, она буквально обложена советчиками (я думаю, что у каждого из них свои планы).

8) Что тебе не понравилось в статье Муриной? Ты представь себе на минуту, что это пятая, шестая, может быть, даже седьмая статья, которую я читал про Вейсберга. Все предыдущие просто нечитабельны, они не подлежат никаким переделкам, никакому редактированию. Это – слёзы и сопли. Впервые ст. Муриной попала мне (она не была написана специально для нас) два года назад. Полтора года назад, т. е. после полугодовой работы по уговору и увещеванию, эта статья была дана (а в ней было 15 стр.), но без права редактирования; но именно тогда, в день отправки и был тот обыск, на котором самыми ценными изъятиями (кроме книг) была приготовленная тебе посылка. С той поры прошло ещё полтора года, пока удалось получить право (и право сократить – в основном за счёт соплей) эту статью. Другой всё равно теперь не будет, да и не так она плоха и вполне годится для публикации. Кстати, давал её читать, и она производила относительно хорошее впечатление. Напиши всё-таки – идёт она или не идёт, я буду знать, что мне делать дальше. <...>

9) Ты напрасно сокрушаешься по поводу № 3 и его неудач. Лично я смотрю на это совсем не так. Я тебе писал – лишь об отдельных недостатках, которых могло бы и не быть, но в целом № очень неплохой, в журнале по-другому и не может быть – один № лучше, другой – хуже. Нам необходимо в принципе несколько улучшить качество и по этому поводу у меня есть несколько предложений, но речь может идти только после изменения финансовой основы – т. к. делать такую махину в таких тяжёлых финансовых условиях, да ещё и на высоком уровне – невозможно.

Таким образом, мы подошли к проблеме финансов. Прежде всего, проблема заключается, если я её правильно понимаю отсюда, в распространении. По всей вероятности (я уже догадался об этом давно), ты не получил моего очень важного письма – это было после выхода № 1, – где я резюмировал свои двухмесячные размышления по поводу распространения. Тогда я ещё не знал многих тонкостей, связанных с этой проблемой; но теперь, оглядываясь назад с позиции сегодняшнего дня, я лишь убеждаюсь, что основные мои предложения и выводы были тогда сделаны правильно. К несчастью, всё это можно доказать и проверить только практикой, и никакое теоретизирование здесь не поможет. Грубо говоря, меня эта проблема никогда не оставляла, но я как бы не имел права давать тебе советы из своего далека, успокаивая себя тем, что тебе виднее. Однако эта проблема занимает меня и в более широком плане, и уже давно. Я сделал за это время много запросов, провёл много консультаций, наводил справки, собирал различного рода информацию по этой проблеме и хотел бы на ней остановиться несколько подробнее. Но беда в том, что я ограничен объёмом письма и, право, не знаю, начать разговор в этом письме, продолжить в другом или посвятить этой проблеме целиком специальное письмо, хотя смогу его отправить только через неделю. Сейчас выпью лекарство и решу (кстати, уже 2 часа ночи!).

...По зрелому размышлению я решил отложить этот тонкий, сложный, деликатный и бесконечно важный вопрос на следующий раз, тем более что я ещё не ответил на все твои вопросы, да и времени уже слишком много.

10) По поводу серии книжек. Странно очень, как совпали мои мечты с твоими. Когда я посылал тебе первую (на пробу), я, честно говоря, мало надеялся на исполнение, прежде всего имея в виду твою чудовищную загруженность. У меня в запасе было несколько предложений, что с ней делать дальше, если бы ты не смог это дело сдвинуть. Теперь же, когда ясно, что дело здесь может пойти, я хотел бы сделать много всяких предложений, но и оговорок. К оговоркам я отношу обязательное координирование наших усилий и своевременное (заблаговременное) информирование. Предложения ты получишь в большом объёме, как только между нами появится живой и надёжный человек, а пока только одно: у того же автора есть ещё одна книжечка, примерно такого же объёма, на ту же тему; как говорится в Одессе, если интересуешься, можем обсудить. К слову, если дойдёт дело до 2-го тиража, то, прежде чем запускать, обязательно пришли хотя бы ещё один экземпляр 1-го с тем, чтобы я сделал важные исправления (есть ошибки!) прямо на книжке, чтобы легче было искать, в каких местах. <...>

11) Относительно № 4. Игорь, т. к. я совсем не осведомлён о твоих планах по поводу следующего номера; т. к. я очень плохо, несмотря на то что ты мне объяснил и я помню твои объяснения, ориентируюсь, сколько времени у тебя уходит на ту или иную работу по подготовке; т. к. ты никогда не ставишь меня в известность относительно не только «тамошнего», но и «тутошнего» материала, идущего в очередной №, то мне очень трудно, а точнее, невозможно работать синхронно с тобой. Если бы было не так, удалось бы избежать многих ошибок № 3. Попробуем же избежать ошибок в № 4-м. Напиши мне срочно, на какой стадии у тебя сейчас этот номер. Я мог бы быстро (приблизительно 2 недели после получения письма) прислать (на мой взгляд, очень хороший) материал, который вполне заслуживает быть «гвоздем», но человек, с которым мне сейчас приходится работать, требует большого такта, выдержки, скрупулёзной тщательности, к тому же он тяжело болен и лежит в больнице вот уже 2 месяца. Речь идёт о художнике, которого, по сути дела, никто не знает, хотя были его публикации, ничего о нём не говорящие и (видимо, после этих публикаций он совсем замкнулся и ни с кем вообще не хочет иметь дела), скорее всего, принесшие ему вред. Статья о нём у меня давно лежит, но сам он не спешит (хотя и не против). Его аргументы таковы: меня никто не знал всю мою жизнь, я могу подождать и до своей смерти. Я в силах его переубедить и получить возможность сделать у него съёмку (чего ещё никто не делал, за исключением нескольких случайных снимков), но насиловать его сейчас, когда он лежит в больнице с тяжёлой болезнью сердца, не хотелось бы без причин. Ещё раз – если материал, который придёт к тебе в середине января, может быть использован в № 4, то срочно напиши, и я сделаю всё возможное. Имя художника ты знаешь, но представление о его работах имеешь, должно быть, поверхностное, т. к. одна и та же работа кочует из одного издания в другое. Речь идёт о Шв[арцмане].

Другим ударным материалом мог бы быть Дышленко – интервью с которым почти готово (это «почти» касается корректировки 2-х ответов, что можно было бы уладить одной поездкой в Л-д (я собирался в конце декабря, но интуиция подсказывает, чтобы я до начала января не уезжал из Москвы). Дело в другом. Его лучшие работы – в Л-де, а хорошо снять там не могу. У меня есть один его триптих, мне он нравится, но всё-таки это старая работа и не так будет соответствовать интервью. Опять, кстати, о соответствии изобразительного материала текстам, кроме № 1, где такое соответствие было, но ни второй, ни, к сожалению, № 3 похвастать этим не могут. Я бы сказал так: высшая категория несоответствий текста и изобразительных материалов! В будущем необходимо избегать этих чудовищных накладок. Не дай бог, так будет со Шварцманом!! Итак, подвожу итог по Дышленко: художник очень интересный, на мой взгляд, самый интересный за весь последний период в Л-де, с очень простой, но далеко идущей концепцией (публикация в «ДИ», опять же, ничего о нём не говорит). Весь материал мог бы быть у

тебя в середине января. Резонный вопрос с твоей стороны, а почему его ещё у меня нет, вместо «мог бы быть». Ответить сложно. Всё лето он пролежал в больнице (сильнейшее сотрясение мозга – попал под машину), да и сейчас плохо себя чувствует. Контакты с ним очень затруднены из-за отсутствия у него телефона и из-за того, что он теперь редко бывает в мастерской и ушёл от жены. В каждый мой приезд в Л-д трачу много сил и изобретательности, чтобы его разыскать. Только что условился с ним о встрече, теперь, может быть, успею, но если не в № 4, то не буду спешить, чтобы устроить возможность снять на хорошую аппаратуру. Опять та же просьба к тебе: срочно сообщи, как мне с ним поступать!

12) О Гамлете [Овсепае]. Ты пишешь, что даже в «Галерею» не можешь дать его материал, т. к. не имеешь биографических данных. Да я потому их не присылаю, чтобы ты не дал в «Галерею»! В этой рубрике без текста он будет и впрямь Хартунгом 50-х годов. Я уже много раз писал, что пока каналы не надёжны, я присылаю тебе все материалы частями. Гамлета ты накопишь только к весне (да и статьи ещё нет). Публикация этого художника – очень тонкое дело. Позже я тебе о нём напишу подробнее. Это удивительный человек, самородок, возможно, с большим будущим, но ещё не нашедший себя окончательно. У меня по нему много материалов, и ты их получишь в ближайшей посылке. <...>

Вообще, я решил постепенно переслать тебе весь свой архив, т. к. хранить мне его всё труднее и труднее, ещё хочу тебе сказать, что собираюсь все работы из своей коллекции (а это вместе с графикой примерно 3000 наименований) постепенно переправить тебе. Под словами «весь свой архив» я имею в виду не только материалы по художникам и не только мат., кот. пригодятся для «А – Я» или выставок под эгидой «А – Я», а прежде всего имею в виду «переезд» своего архива, и пока больше ничего. <...>

13) На протяжении 2-х лет мне не совсем понятно твоё пренебрежительное отношение к Б. Ор. [Орлову] и Сл. Леб. [Лебедеву]. И тот и другой очень хорошие художники. Слава сделал столь значительные шаги, что удивляешься, как это за такой короткий срок можно сделать так много, и это после дурацких «кукол» и крашенных тряпочек. У тебя сейчас 2 статьи Виталия [Пацюкова] о том и о другом. Я вижу по реакции здесь, когда привожу к ним в мастерскую «просвещённых» западных зрителей, как ими это воспринимается; кроме того, у меня есть своё мнение, и оно тоже чего-то стоит. Уверяю тебя, если ты будешь ориентироваться только на уровень Бул. [Булатова], то тогда надо закрывать журнал и сделать просто одну хорошую монографию о Булат. «У нас здесь в Союзе» (как любят говорить) таких худож., как Эрик, ещё только Кабак. [Кабаков], да Ваня [Чуйков] и больше нет. Боря, по-моему мнению, входит в здешнюю десятку, не ниже; Славу (ты помнишь, как мне не нравились его работы в твою ещё бытность в Москве!) теперь, когда он начал делать «соц-артистские» работы, я ставлю очень высоко и настоятельно рекомендую внимательно (ещё раз) прочитать очень даже «не водянистую» статью Виталия о Славе и хорошую, его же, ст. о Боре, где ясно выражена вся суть их концепций.

Вообще, меня всегда задевает ваш снобизм, как будто мы здесь не читаем, что пишут в «лучших» западных журналах. Получается так, что вы там все очень хорошо информированы, а у нас здесь ещё каменный век. Не забывай, что журналы-то мы видим и всё читаем, даже жаднее, чем вы там. Да, ст. Пацюкова стилистически отличается (и по жаргону) от статей во Flash Art, Kunstforum и т. п., зато у него больше онтологической глубины и желания понять всё «по вертикали», вглубь, в сути явления, а не на поверхностном (опознаваемом) уровне. Виталий – человек с очень редким даром (здесь – может быть, единственный), способный заглянуть по ту сторону общепринятых и ходячих концепций. Уже одно то, что он выделил и Борю, и Славу в отдельные статьи, говорит о том, что это интересный материал. Я знаю, что тебе мешает объективно смотреть на их вещи. Но, во-первых, поверхностное знакомство (узнавание или опознавание) ещё не есть истинное проникновение в суть концепции произведения ис-ва, во-вторых, ис-во «не имеет последствий» (эта гениальная мысль принадлежит Андре

Жиду) и надо изживать в себе советское воспитание, подходить к суждению о произведении ис-ва с «идеологических» позиций (оставим это «искусствоведам в штатском» или «философам» из «Третьей волны»). К сожалению, мой лимит кончается. Не успел о «Типажах» Сем. – Ам., но это в следующем письме. Всё время помню о «перепечатках редких книг», я этой идеей болен давно, но имею так много предложений, что отказываюсь пока даже от обсуждения этой затеи в самых общих чертах, т. к. это не проблема, а «целый мир»! До лучших времён, т. е. до надёжного человека, который всё запомнит, всё поймёт и всё точно передаст! <...> ¹

¹ Kunstforum International – журнал, посвящённый современному искусству, был основан в 1973 году в Кёльне.

Шелковский – Сидорову 15.01.82

Дорогой Алик!

Получил твоё письмо от 25-12-81. <...> Мне его переслали в Нью-Йорк, где я был с 26-го декабря по 12 января. Возвращаясь из гостей, мы его вынули из ящика, потом внимательно читали с Сашей Косолаповым до 3-х часов ночи. Все оставшиеся дни я возил его с собой и перечитывал, изучающе, в дребезжащем нью-йоркском сабвее. В последний вечер мы обедали большой компанией с Нортон Доджем. Это американский коллекционер русского искусства, он живёт под Вашингтоном и приехал на несколько дней раньше, чем собирался, специально, чтобы повидаться со мной. Первыми его словами были слова о том, что он готов и впредь поддерживать наш журнал на тех же условиях, т. е. что мы будем давать ему взамен работы художников журнала. Причём это должны быть вещи, сделанные в России, т. к. это принцип его коллекции. Этот же принцип и предмет нареканий со стороны многих художников, т. к. придерживаясь его, он большей частью покупает чёрт знает что. Но он всячески популяризует свою коллекцию, даёт, в отличие от Ж. [Жака Мелконяна], вещи из неё на все русские выставки, иногда и субсидирует их. Беря вещи от нас, он будет хорошо платить, т. к. это совпадает с его желанием поддержать журнал и, кроме того, деньги на благотворительность списываются с налога. Первым делом он спросил, нет ли у нас «панорам» Чуйкова или других его работ. Затем его интересуют работы Булатова, Макаревича, Сидура и вообще всех, кто в Москве. Он обещал прислать список имён, составленный по журналу. Т. к. самокупаемость журнала, очевидно, вещь совершенно нереальная (кажется, я писал, что от продажи возвращается примерно 1/8 затрат, подробнее постараюсь написать в конце письма), то мы всегда будем зависеть от меценатов, от субсидий. Вариант с Нортон Доджем наиболее реальный, т. к. здесь мы не просто выклянчиваем, а вступаем в товарообмен. Со стороны моральной я также считаю это дело нормальным: журнал создал многим художникам имена, теперь их ответный долг – не дать ему умереть. Тем более что речь идёт не об оригиналах работ: достаточно лишь авторских повторений, т. е. копий. Важна лишь подпись. Например, можно повторить одну из панорам на плоской фанере (или картоне), а я здесь склею её в куб. Так будет легче переслать, хотя как раз вопрос пересылки и является самым сложным.

До сих пор в моём ателье стоит рельеф Игоря М. [Макаревича] «Крест св. Игнатия». Год назад Ж. сказал, что эта работа принадлежит ему, т. к. он заплатил деньги Игорю. Но работу до сих пор не удосужился забрать, хотя я и писал ему напоминающее письмо. (Кстати, какие «мои письма» к Ж. ты читал? Кроме этого короткого письма, я уже несколько лет ему ничего не писал. Так же как и он мне. Послал ему № 3 и открытки, он и на это никак не прореагировал.) Если бы Игорь мог бы повторить эту работу или дать Ж. что-то эквивалентное, то этот рельеф я смог бы отдать Доджу и тем покрыть часть расходов по № 4. (Сейчас я подумал, что если Ж. теперь его срочно заберёт, то это будет знак того, что нашу переписку читает посторонний, следящий и за нами, и за Ж.)

Вот примерное содержание № 4: художники Абрамов, Чуйков, Вейсберг, Комар-Меламид, Лебедев, Худяков. Статьи Голомштока, Гройса и других здешних авторов, которые пока обещаны, но ещё не получены. Как всегда, я ещё не знаю, из чего наскребу раздел «Галерея» и что будет на второй и предпоследней страницах, всегда трудных для меня. Кажется, поездка в Нью-Йорк была плодотворной (о N. Y., будет время, напишу отдельное письмо), познакомился там с некоторыми возможными авторами и участниками журнала и обсудил материалы уже имеющиеся.

Обсуждал бы я и с тобой подробно все наши планы и намерения, если бы все эти детальные письма не отбирали столько времени, если б была уверенность, что каждое письмо и ответ достигнут адресата, если б знать, что информация не просочится в ненужную сторону или

просто будет не так понята, и какие-то детали будут раздуты до фантастических размеров, и из них будут сделаны неправильные выводы. Да и сколько же времени надо на обсуждение какой-то детали, если даже в случае нормального, без приключений, прохождения письмо – ответ требуется месяц и больше.

Я считаю, что мы с тобой должны понимать друг друга с полуслова, с полунамёка. Внутренняя сторона книжечки Альбрехта предназначалась, прежде всего, для тебя. Что касается журнала, то у меня нет никаких редакторских амбиций, больше того, у меня просто нет времени этим всем заниматься. Я предпочел бы, чтобы ты мне присылал весь номер в законченном виде, со всеми статьями, фотографиями, подписями к ним, биографиями и пр. С меня бы хватило всей макетно-технической и организационной работы по выпуску номера в свет. Но из тех крох, что я получаю от тебя, я не могу составить журнал, мне нечем заполнить 60 пустых страниц. Кроме того, в этой работе, как и во всякой другой конкретной работе, есть свои сроки. Я тебе писал уже, что для ритмичного функционирования мы должны иметь ко времени выхода номера все материалы для следующего. И иметь их здесь, у меня, т. к. наличие их у тебя ещё ничего не говорит: они могут быть отобраны или пропасть при пересылке. Некоторое время я думал, что ты теперь вообще оставил работу над журналом. Я получил от тебя очень мало для № 3 и № 4. Всё, что ты пришлешь в ближайшее время, очевидно, сможет пойти в № 5, а если промедлишь, то в № 6. У журнала уже определились его объём, примерное количество иллюстраций, рубрики. Последние можно было бы ещё разнообразить и ввести новые. Подумай какие. Как можно наилучшим образом использовать журнальные страницы?

Второй вопрос – это качество присылаемых литер. материалов. Я получил очень много нареканий от читателей и особенно от переводчиков за статьи Гройса и Пацюкова. Но с Гройсом мы теперь, после его приезда, можем говорить на равных, с Пацюковым же сложности продолжаются. Что такое следующие фразы: «Вместе с появлением мысли, рождаются новые коммуникации, новые смысловые связи и, наконец, новая реальность как проекция внутренней жизни человека и как сотворенная материя». «Основная черта современных тотемических представлений заключена в слитности социально-идеологического пласта нашего мира и человеческого общества с одной стороны и с другой соединении в них единичного и множественного». «Вполне возможно, что на современной фазе истории структура нашего пространства способна рождать мутантов...» и т. д. Это из статьи об Орлове (начало). Даже если у автора и есть какие-то верные мысли, то выражены они столь косноязычно, и главное претенциозно (статья так и начинается: «Представление о глубинном и сущностном...»), что понять и принять это почти невозможно. Переводчики часто спрашивают меня, как я понимаю тот или иной кусок. А часто я сам его не понимаю. «На первый взгляд, всё это напоминает наше представление о первобытном сознании, реконструируя которое мы склонны видеть именно в субъективно-объективной неразделённости наиболее существенное его качество» – на мой взгляд, это откровенное словоблудие. Зачем же мучить этим читателей и переводчиков, требуя от них ясно перевести на другой язык то, что неясно написано по-русски?

К Боре [Орлову] и Славе [Лебедеву] я не «отношусь пренебрежительно», наша старая дружба не мешает мне на них «смотреть объективно». С тех же пор мы дружили с Димой [Приговым], позже с Иваном Ч. [Чуйковым]. И Боря и Слава уже были в журнале (№ 1, № 2). Просто я думаю: что может дать ещё одна публикация. Читатель будет в недоумении пожимать плечами: почему этот певец сов. армии и флота считается неоф. художником? (Поди ему объясни, что нет, у него там в глубине штанов кукиш запряган.) Новых работ Славы у меня нет, а из старых (2-3-х летней давности) две наиболее интересные уже напечатаны. Вейсберг будет в четвёртом №, но не могу сказать, что б уж очень сердце к нему лежало. На мой взгляд, это тип коммерческого художника, так же как Купер, Гороховский, Кульбак и многие другие, независимо от их места жительства. Это моё личное мнение, я его никому не навязываю, и пусть это будет только между нами. Не присылай больше его слайдов. Тех, что есть (5 цветных и 10 ч/б),

мне вполне достаточно. Кроме того, в Париже очень много его вещей в частных коллекциях. Недавно зашёл в галерею Басмаджяна – там стоят у стенки 5 или 7 холстиков – новенькие, с иголки. Всегда можно сфотографировать.

Теперь снова, в который раз, нужно поговорить о пересылке. Перечёл старые письма – ведь в каждом письме я пишу одно и то же. Получил ты моё письмо от 4-8-81?

Проверяй доходимость, не посылай на деревню дедушке. Если из 14 отправлений я получил 2, то это нельзя считать нормальным. Кроме того, у меня впечатление, что кто-то контролирует эту переписку таким образом, что до меня доходят наименее интересные материалы, а материалы нужные пропадают. Нельзя сказать, что совсем ничего не доходит, но то, что я получаю, я совсем не могу использовать в журнале. Вот сейчас получил от С. посылку с негативами и слайдами: в ней некто Борисов (6 нег.), 2 Кабакова (цв.), 2 Штейнберга (цв.), 28 слайдов и негативов Космачёва и 29 Шелковского. Здесь Алик и твоя вина. С одной стороны, ты жалуешься на отсутствие каналов, с другой – ты посылаешь, когда эти каналы у тебя есть, то, что мне совсем не нужно. Космачёв под боком, я всё могу получить от него самого, себя же я публиковать не собираюсь, тем более эти старые работы. Какой смысл посылать статью Риты Тупицыной об Абрамове (в пос. № 7, как ты пишешь, до меня не дошедшей) или биографические данные Косолапова? С ними я и так в постоянном контакте и могу всё получить более лёгким способом. Адрес Паперного у меня также есть. Хорошо, что ты решил переслать мне весь свой архив, у меня он будет в целостности и сохранности. Но такими темпами – на сколько десятилетий это растянется? Ты и мой-то, наверное, ещё не весь переслал. В моём архиве были письма Ф. В. [Семёнова-Амурского], его фотографии, как бы мне хотелось их иметь сейчас. Последнюю порцию семейных фото я получил, спасибо. Получил также фотографии (ч/б) и диапозитивы Овсепяна. Человек он, по-видимому, действительно талантливый, но слишком молодой и крайне эклектичный: тут и абстракт. экспрессионизм, и концепт. иск. (документы), и поп-арт, и акции на природе и мн. другое. Я бы выделил что-то одно – напр., акцию «Поток» – и дал бы в галерею. На мой взгляд, это было бы лучше, чем выставлять на весь свет его эклектичность. Но 2 фотографии маловато, да и акций в № 4 хоть отбавляй. Впрочем, буду ждать твоих предложений.

Булатову передай, что у меня есть всё то, что было напечатано в «А – Я» и в Du. Кроме этого, есть слайд «Наташа» и несколько чёрно-белых фотографий со старых и новых работ, которые он мне послал. Нет слайдов с новых работ. Ч/б негативы Штейнберга были у меня ещё до первого номера. Они пыльные, плохого качества – так и вышло в журнале. Видишь ли, Алик, я совсем не против «демократического централизма», меня бы как раз больше устроило, чтобы все материалы собирались в одних руках, потом пересылались мне.

Повторяю, что я был бы счастлив получить весь номер готовым, а не возиться с его организацией. Но в наших условиях это невозможно. Гораздо более эффективна пересылка рассредоточенная. Это и практика показала. Это никак не умаляет твоего значения как редактора. Статьи и основные материалы всё равно готовишь ты. В моём письме к Э. Штейнбергу (я его послал в апреле 81 г. – видишь какие сроки доходимости!) нет ни слова умаляющего твой авторитет. Даже в приписке с просьбой писать и дать мой адрес другим. Я по-прежнему уверен, что один или два человека не смогут поднять такой журнал. Он возможен, только если из множества людей каждый будет вносить свой вклад. Мне кажется, это твоя беда, что вокруг тебя не создан круг активных помощников, которые не по команде и не за деньги, а по доброй воле, из идеи делали б ту работу, которой так придавлен ты один.

Ну, кажется, теперь я приблизился к 10 пункту твоего письма, а именно: о маленьких книжечках. Я знал, что здесь наши желания совпадут, и рад, что так оно и получилось. Теперь, условием дальнейшей совместной работы ты ставишь «координирование наших усилий», но как ты себе это представляешь? При неуверенности в переписке, при пропаже писем и посылок, сколько же лет нам понадобится, чтобы скоординировать ту или иную деталь? Я напеча-

таю, вернее по мере сил постараюсь напечатать всё, что ты мне пришлешь (если в каком-то редчайшем случае это почему-либо будет не подходить, то попробую тебя в этом убедить своими аргументами). Но мне совсем не нужна «заблокированная информация» о твоих планах. Мне с ней нечего делать. Никогда не информируй меня о твоих намерениях. Во-первых, ты, возможно, этим информируешь не только меня, во-вторых, мне важны не планы по изданию, а то, что до меня конкретно дошло, что у меня уже на руках. Так же считаю, что будет пустым фанфаронством писать, что и как я хотел бы издать, а конкретные планы строить очень трудно. Я вот объявил на обложке первой книжки названия семи остальных, а теперь вот мучаюсь: когда их удастся выпустить и удастся ли? Повторяю, что я постараюсь напечатать всё интересное, что ты мне пришлешь.

Эту серию я задумал именно как серию книжечек одинакового формата, каждая книжечка будет иметь свой номер, но содержание и оформление их будет совершенно различным. Это могут быть и стихи, и только репродукции, и статьи, и публицистика и философские трактаты. В эту серию может войти прежде всего то, что не вошло (или по объёму, или по отдалённости темы) в журнал. Вообще она делается как бы на «отходах» журнала, на оставшемся неиспользованным илл. материале, ненапечатанных текстах. На обложки я использую уже имеющиеся клише. Даже печатать всё я собирался сам, хотя сейчас ситуация изменилась и у меня нет больше этих возможностей. Выжить можно было бы только в том случае, если делать их самому, предельно дешево и так же дешево продавать. Если книжечка Альбрехта была всеми воспринята «на ура», то сколько можно будет продать экземпляров Пригова, Вс. Некрасова или «Типажей». Три? Пять? Вряд ли больше. Книготорговцы об этом предупреждают. Покупать их могли б, может быть, лишь в том случае, если б они стоили не дорого, и если бы всё это шло именно как одна серия. Возможно, людям было бы интересно их коллекционировать, иметь в полном комплекте. В последние дни в Нью-Йорке я был в «Руссике», это большое (относительно, по эмигрантским масштабам) книготорговое предприятие. Их увлекла эта первая книжечка, они меня торопят: когда будут остальные? Я их предупредил, что остальные будут не столь массовые, но они пока не придали этому значения. Они предлагают разделение труда: мы издаем – они продают. Себе они берут 50 % стоимости книги. Как тираж они предлагают 500 экз., что, на мой взгляд, слишком завышено для книг не «массовых», вроде сборников стихов. Впрочем, они иногда продают книги не в отдельности, а целыми комплектами и даже библиотеками (напр., университетам). <...>

Вообще же я ставлю успех этого дела в зависимость от успеха доставания денег на журнал. Если будут деньги на него, то отрывая некоторые деньги и предельно снижая себестоимость, может быть, удастся выпускать какие-то брошюры.

Ну а теперь вопрос продажи журнала, который ты называешь «тонким, деликатным» и т. д. Здесь нет ничего деликатного, всё просто. Мы живём в разномасштабном мире. В Москве распродать книгу по искусству тиражом 10 т. экз. не составит никакого труда. Здесь же и тысяча расходуется туго. (Это так же как голодный съест, не моргнув, чуть не полбуханки хлеба, сытый же – маленький ломтик, да и то, намазав предварительно маслом и положив кусочек сыра.)

Здесь такой выбор всего, что ты хочешь: книг, пластинок, видеокассет, путешествий, удовольствий, вещей, что денег не хватает практически всем: у кого есть тысяча – тому не хватает ещё ста франков, у кого есть миллион – тому позарез нужно ещё сто тысяч. Здесь любую денежку можно истратить с наибольшей пользой (цель может быть не обязательно неизменной, но и высокой, в частности наша ситуация – ведь только отсутствие денег ограничивает издательские планы). Поэтому, если здесь что-то покупают – то только то, что остро необходимо.

Наши потенциальные покупатели – профессора университетов и искусствоведы, специализирующиеся на русском искусстве, отделения славистики. Число таких покупателей довольно ограничено, да и каждый из этих профессоров тоже стоит перед выбором купить

ему «А – Я» или какую другую русскую книгу из сотен здесь издающихся (а стоят они все не дешево), подписаться на наш журнал или на какой другой (русский) из нескольких десятков выходящих. Конечно, есть какое-то количество просто любителей искусства, интересующихся именно нашим сюжетом, но как к ним пробиться, как их информировать о нашем журнале? Отчасти такую информацию дают статьи и заметки в газетах (обычно в конце дается адрес подписки). Статья в Лё Монд 2 года назад дала примерно 30 подписчиков, в других газетах и журналах – 2-3-х. Конечно какой-то эффект дала бы специальная реклама, но деньги на неё в десять раз превзошли бы все будущие доходы.

Кроме того, чтобы всем этим заниматься, нужно время, нужен специальный человек, который добровольно, без оплаты занимался бы распространением журнала. Без оплаты, потому что откуда же взять денег на оплату, если журналы не продаются? Я готов дать любому весь тираж за половину его стоимости, т. е. с тем, чтобы он продавал и брал половину стоимости себе. Пока что я ещё не нашёл такого человека. Такой же разговор был и в «Руссике». Я им объяснил, что мы готовы дать им исключительные права и на журнал, но для этого нам надо, чтобы они взяли не меньше 2000 экз. <...> Они отказались – им это много, они бы взяли несколько сот. Другой вариант искать подписчиков – мы получаем полную стоимость, но до 20 % уходит на почтовые расходы. Когда ты писал, что может быть 300 эстонских подписчиков – ты ошибся не в 100 раз, и даже не в 300. Ты ошибся до бесконечности, потому что эстонских подписчиков было 0. Сейчас у журнала примерно 100 подписчиков, половина в Нью-Йорке, половина в Париже. На 1–2 №№ у меня было 100 подписчиков, мне надо ещё послать не возобновившим подписку напоминательные письма.

Как существуют западные художественные журналы? Они меньше, чем мы, зависят от подписчиков и продажи. Большую часть денег они получают от рекламы. Часто в одном номере и статья о художнике и реклама его выставки – значит, галерея заплатила и за то и за другое. Имя делает деньги, а деньги делают имя. Почему бы нам не печатать рекламу? А кто даст рекламу в журнал непериодически выходящий, не имеющий большого тиража и обращающийся к неизвестно какой аудитории? Пересылка клише в Америку и печатание там части тиража обойдётся во много раз дороже.

Теперь ещё немного об осторожности. Например, ты рассказываешь О. о том, что хотел бы посетить такого-то, единственного из оставшихся в живых свидетелей событий и т. д. Зачем? Если ты действительно это собираешься сделать, то то, что О. об этом знает, тебе никак в этом не поможет – это в лучшем случае. В худшем – это может тебе повредить. Ведь вы там, как ты пишешь: «живёте под топором и рискуете головой». Если же ты не собираешься этого делать, а даёшь эту информацию умышленно с целью создания себе репутации опасного и нежелательного элемента в расчёте на будущий отъезд – то, на мой взгляд, это тоже не очень осторожно и, может, преждевременно. Если ты решишь твёрдо уехать, то можно будет дать твою фамилию в журнале. Кажется, это помогло в случае с Гройсом и Тилем [Валентином Самариным (Тиль Мария)]. Последний приехал сюда примерно год назад. Он фотограф из Ленинграда. Он милый и добрый человек, но прожектёр. И не без амбиций. Привёз сюда ленинградскую идею, с которой носился по всем газетам и эмигрантским группам: устроить во всемирном масштабе «Русскую Ассамблею». Когда его спрашивали: а что это такое: – он давал какие-то невнятные ответы, а когда настаивали, то обижался и говорил, что «вы уже забыли, как трудно художникам там». Призывал же всех очень воодушевлённо и горячо: «Все западные деятели искусства примут в ней участие». В конечном счёте, по его объяснениям, всё сводилось к тому, что каждый делает то, что и раньше делал, но всё должно быть посвящено этой «Русской Ассамблее», главное выпустить декларацию и напечатать её во всех газетах.

Что касается отъезда, то, конечно, я всей душой буду рад тебя видеть здесь, так же как Алика Щ. [Щенникова], Ивана Ч. [Чуйкова]. Здесь жизнь трудна, но по-другому. Там же она совершенно бесперспективна.

Шелковский – Сидорову 25.01.82

Осталось мне написать тебе различные конкретные вещи, но в это время получил от тебя твои последние письма № 60 и № 61 (вместе). Постараюсь ответить на все вопросы и как можно подробнее. Но в начале мои просьбы к тебе.

1. Пришли список ошибок в книжечке Альбрехта. Я буду пытаться переслать тебе ещё несколько экз., но это не так легко, и я считаю нерациональным пересылать исправленный экз. обратно. Это можно сделать просто в письме, указывая ошибку, номер строки снизу или сверху и номер страницы. Ту страницу, которая целиком неправильна, можно также или переписать чётким почерком в верном варианте или напечатать на машинке. Всё это можно послать письмом. Это надо сделать на тот случай, если затеется второе издание, т. к. если это произойдёт, то пересылать уже будет поздно, лучше сделать заранее.

2. Я уже заранее предчувствую неудачу с 19, именно потому, что там много ценного (я уже писал, что не ценное доходит). Я не понимаю, что неэтичного в том, что ты мне сообщаешь, у кого это должно находиться? Тем более что те, кто берется сделать это, – тебя обманывают. Конечно, и с моей стороны возможности воздействовать ограничены: что я могу сделать, если люди нечестны? Год назад я дал массу вещей для пересылки в Москву французу (прекрасно говорящему по-русски и знающему тамошнюю жизнь) по имени Марк Бодан – Marc Bodin – он мне долго и нагло морочил голову, потом оказалось, что всё якобы потеряно. Там были вещи невозполнимые – пакет от Ганкина из Канады (с вызовом? Не знаю, не открывал) и моё большое письмо к тебе, которое вовсе не желательно для чтения посторонними. Но, по крайней мере, теперь выявлено это имя, можно предупредить других.

В Вене у меня нет надёжных знакомых. Там сейчас Космачёв, но он человек вроде бы свой, но не обязательный, не исполнительный. С ним возможно вести дело, только если постоянно требовать от него предельной чёткости. Итак, при первой возможности, напиши, где 19.

Чтобы не забыть написать ещё на эту тему, хочу разъяснить про Ж. [Жака Мелконяна]. Перевозить письма он отказался ещё несколько лет назад (для него это опасно и нежелательно). Кроме того, уже с год у меня с ним не было никаких контактов, а до этого они были крайне редки. Что я ставил ему всегда в вину? То, что он никогда не держит своего слова. Так, например, при последней встрече год назад он сам предложил, что будет давать на журнал 10 тыс. франц. франков (1/3 необх. суммы), после чего исчез наглухо. Даже в наилучший период нашей «дружбы» он был столь медлителен в делах, что не наседай мы с Серёжей на него – первый номер не вышел бы до сих пор (и это не преувеличение!). При всех расчётах помни, что мы с ним, кажется, уже полностью раззнакомились. <...>

Пора это письмо подытожить. Повторяю, сейчас самый существенный вопрос не как издать, а что издать, из чего этот журнал составлять. Если ты переведёшь себя на завхозовскую работу, то кто же будет делать сам журнал, кто будет организовывать эту работу? Самой нашей большой неудачей я считаю то, что в Москве не создалось группы людей заинтересованных в продолжении нашего издания и готовых, жертвуя своим временем и идя на некоторый риск (хоть и не мне это говорить, но риск-то минимальный), что-то делать для него. Назови такую группу редакцией или ещё как – разве дело в названии?

Дело не в тщеславии, не в почестях (это всё относительно), а в самой идее: независимый журнал по искусству, журнал, где каждый мог бы высказать свои заветные мысли, поднять вопросы до него не рассматривавшиеся, вызвать спор. Ведь журнал нужен не для того, чтобы развешивать медальки: тот художник хороший и тот художник хороший (этот вечный вопрос отовсюду: какие художники будут напечатаны в следующем номере?). Как будто в этом дело и как будто нам позволено выносить окончательный приговор. Наш долг показать: смотрите,

сколько есть интересного и никому ещё неизвестного, смотрите, какие есть факты, о которых ещё никто не слышал, смотрите, какие есть оригинальные мысли – что вы на них возразите?

Журнал в основе своей должен быть проблемным журналом. Не каталогом тех-то и тех-то художников с похвальными статьями (таких журналов много, включая самые крупные), а журналом проблем, интересующих всех современных художников и людей, связанных с искусством. Конечно, этого очень трудно добиться, ну а кто говорил, что будет легко? И я верю, что такие силы есть, есть люди способные писать вдумчиво, без графоманства, и, по мере сил, выяснять истину. В № 30 «Континента» напечатана очень неплохая статья Вл. Антонова (может псевдоним) «Неофициальное искусство: развитие, состояние, перспективы». Сноска уточняет, что она взята из ленинградского самиздатского журнала «Северная почта»². В конце статьи он высказывается немного об «А – Я», причём высказывается потребительски, со стороны: «если критика избежит крайностей и т. д.», т. е. «если они» и т. д. А кто они? Твой журнал, вот ты пиши в него, всё, что ты напишешь по делу, мы напечатаем. Надо было создать такую атмосферу, чтобы каждый стремился внести свою лепту, работая без умничанья и похвальбы на общее дело.

Я как-то написал Гройсу по поводу его статей, что стали бы вы такими словами, фразами и периодами писать письмо другу, которому хотели б объяснить что-то существенное, вам открывшееся? А ведь каждая статья – это тоже как бы послание неведомому другу, в котором ты или делишься новостями, или обмениваешься мыслями, жизненным опытом. Мы сейчас уже не на пустом месте, можно с потенциальными авторами обсудить все опубликованные материалы: что лучше удалось, что хуже. Я очень ценю статьи, написанные без позы, без ломанья и умничанья, ясно, умно, не поверхностно. Это может быть Косолапов о Дж. Джонсе (№ 1), Капелян и Комар-Меламид (№ 2), Герловины (обе статьи, № 3) материалы о Филонове. Гройсовско-пацюковские статьи поражены каким-то вирусом тщеславия, когда автор в простоте и слова не вымолвит.

Возможно, по твоим подсчётам ты уже переслал мне 10 тысяч слайдов, но учти, что большая часть посланного до меня не дошла, а то, что дошло, тоже не всегда применимо: либо это очень слабый художник (цикл слайдов Одноралова), либо этот художник уже был напечатан в журнале. Если из 25 слайдов художника напечатаны 3–5, то роль остальных чисто пассивная, они лежат в архиве. Так и получается, что вроде бы материалов много, а печатать нечего.

Конечно, я понимаю твою ситуацию и могу представить, что тебе просто не удаётся найти людей нужных и смелых: те, что поактивнее, уже уехали, а осталась та самозапугивающаяся интеллигенция (вроде Марины Р. [Романовской]), которая или идёт на конформизм, или молчит и трясётся. (Так всю жизнь трясся Ф. В. [Семёнов-Амурский]. А толку-то? Что? Всё равно умер, как и все: рано или поздно.)

Давно уже мне хотелось коснуться архитектурной темы в журнале. Теперь, с отъездом Паперного, это становится более реальным. Я просил Алика Щ. [Щенникова] присылать мне издания по архитектуре, и он это делает, большое ему спасибо. Но, может ещё лучше, не присылая громоздких книг и журналов, делать из них или из газет вырезки современных домов, кварталов, новых микрорайонов. Я когда-то начал делать эти вырезки, но всё осталось в Москве. Вырезки было бы легче переслать с кем-нибудь (хотя, конечно, с другой стороны – журналы можно посылать обычной почтой). Очень мне помогают книги и открытки по современному советскому искусству, и если можно, то пусть он их присылает и впредь; очень жалею, что сюда нельзя выписать Московскую газету «Советский художник». <...>

² Ежеквартальный журнал «Северная почта» начал выходить в Ленинграде в 1979 году. Вышло восемь номеров журнала в семи книгах. Главным редактором значился В. Кривулин, но практически этот журнал стихов и критики делал Сергей Дедюлин. В 1981 году С. Дедюлин был вынужден уехать из Союза, и выпуск журнала был прекращён.

Art Diary пошло при случае. Но зачем это тебе? Кто подписался на «А – Я»? Отвечаю, страны: Франция, США, Швейцария (недавно появилась в шв. газете статья – получил 2 письма), Италия, Германия, Япония (1). Какие европейские и американские университеты? Американские – не знаю, из европейских, кажется, только зальцбургский (Австрия) – но денег до сих пор не прислали. Какие департаменты университетов? – славистики, библиотеки в Туре (Фр.), Милане (Ит.) и всё. Галереи – ни одной, предпочитают получать даром, музеи – Бобур (только №№ 1, 2, на письмо о №№ 3, 4 не ответили ещё), центры культуры – ни одного, обществ. и правит. организации – ни одной, советское посольство в Париже – зачем им подписываться, если они десятками отбирают на таможне? Коллекционеры? – не знаю, эмигранты – 2–3 подписчика. Из известных людей была подписана Симона Вейль – бывший предс. Европейского парламента (по просьбе знакомых) и дирижёр Игорь Маркевич (№№ 1, 2). <...>

Письмо длинное и сумбурное, его можно было бы переписать и сократить в два раза, но нет времени на это. В ответе на вопросы можешь ссылаться на № вопроса, т. к. у меня остаётся копия этого письма (пишу всегда под копирку).

Резюме такое: проверяй доходимость, не забивай себе голову техническими проблемами, здесь твоя помощь будет равна нулю, несмотря на невероятные усилия. Распространение пока слабое место, знаю сам, но ничего не могу поделать. По денежной компенсации эта работа в переводе на работы-часы даёт во много раз меньше, чем, например, мойка стёкол или окраска стен. Так что если и найдётся доброволец, то он должен быть мотивирован чем-то другим, не деньгами. Но пока я его не нашёл, а самому времени не хватает, чтобы сделать всё-всё-всё, что нужно.

Пиши хоть и коротко, но чаще. Крепко обнимаю тебя и Лиду.

Ваш Игорь

Целков – Шелковскому 25.01.82

Игорь! Не вдаваясь в суть дела, предлагаю тебе статью Голомштока и статью Алена Боске в Galerie des arts, а также маленькую статейку Киры Сапгир из «Р. М.» [«Русской мысли»]. Пометки красным в статье Голомштока – мои: я как-то думал, как улучшить её, кое-что выбросив, что обведено рамкой, кое-где заменены слова.

Статья Боске мне переводилась наскоро и кажется более интересной, но надо помнить, что Боске – поэт, и перевод его статьи нельзя делать наспех и человеку, который не чувствует французского.

А вот Кира написала всё очень верно, правда – легковесно для серьёзной статьи, так сказать «с лёгкостью необыкновенной»...

Есть у меня и ещё кое-что, в том числе «бред» милейшего Завалишина.

Сам я не имею чётких взглядов на своё творчество, а чтение чужих статей вызывает живейший интерес на пять минут, легкую досаду и привычное стойкое безразличие!

Олег

P. S. А может быть дать и Голомштока и Боске вместе!

Инфантэ – Шелковскому 11.02.82

Дорогой Игорь,

Спасибо за то, что ты восстановил правду о времени создания «супрематических игр». Меня также радует и то обстоятельство, что статья Мишеля Константины по поводу моей преемственности от традиций Малевича – написана очень проникновенно. Я даже думаю, что эта статья – лучшая из всех тех, что были написаны о моём творчестве. Передай, пожалуйста, Мишелю Константины моё чувство симпатии, вызванное его редкой способностью видения онтологических связей в искусстве!

Я всегда, когда есть возможность, пытаюсь заострить мысль, согласно которой истинная связь с традицией реализуется и обнаруживается только тогда, когда сама традиция диалектически преодолевается. Именно в такого рода преодолении заключено развитие традиции. Преодоления не происходит, если художник своими работами вмешивается в систему того или иного художника, чье наследие он пытается развить. При этом происходит простая гипертрофия того, что уже было достигнуто. Многие художники, говоря о традиции, на деле воспроизводят лишь различные клише (пусть даже самобытные, так сказать, со своим оттенком) с того единственного, перед лицом Духа, оригинала, который уже был создан. Разумеется, такая связь вещей не может считаться развитием, а является лишь опытом приумножения уже имеющегося. Вещи, имеющие онтологическую связь с традицией и диалектически преодолевающие её, часто бывают непохожи по внешним параметрам на традиционные образцы. Но они соединены (спаяны, слиты) с этой традицией самой истинной из связей – онтологической.

Очень важно в явлениях видеть их онтологическую ориентацию. Это есть ключ к пониманию: во-первых, самозначимости произведения искусства и, во-вторых, той преемственности от традиции, без которой произведение не может свершиться. Поэтому я ещё раз сердечно благодарю Мишеля за его тонкость, позволяющую мне чувствовать самого себя не таким уж одиноким, а тебя за твою поистине дружескую обязательность!

Должен сказать, что третий номер получился очень хороший – лучше второго – плотная обойма информации в сочетании с большим объёмом визуального материала. При этом соблюдена заявленная в первом номере оригинала подача. Поздравляю! По-моему, этот номер – большой успех. <...>

Дружески обнимаю, твой Франциско

Боулт – Шелковскому 12.02.82

Дорогой Игорь!

<...> При сём прилагаю несколько «пробных» вариантов: письма Пунина и Чекрыгина и Ларионова; первые страницы текстов Родченко и Лисицкого. Если тебе нравятся эти тексты, то я смогу послать тебе весь текст. Шлю английские переводы. Переводы Родченко и Лисицкого уже были опубликованы, оригиналы нет.

Запись интервью с Костаки есть у меня, но она на английском языке. Транскрипцию я могу послать тебе. Сейчас она лежит в издательстве журнала Leonardo (в Париже), и т. к. редактор этого журнала только что умер, то дальнейшее существование этого журнала сейчас под вопросом. Я попрошу, чтобы сделали ксерокс и переслали тебе – на всякий случай. <...>

Твой John

Аймермахер – Шелковскому 15.02.82

Многоуважаемый госп. Шелковский, большое Вам спасибо за Ваше письмо и за предложение подготовить публикацию о Сидуре.

Верно, я Вам уже переслал именно то интервью, о котором шла речь (13 стр.). Если хотите, Вы могли бы его опубликовать. Другой текст, который Вы получили, – это введение в книгу, которую я сделал о Сидуре. В приложении я Вам её посылаю. Если хотите, Вы, конечно, могли бы использовать русский вариант этого введения в Вашем очень хорошем журнале (или отрывки из него). Для русской публики очень стоило бы напечатать русский перевод. Что касается фотографий для макета, то я мог бы Вам предоставить достаточно много фотографий из моего собственного архива. Но, мне кажется, всё-таки лучше написать Вадиму Сидуру. Есть свежие и лучше новые фотографии, которые сделал только что его фотограф и которые Сидур полностью одобряет. Если хотите, то напишите мне, сколько места Вы могли бы предоставить Сидуру в Вашем журнале (сколько для текста и сколько для фотографий) и Сидур сам бы сделал (на его взгляд) наиболее выразительный макет.

Поскольку я знаю, к сожалению, у Сидура нет экземпляра Вашего журнала. (Но журнал как таковой он знает.) Пошлите мне уже вышедшие номера Вашего журнала. Я ему их отправлю.

С наилучшими желаниями,
Ваш Карл Аймермахер

P. S. Если Вы это считаете нужным, Игорь Голомшток мог бы Вам написать рецензию на мою книгу о Сидуре. Он её хорошо знает. <...>

Сидоров – Шелковскому 19.02.82

Дорогой И.! Только что получил твоё большое письмо от 15.01.82. <...> Сначала, как всегда, некоторые замечания по твоему письму. Я понимаю, что тебе пришлось потратить на него очень много времени и всё же ты не сможешь до конца представить себе, насколько оно было полезно для меня (некоторые же сведения мне жизненно необходимы) – спасибо тебе огромное! Бегло пройду по всему твоему письму.

Предложение Нортон Доджа полностью совпадает с моими «проектами» решения некоторых аспектов финансовой проблемы. Не буду вдаваться в подробности – только самое существенное: все работы, которые ты будешь получать от меня (или от самих авторов), будут сопровождаться (если не синхронно, то с отставанием не больше чем на 2–3 недели) объяснительной запиской, в которой будут все необходимые распоряжения и условия (т. к. авторы обычно отдают свои работы на некоторых условиях!). Твоей задачей будет соблюдение со скрупулёзной тщательностью этих условий, а также обеспечение сохранности и тех работ, которые не будут предназначены для продажи, выставок, показа и репродуцирования. В этой ситуации мы должны обеспечить чёткую информацию *об отправке, получении и передвижении* работ, подтверждение получения сопроводительной запиской (и это значит, что до получения распоряжения по каждой работе она не может быть репродуцирована, выставлена, показана или продана!). Обо всех проблемах, связанных с переправкой работ, ты, наверное, знаешь не хуже меня. Тем не менее – они все решаемы в каждом конкретном случае своим способом, а нам лишь остаётся не терять оптимизма.

Есть ещё один немаловажный аспект, к которому прошу отнестись тебя самым серьёзным образом, а именно: мне совершенно необходимо знать *как можно раньше* о том, какие именно работы здешних авторов будут воспроизведены (как в цвете, так и в чёрно-белом варианте) не только в нашем журнале, но и в любых других, если ты этой информацией обладаешь. И ещё, как только получишь список Нортон, перепиши его и без сопроводительного текста, озаглавив его как «Список Доджа» – я пойму, *немедленно* перешли мне. Полезными были бы для меня и твои собственные рекомендации. И последнее: не забывай, что то, чего я не могу получить в дар, я могу купить в девяти случаях из десяти. Проблема денег пусть тебя не волнует – это моя проблема. О «Кресте святого Игнатия» я, естественно, ещё не говорил. Дело в том, что у Игоря [Макаревича] только что умерла мама, и сейчас не время обращаться к нему с подобными предложениями; немного позже – поговорю. С Иваном [Чуйковым] мы всегда найдём общий язык, с Эриком [Булатовым] и Олегом [Васильевым] – тоже.

По содержанию № 4 – никаких возражений нет, более того, по фамилиям авторов похоже, что № 4 будет одним из лучших. По Лебедеву могу срочно пополнить изобразительный материал (было бы очень здорово сочетать эту возможность, имея в виду Нортон, т. к. есть очень легко переправляемая работа, и к тому же очень интересная! Если клише ещё не готовы – было бы разумным дождаться моих негативов и слайдов). Для рубрики «Галерея» я бы мог успеть прислать кое-что, но мне всегда легче, когда ты выбираешь для этой рубрики сам (по макету, по возможности регулировать удельный вес того или иного стиля и т. п.). Поэтому вижу свою задачу в том, чтобы тут же набить портфель для выбора – этим и займусь в ближайшие дни.

Обрати внимание на содержание посылки 21 (смотри приложение к этому письму). Настоятельно рекомендую (можно было бы на заднюю обложку – поэтому и посылаю слайд, а не негатив, чтобы было лучше видно, какого тона монохромная живопись) картину Олега Васильева «Осенний портрет», тем более что сопроводительный авторский текст-комментарий (объёмом примерно в два машинописных листа) вполне заполнил бы «трудную» предпоследнюю страницу. Негатив этой работы вышлю следующей посылкой (т. к. слайд, как я уже говорил, скорее для контроля тона). Мне кажется, что был бы неплох Гамлет Овсебян либо

работой «Поток» – 2 фотографии (общ. план и укрупнение), либо одной, двумя, тремя работами из серии «Спонтанные пейзажи» [название серии моё и очень условно]. Я бы мог ещё прислать негативы. Могу предложить двух очень интересных примитивов, работу И. Макаревича – «Портрет Ивана», написанный на оконной раме, несколько работ московских и нижегородских *фотографов* (кстати, работы одного из них – в посылке 21 (смотри приложение). Несколько очень интересных работ совсем молодых московских художников (новой генерации – воспитанных уже целиком на нашем журнале! – появились, Игорь, уже и такие! Поздравляю!) <...>

Ты не написал, как обстоят дела с рубрикой «Наследие» или «Публикации». У меня есть несколько предложений, но только в том случае, если ты ничем не располагаешь. Материалы у меня отличные, просто хотелось бы приберечь их чуть-чуть «на потом». Срочно напиши, т. к. мои материалы ещё требуют небольшой подготовки (всё это не только от меня зависит!).

Моё мнение о Вейсберге абсолютно совпадает с твоим. Но мы не можем симулировать ситуацию, а должны давать «срез» того, что действительно есть. Ведь я же не заваливаю тебя Калининскими, Немухинскими, Плавинскими, Брусиловскими, Богомолковыми и пр. Штейнберг тоже коммерческий художник, но понемножку мы их вполне можем подавать (во втором номере Гороховский, в третьем – Штейнберг, в «оригинальной упаковке», в четвёртом – Вейсберг и Купер. И нет в этом ничего плохого. Наоборот, мы всегда сможем этими публикациями отвести обвинения в том, что журнал «направленческий» и ориентирован исключительно на «концептуализм». А Вейсберг – не самый худший из живущих здесь «коммерческих». Есть куда тошнотворнее). <...>

В посылке 19 находится статья о Шварцмане. К сожалению, с этим человеком работать очень тяжело (он уже трижды перехитрил самого себя, а жаль, художник хороший!). Всё было «на мази», но он побывал у Штейнберга на Новый год и, видимо, тот показал ему письмо. Во всяком случае, сразу после встречи со Штейнбергом он изменил своё решение печататься и снова начал «хитрить». Так что с этой статьёй (к сожалению, её недостатки не только принадлежат Пацюкову, но и навязаны самим Шварцманом. О! Это была тяжёлая битва!).

По поводу моей любимой темы – «маленьких книжечек» – я как-нибудь в другой раз напишу, не хочется комкать. К тому же я твой должник и всё не сяду за очень важное письмо по проблеме распространения – очень трудно собрать воедино все сведения и разыскания, которые у меня разбросаны по разным местам. <...> Целую, А.

Шелковский – Булатову 20.02.82

Дорогой Эрик!

Получил твою записку и текст «Отношение Малевича к пространству», а также текст Олега В. [Васильева]. Обе статьи смогут пойти в № 5, т. к. во-первых, № 4 уже заполнен, во-вторых, между получением текста и его готовностью к публикации проходит минимум 6 месяцев (переводы на 2 языка – англ., франц., корректура, подготовка фото и пр.). Всегда при подготовке номера важно иметь все материалы, т. к. то, что приходится втискивать в последнюю очередь, получается плохо. Всегда всех прошу присылать как можно больше и как можно раньше и вообще быть более активными. Всё, что до меня доходило, будет рано или поздно, в том или ином виде напечатано. Если даже не в «А – Я», то в каких-то западных журналах.

Отвечаю на твои вопросы.

1. Все стихи Севы Н. [Некрасова] я получил, они сейчас у меня. Хочу из них сделать маленькую подборку для книжечки карманного формата. Если бы этот отбор сделал сам Сева, то было бы ещё лучше. Когда эту книжечку удастся напечатать, будет зависеть от общего состояния дел (денежных). Возможно, какие-то стихи будут напечатаны в антологии, которую сейчас готовит Кузьминский в Нью-Йорке, если ему удастся осуществить задуманное.

2. Название «Дорога» на том листочке, который до меня дошёл. Мне оно нравится больше, потому, что «Красное небо» это и так видно на картине. Получается как бы масло масляное, затем слово «Дорога» более пространственное, в «Красное небо» взгляд упирается как в забор.

3. Все слайды большого формата, которые у меня были напечатаны или в «А – Я» или в Du³. Кроме двух: «Наташа» (со снегом) и «Два пейзажа на красном фоне». У меня есть ещё цветные негативы (узкие), плёнки, которые сделал Алик С. [Сидоров]. Но с них делать большую репродукцию рискованно. Есть у меня ещё 12 чёрно-белых фотографий с 7 картин. Из них ещё не напечатали три: «Наташа» (со снегом), «Живу – Вижу» и портрет Севы. С двух последних, как и со всех новых работ, хотелось бы иметь хорошие цветные слайды. Из работ Олега В. [Васильева], я думаю, у меня есть почти все, кроме последних (т. е. за последние 5 лет). Есть и большие слайды и много плёнок Алика С., которые тоже, на крайний случай, можно использовать.

Хотелось бы большего участия всех московских художников, критиков, поэтов в журнале. Ведь для них он в основном и делается. Они же ведут себя крайне пассивно.

Всего-всего хорошего.

Игорь Ш.

³ Du («Ты») – ежемесячный журнал на немецком языке, посвящённый жизни в Швейцарии, издаётся с марта 1941 года в Цюрихе. Первый редактор – Арнольд Кюблер.

Косолапов – Шелковскому 24.02.82

Здравствуй, дорогой Игорь!

Посылаю статью Кости Кузьминского (переводчика он найдет сам). Позавчера послал слайды Саши Нежданова, книгу Введенского и плакат-письмо Самиздата Герловиных. Но поскольку это книга, я послал по книжному тарифу, т. е. медленной скоростью. Фотографии Кузьминских художников будут готовы на следующей неделе – сразу вышлю.

Только что открыл ящик – твоё письмо от 19 февр. Всё справедливо. Продолжаю. Значит, на следующей неделе вышлю фотографии ленинградских художников к статье Кузьминского, т. к. они будут готовы где-то в пятн. или субб. Заодно отправлю тебе и свои фотографии, о которых ты спрашивал, с последней выставки у Доджа.

Теперь по порядку отвечу на твои вопросы.

Виктор Тупицын обещал только что по телефону выслать статью на след. неделе. Слайды и фотографии Худякова у него. Кузьминского буду толкать на следующую статью «Фотографы», но всё же сначала ознакомься с первой «Барочное иск.». <...>

Паперному позвоню. Боулт, по моим сведениям, в Европе. Относительно фотографий Чернышова моя вина. Причина – плексиглас, в который они окантованы. Раскантовать и сфотографировать можно только после закрытия 28 февр. (Плексиглас отсвечивает при фотографировании.)

Теперь о статье, которую я делаю о Нежданове. Мы записали несколько бесед, я отснял несколько плёнок. Но Сашина нервозность мало содействует. Он уже потребовал одну записанную кассету назад. У него к тому же ещё и религиозные запреты (он в строгой хасидской секте) и боится проронить слово лишнее. Я приступил уже к записыванию на бумагу, хотя это всё же должно пройти его цензуру. Обещаю через две недели иметь результат. <...>

Твой Саша

Косолапов – Шелковскому 02.82

Дорогой Игорь!

После твоего отъезда повалил снег, затем опять морозы. Январь был один из самых суровых не только на нашей памяти. Но сейчас потеплело.

У нас здесь хорошие новости. Мы получили разрешение на нашу некоммерческую организацию, имя которой AFCRA. Осталась формальность (послать чек об уплате пошлины и получить сертификат). Открываются перспективы: финансирования и списания налогов, дешёвая почта, собрания пожертвований и пр., а также выставки, в том числе университеты и некоммерческие галереи.

Вторая хорошая новость. Джанет согласна взять на себя продажу журнала. Я ей передам всю структуру нашей торговли здесь в США. Она хочет быть независимой. Я согласен, я доверяю ей – она очень ответственна и серьёзна.

Те тексты, которые у меня были, я отослал Сумеркину. Я отснял работы у Кузьминского (там есть очень неплохой материал) чёрно-белые. Слайды я сделаю отдельно. Отснял выставку у Доджа – Нахамкина. Но это всё пока плёнки. Чтобы сделать фотографии, жду, когда у Люды на работе смогу сделать дешёвую печать.

С Неждановым мы начали записи для статьи. Слайды его я вышлю в ближ. почте с материалами. У Тупицына, будто, статья почти готова. Кузьминского я буду шевелить (Некрасова я передам ему).

Фотографию Вадима Космачёва я не положил умышленно, т. к. полагаю, что другие фот. интереснее для общ. облика «А – Я», но если ты настаиваешь, я вышлю, конечно.

Вот вроде бы и всё, Игорёк. Теперь после AFCRA реальна возможность торговать с Доджем. Я на это сейчас нацелен.

1. Рогинский (7 холстов). Может быть «Кр. дверь» и др. поп-объекты. Доджу легче торговать с AFCRA, чем с художником (списание с налогов).

Подумайте!!!

2. Макаревич «Маски» – есть ли их фотографии? На мой взгляд, Додж за них уцепится. Давай это сделаем. <...>

Твои Люда, Саша

Худяков – Шелковскому 05.03.82

Дорогой Игорь Шелковский!

Посылаю кое-что из поднабравшегося материала (в смысле копий; правда, слайды не ахти: попробовал прибегнуть к помощи фотографов – соотечественников). Сейчас – буквально на днях – отсниму все (на слайды, с настоящим фотографом) из своих новых работ, а также те, которые раньше считал завершёнными, но впоследствии доделал. Материал (текстовый) вышлю (для книжки) позже. Можно в неё включить эти два ч/б фото. Названия на слайдах по-английски как-то получаются. По-русски – для твоего сведения – можно приблизительно так обозначить: Жакет а-ля Мондриан: «На поле Худяковом» (больше шутка по-русски, по-англ. смысл такой: на поле битвы художника; Чёрный пиджак; Небесные вести (по англ.: Нью-Йоркский жакет письмо с неба). Не знаю, как по-русски обозначить band-aid-strip липучки на порезы, которые использованы для материала для этого жакета.

Слайды: ещё холст один ничего, а жакеты и ёлка неважно (свет неровно, снизу, сверху темно).

Названия обоих холстов включают слово ESP. Это extra-sensory-perception. Парапсихологический термин.

К ESP прибавил sonic как в названии продукции электрон. фирм: например, магнитофон rapa-sonic (конечно, радио и т. д.).

Тут намёк на Soni фирмы, видно, жульнически эксплуатируют слово Soni.

«Голова» на холсте, как мне кажется, получилась производной от электровентилятора в моей комнатухе.

«Esру», это уже имя фигуры на холсте. По аналогии с Джони Johnny Ronny и т. д.

(Цветные ксероксы потому такие «чистые», что оригиналы «раскрашены») <...>

Генрих Худяков

Кулаков – Шелковскому 06.03.82

Игорь!

На следующей неделе отдам весь журнал в типографию (хорошую), чтоб сделали смету на то да сё. Потом сравни.

Пришли мне ещё 5 штук третьего номера для дарений. Покупаю я. И всё-таки с французским переводом.

Далее: посылаю репродукцию 14 × 14 из каталога, работа 1976 года, есть на неё уже 4 клише, ежели хочешь, пришлю готовые клише для открытки. Отвечай.

Относительно восточных философий в последних работах или статьях – не согласен. Давно прошёл период стилизаций и ассимиляций. Это мой стиль, стиль персоны, а не культуры, основанный, естественно, на базе культуры. Культура только стимул, главное – открытие Америки в самом себе, в персоне, личности, путешествие вовнутрь, в реальность личности, а не купание в море философии субъект – объект. Разница: между практикой и игрой ума (объект-субъект), разница между практикой образа жизни и настроением, культурой и концепциями. Может быть: культура и концепции как конечная реальность. Может быть: культура и концепции как ловкие средства (*mezzo abile*). Огромная разница, а в мире профаническом все ходят в одном военном кителе.

Или клише должно быть 10 × 14? Объясни дураку.

Насчёт цен всё узнаю. Думаю, что в Италии дешевле.

Боулт – Шелковскому 08.03.82

Дорогой Игорь!

Отдельной бандеролью я посылаю тебе текст Лисицкого (русский оригинал плюс английский перевод) и текст Родченко, плюс письмо Пунина к Гончаровой. Когда я просмотрел свои записи о Лисицком, я вспомнил, что текст Лисицкого был опубликован в немецком и английском переводе в каталоге выставки Лисицкого у Гмуржинской⁴ в 1976 г. Но русский текст никогда не публиковался. То же самое с Родченко, кажется, но я уточню.

Есть у нас два высказывания Ларионова о лучизме (30-х годов), но я думаю, что нужно будет получить разрешение от А. К. Ларионовой, прежде чем публиковать их. <...>

Твой John

⁴ Галерея Гмуржинской (Galerie Gmurzynska) основана в 1966 году в Кёльне уроженкой Польши Антониной Гмуржинской. Галерея специализировалась на художниках начала XX века, особенно на представителях русского авангарда и современных художниках. После смерти Антонины (1986) галерею возглавила её дочь Кристина.

Шелковский – Сидорову 20.03.82

Дорогой Алик!

Получил все твои письма, с 57 по 63 включительно. Редкая удача. Из П. [посылок] получил 17, 18, 20, 21, 22. Не получил 19. Дошли до меня пакеты (начало) с пометкой Австр. и тексты Пивоварова и Васильева. Первый мне очень понравился. Как попытка художника описать свой опыт в виде трактата или афоризмов (кстати, у Фёд. Васил. [Семёнова-Амурского] за жизнь накопились десятки, наверное, тетрадей с различными афоризмами, в том числе и об искусстве – чем не материал?). Текст Васильева, на мой взгляд, мало внятен, так же как и его живопись (между нами). Зачем такие наукообразные банальности: «жизнь светового потока, его пульсация, волнение имеет относительно предметного мира иной, неизмеримо больший размах. Этот поток – качественно иная субстанция по отношению к тому, что составляет противостоящую свету поверхность». Опять же я думаю о переводах.

Текст Пивоварова отдам переводить, но к нему по-прежнему нет никаких иллюстр. материалов.

Жду илл. к Лебедеву. Нет почти ничего.

Ты просишь сообщать заранее, что будет опубликовано. Я сам ещё не знаю этого точно. Список основных статей я тебе послал, а для «Галереи» ты сам мог бы подослать, условия ты знаешь – максимум одна страничка. Но нужны также краткие биограф. сведения, если ты на слайдах пишешь только имя и фамилию (а иногда и без имени, только с инициалами), то этого не достаточно.

Кому принадлежит серия «Путешествие» из 4-х картин? По-моему, лет 6–7 назад такие вещи выставляли на молодёжных выставках, так же как и работы И. Наховой. Впрочем, возможно, я ошибаюсь.

Теперь о фильмах, которые ты мог бы сделать. Я совсем не против, пожалуйста, попробуй, но при условии что эта хозяйственно-техническая работа не будет тебя отвлекать от главной. Я чувствую, как ты рвёшься в бой. Проще всего, если б ты мог делать фильмы для цветных открыток. Формат здесь стандартный, т. е. большая сторона не должна превышать 140 mm × 100 mm (миллиметров). Работы ты мог бы отбирать сам – тебе здесь и карты в руки. Ты смог бы сравнивать контрольки с оригиналом.

Например, работы Фёд. Вас. Только ни в коем случае не начинай со второстепенных. Наоборот, с самых ярких, выразительных. Здесь обо всём судят по первой встрече, второй часто и не бывает. Первые впечатления – то, что останется навсегда.

Кстати, если б удалось сделать 10–12 (да хоть и больше) фильмов к книжечке «Типаж», то, может быть, удалось бы, при случае, разориться и напечатать её в цвете. Но здесь формат должен быть меньшим (где-то максимум 10 × 8 см или меньше), т. к. сама книжечка 148 мм × 9,8 мм. Сейчас посмотрел по страничкам – репродукции могли бы быть где-то 10 × 7 см. Ведь чем меньше формат, тем дешевле они стоят.

Книжечки и открытки – это не журнал, здесь будет меньше нервозности со сроками. Постарайся выбрать из «Типажей» работы 50–60 гг., самые интересные и яркие. Не хотелось бы начинать с тех, что у меня. Тема эта – его постоянная тема, они у него были в живописи, не только в чёрно-белых работах.

Обложка для «Типажей» уже отпечатана. Я её посылаю тебе, так же как другие: «Малевич и Хайдегер», «Худяков» и книжечку «Варианты отражений». Напечатал также обложки к первой и второй (чёрно-белой, ещё не выпущенной) серии открыток. И рекламку. К «Типажам» нужен хоть коротенький текст. Думаю над ним, но пока ещё ничего не сделал.

Открытки можно будет печатать по мере того, как будут собираться очередные 16 клише (фильмы).

Те, что отпечатаны, продаются в Бобуре, поштучно. Интересно как бы голосование зрителей – что больше покупается? Рекорд принадлежит Рогинскому, он во много раз опередил других, просили принести ещё («Красная дверь»). Вторым, но на большом расстоянии – Олег Яковлев. За ним – Иван Ч. [Чуйков]. Дальше – «Варианты», примерно одинаково. Хуже всех, кажется, О. Прокофьев. Открытки, при нахождении нужных форм продажи (пока времени не было), наверное, можно даже довести до самокупаемости. Правда, это всё растянется на несколько лет.

Удалось ли тебе познакомиться с Сидуром? Может, по поводу публикации в № 3, наверное, можно было бы приготовить неплохой материал о В. Яковлеве. Или о Харитонове – всё зависит, будет ли умным автор текста. Очень хотелось бы видеть, что теперь делает Серёжа Ш. [Шаблавин]. Как я тебе уже писал, статья о Саше Юл. [Юликове] есть, но нет иллюстраций. В прошлом письме ошибся, когда писал о философских статьях, не публикуемых «Континентом». Тогда речь шла о Шифферсе, а не о Шварцмане.

Ещё раз о заблаговременной информации. После выхода первого номера устроили его обсуждение. Глезер и другие приставали, почему в журнале нет Кабакова? Я сказал, что будет в № 2, и, кажется, назвал ещё кого-то, кто будет. Через неделю в Москве художников вызывали в КГБ и говорили: мы знаем всё, даже то, что будет во втором номере. Здесь они переборщили, что будет окончательно в № 2, я и сам ещё не знал. Неделю назад опять было собрание по поводу журнала, но из художников мало кто пришёл. Может, за дальностью расстояния (в Монжероне), может, рассуждают так: нас не печатают, чего идти (или печатают недостаточно, как Лягачёв, Путилин, Зеленин и т. д.). Вообще же, художники ведут себя одичало: сидят по берлогам, русскими делами не интересуются, каждый роет дыру под свою карьеру, к журналу отношение потребительское: если не про меня, то какое мне дело, неинтересно. <...>

Обнимаю тебя. Всем приветы. И.

Косолапов – Шелковскому 23.03.82

Дорогой Игорь!

Посылаю тебе цветные слайды неждановских тетрадей. Материал исключительно интересный. Но без цвета многое проиграет. Я знаю, что это дорого, но, по возможности, надо бы это сделать в цвете. Выбор большой. Все, кому я ни показываю здесь его слайды, просто воят (степень одобрения). Возможно, организуем его выставку в центре (если Додж продержится).

О Додже: он охотно покупает от нас вещи русских художников (о Макаревиче я договорился). Сейчас торгуюсь о Рогинском, вернее он обещал заехать. Я подумал о «Красной двери» Рогинского. Не хочет ли он это сделать через нас. Теперь мы официально организация (получили, наконец, сертификат). У нас идут переговоры об объединении с Доджем в поисках грантов. Додж может пользоваться нашим именем. Нам же нужен человек этим профессионально занимающийся, которого он может оплачивать. Я беспокоюсь о том, чтобы такая организация была жизнеспособной.

О переводах. С Джейми [Гамбрэлл] я говорил, она болела, но два перевода – Чуйкова и Капеляна – уже готовы. Тупицын обещал закончить статью о Худякове на неделе. На Козловского надежды мало (загружен и пишет за деньги). Паперному я звонил, он обещал выслать в ближайшее время. Из «Руссики» деньги надо выбивать палкой, скрываются и бегают от меня. Хочу разругаться, но кроме них здесь никого нет, видимо, они это используют. Я хотел бы, чтобы эти деньги были у тебя, вышлю, как только получу. Сейчас мы с Джанет заняты почтой, рассылкой рекламы. Без опыта постоянно случаются непредвиденные задержки. Моё пособие по безработице кончилось. Возможно, придётся сесть работать снова на какой-то срок. Вот все наши новости. Слайды своих работ вышлю, как сделаю <...>

До скорого. Твой Саша

P. S. Все твои посылки с «А – Я» получил, спасибо.

К Кузьминскому у меня есть ещё две хороших фотографии, вышлю очередной почтой.

Герловины шлют рекламу их выставки, по-моему, очень красиво. <...>

Посылаю тебе Введенского, Нежданова слайды. Готовим его статью и фотографии. В ближайшее время подошлю ещё материалы. Статью Кузьминский написал уже. Фотографии с его коллекции я сделал.

Извини, что неаккуратен. <...>

Боулт – Шелковскому 23.03.82

Дорогой Игорь!

Спасибо за твоё письмо от 14-го 1982 г. Отвечаю на твои вопросы:

1. Нет! Я думаю, что публиковать Чекрыгина в «Русской мысли» не было бы очень тактично. Г-жа Ларионова (чекрыгинское письмо принадлежит ей) не любит «Р. М.» [«Русскую мысль»]. Поэтому прошу тебя отказаться от этой идеи. Дата письма: 9-го декабря 1927 г.

2. Фотографии. Отдельно посылаю тебе несколько фотографий Лисицкого и Родченко. К сожалению, эти работы почти все известны. Исключение – это удивительная, круглая картина Родченко 1946 года «Иллюминатор». Эта вещь никогда не была опубликована, но я, по крайней мере, не сомневаюсь в достоверности этой вещи. Эта работа продавалась (но, в конце концов, не продана) у Сотби в Нью-Йорке в прошлом году, и они прислали мне фотографию. Саму картину я видел. Посылаю тебе фотографию без их разрешения. Поэтому прошу тебя – если хочешь опубликовать её – обратиться в Сотби как будто ты знаешь про картину (через меня), хочешь опубликовать её, но не видел. При сём прилагаю макет письма, который ты можешь послать в Сотби.

При сём прилагаю титульные листы каталогов.

Получил книжку Бехтеревой. Нет, конечно, я не обижаюсь. Но я очень рад, что я не живу в этом московском болоте.

Твой John.

P. S. Прошу тебя вернуть фотографии как можно скорее. Если не трудно, упомяни, что они из фотоархива IMRC [The Institute of Modern Russian Culture].

P. P. S. Могу переслать репродукции чекрыгинских работ из выставочного каталога. Хочешь?

Шелковский – Сидорову 28.03.82

Дорогой Алик!

Получил № 65, как и все предыдущие с № 57. А также 24. 25 ещё нет и 19 тоже пока нет. Очень рад, что переписка наша идёт регулярно. Сегодня ещё получил очень много неплохих слайдов от Саши Косолапова. Ленинградцы – Васми, Арёфьев и работы Саши Нежданова (к № 5).

Получил ли ты книжечки Бехтеревой (послано 6). Какое впечатление? Мог бы ты разузнать, кто этот автор и предложить писать для журнала? (только не так длинно!).

Теперь о делах.

1. Жду ответа Игоря М. [Макаревича].

2. *Обещают свести с типографом (хозяином большой типографии) который согласен до 1/3 стоимости работы брать не деньгами, а произведениями печатающихся художников. Поэтому и для этого вот случая, как и с Нортон Д., нужны работы. Не обязательно тех художников, которые будут в будущих №№. Можно (да и лучше) тех, что уже были. В крайнем случае и Эрик, и все другие могут сделать рисунки маленького формата (минимально можно даже с почтовый конверт) и послать сюда. Пока что для журнала я не получил от художников ничего. А первые просьбы послал года полтора-два назад. Вот так.*

3. Будь более инициативен в подготовке номера. Я тебе уже писал, что нужны фотографии и слайды новых работ Славы [Лебедева]. Ты ведь знаешь примерное содержание №, мог бы догадаться, что неплохо бы иметь одно или лучше несколько на выбор фото Вейсберга, чтобы не переснимать те, что уже печатались. Мне всегда не хватает разных документальных фото. Что-нибудь к статье об Иване. Всегда интересны фотографии ателье (они могут быть и маленького формата).

4. Давно витает идея о «Ленинградском» номере. Пока что есть только статья Кузьминского о «барачном искусстве». И вообще сейчас самое время думать и готовить № 5. Потом опять будет поздно. Надо постоянно запасать материалы по всем разделам.

По части идей полуутопических, но которые могут быть ценны сами по себе: не объявить ли (мне здесь – через «Русск. мысль», а тебе – через художников) о подготовке «словаря неофиц. искусства» или что-то в этом роде? Репродукция и статья с минимумом сведений о художнике. Работа параллельна журнальной. А как твоё мнение? Какие будут идеи? <...> Обнимаю тебя и целую. Игорь

Сидоров – Шелковскому 28.03.82

Дорогой И.! Я только что вернулся в Москву из двухнедельной поездки и сразу же за письменный стол: на все письма у меня всего один час. Прежде всего о 24 и 25. Я пока даже не знаю, получил ли ты их, но уверен, что скоро получишь. Очень важен материал «Письма Клюева к Бунину». Это копия с чудом сохранившихся гранок. Пусть этот материал полежит до 1983 года. <...>

Интенсивно работаю над недостающими материалами к № 4. Но многое упёрлось в неудачное стечение обстоятельств. Изобразительные материалы к статье о Лебедеве будут в самое ближайшее время, потерпи ещё чуть-чуть. О материале к № 5 не беспокойся, всё будет точно в срок, т. е. раньше июля месяца (много уже готово, большая часть в работе).

Напиши, пожалуйста, как ты отнесёшься к *обзорной* статье по Ленинграду. Дело в том, что там ничего интересного нет (кроме Дышленко, Гаврильчика – [примитивизм], Журкова [недавно начавший работать художник], и, может быть, ещё одного-двух художников). Всё остальное очень низкого уровня, и посвящать другим художникам отдельные статьи не имело бы смысла. С другой стороны – обзорная статья по 20–25 наиболее известным художникам Ленинграда помогла бы воссоздать объективную ситуацию, без попытки симулировать то, чего там нет. Беда в том, что такая статья потребует не менее 30–40 иллюстраций, включая одну-две цветные полосы, а материал-то в общем не очень интересный сам по себе. Именно поэтому я и нуждаюсь в твоём мнении. Также статьи можно было бы сделать по другим городам (Одесса, Киев, Харьков, Львов, Рига, Тбилиси, Ереван, Свердловск, Новосибирск и, может быть, Вильнюс).

Ещё раз хочу уточнить у тебя о слайдах Пивоварова. В начале этого года ты должен был получить от Ильи [Кабакова] большую посылку, где должны были быть слайды его работ, Пивоварова, рукопись, статьи Булатова и, кажется, ещё что-то. Ты написал, что «слайдов Пивоварова не получил», но, может быть, они пришли к тебе уже после этого письма – напиши! Очень странно, что у тебя нет материалов о хеппининге Толи Жигалова, который посылал он сам (дважды) и я (дважды), 7 и 12, они были бы очень кстати в рубрику «Галерея». Попытаюсь достать их ещё раз. Очень странно, что у тебя нет слайдов Юликова, так как я отправил их с Олей [Махровой], 14. А она всё остальное (и более ценное) пересылала очень аккуратно. Эту потерю восстановить очень трудно, т. к. слайды были очень дорогие (13 × 18) и брал я их во второй раз. В первый раз они пропали у меня на обыске (это была практически единственная «не фиктивная» моя потеря).

Нужно внести небольшие исправления в статью О. Васильева «Осенний портрет», страница 1, 12 строка сверху: в слове «как-то» убрать дефис (следует читать: «не в глубину времени, как то полагается...»), и в статью Пивоварова, § 10: 3 строка сверху, вместо слова «достаточно того», следует читать: «важно, что картина сделана»...

Напиши мне обязательно, какое оптимальное количество экземпляров машинописи тебе необходимо иметь для работы, чтобы избавить тебя от необходимости распечатывать на машинке каждую полученную статью (я думаю, что 3 экземпляра было бы достаточно: один для переводчика, один для набора и один должен храниться у тебя – напиши!) <...>

Худяков – Шелковскому 30.03.82

Дорогой Шелковский!

Посылаю обещанный материал для книжки. Что можно сказать в сопровождение: что почти все стихи не имеют названия, поэтому, по первой строчке (для оглавления). Насчёт 1-го: можно озаглавить «Пра-словом горби Мировой», и в скобках: (Боре с Мариной), чтобы было ясно, какое стихотворение явило прототип названия книжки. Если стихов количество будет сокращаться, то, по-видимому, за счёт следующих: на стр. 12: Век модернятины (хорошо бы оставить хокку «столбиком», и для порядка хокку обычное, «Брюнетка в жёлтом» т. е.). А также можно пожертвовать страницей 13 и отделом переводов. Если переводы все – остаются, то в 1-ю очередь можно убрать: «Божественный титул». «Столбики», видимо, придётся давать факсимильно? (Так легче?) Ибо будут многочисленные ошибки, если набирать (опыт с Кузьминским и Шемякиным показал). Если будет возможность, хорошо бы гранки просмотреть (мне). Если будут вопросы по части компоновки материала (или вообще), напиши, я быстро отвечу. Да, думаешь ли ты включить какие-нибудь визуальные материалы (ну, например, фото чёрно-белые мной посланные, пиджаков, т. е. или другой графики?) Или достаточно картинки на обложке (чтобы не отбирать страницы от текстового материала!?).

Вот, кажется, и всё. Сейчас заканчиваю возню с фотографом по части слайдов с работ всех своих заново. И вышлю тебе набор их слайдов для твоей слайдотеки. Желаю всех благ!

Генрих Худяков. <...>

Гройс – Шелковскому 01.04.82

Дорогой Игорь!

Посылаю Вам некоторые материалы, которые пришли ко мне из Москвы и предназначены для Вас. Дошла ли до Вас моя статья о Москве и совр. сов. художниках? Сейчас вместе с «предпоследней акцией Мухоморов» посылаю Вам мой краткий комментарий к ней. Мне кажется, стоило бы напечатать одну статью целиком. Напишите, как у Вас вообще дела? Возможно, я смогу что-то сообщить в Москву.

Хочу выбраться в Париж, но возможности для этого пока нет. Как Вам понравилась реакция редакции «Р. М.» [«Русской мысли»] на моё интервью? Может быть, Вам вступить в обещанную дискуссию и сказать, что неофициальная культура всё-таки есть и это не то же самое, что, скажем, Союз художников, хотя бы и освободившийся «не сегодня и не вчера» (видно позавчера) от материалистического соблазна – интересно, что это такое?

Очень был бы рад, если бы Вы смогли приехать в Мюнхен. Мне кажется, что здесь можно было бы устроить выставку, сделать каталог, рекламу и т. д. Вообще как-то распространиться на Германию, потому что интерес здесь к России у широкой публики большой. И пока я здесь, можно что-то сделать вместе. И Игорь Захаров [Захаров-Росс] поможет. Так что ждём.

Борис

Сидоров – Шелковскому 10.04.82

Дорогой Игорь! Получил твои письма от 20.03.82 и 28.03.82, шесть экземпляров Л. Бехтеревой, обложку «Типажей». Письмо от 22.02.82 получил давно. Как всегда, сначала отвечаю на вопросы по двум последним письмам. Прежде всего, о слайдах Лебедева. Как это часто бывает, срывы в налаженной работе случаются в самые неподходящие моменты. До сих пор у меня не было задержек по вине фотографа, однако именно сейчас случилось так <...>

Практика показывает, что посылать слайды и негативы вместе с подписями к ним и фамилиями авторов – неосторожно и приводит иногда к пропаже этих материалов. Лучше всего слайды и сопроводительные описания отправлять отдельными каналами. А чтобы в будущем не было путаницы, предлагаю начать нумерацию слайдов и негативов с номера 1001. Т. е. в следующей посылке ты получишь слайды и негативы с 1001 и далее. А в письме, посланном либо в другое время, либо с другим отправителем, будет список отправлений с соответствующей нумерацией, а если это будет необходимым, то и с биографической справкой и другими примечаниями. <...>

У меня «Типажей» 50–60 гг. почти нет. Выбрать же у Ел. Изм. будет очень трудно, так как работать с ней невыносимо тяжело (можешь себе представить, сколько у неё советчиков и это при её страхах и конформизме?). Не знаю, попробую.

На мой взгляд, илл. в «Вариантах отражений» подобраны неплохо, но неудачен цвет, особенно пострадал Булатов, так как это работа глубокого чёрного цвета, кот. имеет смысловую нагрузку. Для таких целей, пожалуй, лучше «глубокую сепию» или «умбру» – там меньше яда. <...>

Напиши обязательно, какого ты мнения о ст. Барабанова. Во-первых, если намерение печатать эту статью серьёзно, то я снова (уже в 3 раз!) попрошу у Юликова слайды и негативы. Во-вторых, поскольку у меня с Женей [Барабановым] хорошие отношения, можно было бы вновь привлечь его к работе. Но это возможно только в том случае, если первая статья будет напечатана. Если же сейчас обратиться к нему с подобным предложением, то ответ будет примерно таким: «Что толку писать для вас, тратить время, если вы всё равно этого не напечатаете». К тому же надо помнить, что у него при смерти отец, и он вообще всегда очень занят. Я успел забыть содержание и концепцию его статьи о Саше [Юликове], помню только, что она мне сразу понравилась (и это несмотря на то что писать-то, в общем, было не о чем). И почти не потребовалось редактировать её. Что приходится беспощадно делать с Гройсом и Пацюковым. (Ведь и того и другого ты получаешь уже в несколько упрощённом и читабельном виде, а ты не видел оригиналов до редактирования – вот где нужен переводчик на русский язык!)

Шифферса я, слава богу, никогда тебе не предлагал в качестве автора для «А – Я». Хотя по этому поводу и возник весь пресловутый конфликт со Штейнбергом, для которого Шифферс – нечто вроде божества.

Статья о примитивах будет обязательно, но никак не раньше лета (а то и осени).

Леонид Ламм некогда принадлежал к кругу Соболева, Жутовского, Неизвестного, в кот. в те же годы входили Кабаков, Соостер, Янкилевский. Позже к ним присоединился Пивоваров. Несколько лет Ламм провёл в лагере.

Книга «Варианты отражений» понравилась и вполне заслуживает публикации. Ещё никому не успел дать – интересно будет узнать реакцию. Кто может быть автором – сказать очень трудно. М. б. кто-то из профессиональных искусствоведов, пожелавших остаться неизвестным (Генисарецкий или, скорее Глазычев?). Розыски проводить считаю неэтичным. Если автор захочет – объявится сам. Скорее всего, это москвич, 45–50 лет, профессиональный искусствовед, лучше знающий художников 60-х годов (Немухин, Штейнберг, Вейсберг), хуже – художников круга Булатова, Чуйкова и почти не знающий художников последней генерации

(от Герловиных, о кот. он только упоминает, явно из «А – Я», до Абрамова, Макаревича, Дышленко, кот. он даже не упоминает). <...>

Теперь о работе Игоря М. [Макаревича]. Я долго беседовал с ним, и вот результаты наших переговоров – так как он уже получил от Ж. [Жака Мелконяна] «оплату» за «Кр. Св. Игнатия», то ему трудно принять решение, нарушающее договор с Ж. Он предлагает повторить эту работу и прислать её в разобранном виде и неокрашенную (с оказией или через меня), имея в виду, что ты легко её соберёшь и покрасишь по образцу оригинала. Так как эта работа сделана с теми же элементами, что и работа «25 воспоминаний о друге», кот. была опубликована в № 1. Возможно, я не точно передаю название. Он мог бы повторить эту работу. Мне кажется, это было бы неплохим выходом из ситуации.

О других работах, кот. можно было бы оплачивать №№ и «книжечки», – см. спец. письмо № 70, кот. я пишу параллельно этому, но оно отнимет у меня около месяца.

Фотографии Вейсберга у меня нет. Но до ближайшей оказии постараюсь добыть. Честно говоря, я выпустил это из виду.

То же самое с фотографиями Ивана [Чуйкова] и его ателье (здесь дело в том, что есть фото старой мастерской, а новой, очень красивой, в самом лучшем смысле слова, – ещё нет). Ване трудно теперь решиться дать старые фотографии, хотя всё это ерунда и никакого значения не имеет. Если успею сделать новые – вышлю их, нет – вышлю старые.

Каталог Нью-Йорка («Russian New Wave»⁵ – удачное название), Artforum и три номера «А – Я» получил давно. Спасибо. <...>

Я никогда не предполагал отдельного Ленинградского номера, а только большую обзорную статью по Ленинграду. <...>

И наконец, последнее. О «Словаре неофициальных художников». Странно, я вроде бы тебе об этом не писал, а Д., мне кажется, поняла не очень хорошо, всю затею в целом считаю пока преждевременной, но готов поделиться (пока лишь в порядке дискуссии) своей концепцией. Работу над этим словарём я начал ещё год назад. Но, кроме словника (кот. закончил), продвинулся очень мало, так как ещё не отработалась главная концепция: что определить в качестве «неофициального ис-ва». Где есть границы и где границы словника? Дело в том, что это непростой вопрос, если принять во внимание, что только в Одессе более полусотни «неофициальных» художников. А как быть с художниками, давно умершими? <...>

Даже вопрос о художниках эмиграции очень сложен и требует правильной концептуальной постановки, а именно, поразмышляй над вот таким рядом имён и определи, кто из этих художников должен войти в «Словарь» (под словом «художник» я, конечно же, имею в виду и всех остальных, кто не является художником ни в прямом, ни в косвенном смысле, напр. Нахамкин, Глезер, Кира Сапгир и т. п.). <...>

Кроме того, напрашивается вопрос о коллекционерах. А здесь тоже нет чётких границ. Так как, если Лёня Талочкин и Костаки не вызывают недоуменных вопросов, то какой-нибудь Кассио Хорта из Рио-де-Жанейро или Вера Джигирь из Москвы – кандидатуры для словаря весьма условные. Ещё труднее с арт-критиками и искусствоведами. <...>

Я сейчас искусственно затрудняю этот список, но ведь эту работу предстоит проделать. В том словнике, кот. я составил, – примерно 2,5 тыс. имен. С другой стороны, художников, коллекционеров, арт-критиков и искусствоведов, связанных с «кругом А – Я», всего имен 200–300. <...> Одним словом, работа по Словарю ещё предстоит гигантская (напр., важно сейчас решить вопрос об илл. материале или о перечне выставок – давать или не давать). Будет время, изложи свою концепцию. На этом закончу! <...>

⁵ Каталог к выставке «Russian New Wave». Contemporary Russian Art Center of America, Soho International Art Center, Нью-Йорк (4 декабря – 28 февраля 1982 года).

Шелковский – Паперному 04.82

Дорогой Владимир!

Вашу книгу прочитал с большим интересом. Действительно, многие прежние замечания отпали. Те, что возникли по ходу чтения, носят частный характер и дело не в них. Есть некоторые соображения более общего плана.

Если «культура 2» Вами обрисована ярко и выпукло, что, собственно и должно быть, т. к. ей посвящена книга, то представление о том, что Вы называете «культурой 1», остаётся расплывчатым и неопределённым. Больше того, по некоторым намёкам и ироническим замечаниям можно понять авторское отношение, что это как бы два сапога пара. А с этим трудно согласиться.

Для меня, ещё частично заставшего сталинскую эпоху («те времена былинные» – по Высоцкому), всё то, что происходило тогда (и теперь тоже), – это дикость. То есть именно то, что противоположно понятию культура.

Все проявления этой эпохи – от обожествления одного человека и уничтожения миллионов, от провозглашения одной идеи и запрета на все другие (сокрытие знаний, уничтожение книг) до её триумфальных достижений в виде шедевров соцреализма и эпохальных сооружений (на манер станции метро «Комсомольская – кольцевая», которой больше под стать вынос на блюдах жареных лебедей, чем толпа людей, спешащих на работу) – всё это проявления дикости, варварства, злого невежества. Иначе это не назовёшь.

И, на мой взгляд, назвать вещи своими именами несколько не мешает и не умаляет научности подхода к теме. С наступлением в человеческом организме определённых изменений (например, при температуре выше 37°) учёный говорит – это болезнь. Он не называет это состояние – здоровье 2. (Как у Булгакова – «осетрина второй свежести».)

С прочтением всей книги ещё больше не понимаю Вашего предисловия к ней. Вы как бы рассуждаете, что было вначале – яйцо или курица, сталинизм породил соцреализм или соцреализм сталинизм. Откуда это недоумение по отношению к причинам? Для провокации читателя? В Вашей книге Вы с тщательностью детектива (подобно Авторханову в «Технологии власти») проследживаете, как государство, партия, Сталин прибирают культуру к рукам, чего же тут удивляться?

Объяснения поражают своей аморфностью и беспомощностью: циклические изменения. Все вдруг сами так захотели. Можно вообразить, что Троцкий вдруг захотел быть высланным за пределы страны, кулак возжаждал вдруг самоуничтожиться как класс, (чтобы через 50 лет мстить неурожаем), а художники устремились в одну конюшню, полные желания творить в стиле социалистического реализма. (Продолжая аналогию на наши времена: мы с Вами, наше поколение, просто жаждали постоянного закручивания гаек, дефицита товаров, пропаганды лжи и внешней экспансии.)

Некоторая моя обида за «культуру 1», возможно, объясняется тем, что мы подразумеваем разные вещи под этим обозначением. Для меня это не только всё то, что происходило в 20-е гг. Я люблю тот дух свободы, который зародился в Европейской культуре в начале века и, может (условно), ярче всего выразился в 20-е гг. И Россия 10–20-х гг. внесла сюда свою лепту. В Европе этот дух не умирал с тех пор (хотя в 30-е гг., по замечанию Б. Гройса, фашистский стиль прошёл по всем странам от Болгарии до США). В России этот дух свободы был умерщвлён насильственно при Сталине (так же как в Германии в эпоху Гитлера). Ну а что происходит теперь, мы уже знаем не из книг.

Может быть, и можно что-то в истории объяснить циклическостью событий, но далеко не всё и не всегда. (По этой теории Германия должна была бы начать третью мировую войну, но этого не случилось.) А главное, эта теория роковой предрешённости единственно, что

оставляет нам, – это развести руками: виноватых нет, все лишь выполняли приказы её величества истории, которая развивается по своим, ни от кого не зависящим, циклам. Стоит ли тогда изучать историю, если ход событий предопределён и от нас не зависит?

Моя точка зрения – в обратном: каждый несёт ответственность за всё. Происходящее в мире зависит от каждого из участвующих (активно или пассивно). При такой точке зрения изучение истории, особенно недавно прошедшей, становится существенно необходимым.

Поэтому в целом я очень рад, что такая книга, со множеством важнейших деталей и фактов из недавнего, но ещё не исследованного прошлого, написана.

Шелковский – Паперному 15.04.82

Дорогой Владимир!

Послал Вам короткое письмо со всякими пожеланиями относительно текста, но переписка может растянуться надолго, а времени мало, надо торопиться.

Итак, я думаю на сегодняшний день, что в № 4 «А – Я» может пойти 2 глава «Движение – неподвижность» с небольшими сокращениями за счёт углубления в историю дореволюционного времени. Две необходимейшие вещи: первое – иллюстрации, которых желательно как можно больше (об этом уже писал), и второе – английский перевод, который лучше бы сделать под Вашим наблюдением и в возможно кратчайший срок. Перевод может быть частично оплачен – об этом надо по телефону договориться с Сашей Косолаповым <...> Но если б кто-то смог сделать его бесплатно, то было бы ещё лучше, т. к. журнал нищенствует. Но, повторяю, главное – время, при наших расстояниях всё растягивается на месяцы. Чем больше перечитываю Ваш текст, тем больше он мне нравится. Прочёл ещё раз более внимательно тот отрывок, напечатанный в «37». Читал с неослабевающим интересом, как детективный роман, хотя Ваша основная предпосылка мне кажется абсурдной.

Вот мои замечания. В отличие от Вас, я совершенно согласен с теми западными искусствоведами, которые утверждают, что ход развития искусства 20-х гг. был изменён политической силой (и что «за принципами соцреализма лежат вкусы самого Сталина»). На мой взгляд, это самоочевидно. И для нас, то есть людей не посторонних, в доказательствах не нуждается. Дальше можно объяснить, почему сами события, от которых зависела эстетика и культура, развернулись так, а не иначе, но это уже проблемы не эстетические, хотя и не менее увлекательные. Смену эстетических взглядов и стилей на публике 20–30-х гг. никак нельзя назвать естественной. Идеи 20 гг. не исчерпали себя, чтобы умереть естественной смертью, как не умер естественной смертью театр Мейерхольда, да и он сам. (Клод Моне дожил до 26 г., пережив не только импрессионизм, но и постимпрессионизм, кубизм, фовизм, начало дада и пр., пережив несколько естественно сменивших друг друга течений. Можно ли так сказать о Малевиче?)

Политическое и административное влияние явно имело место, причём в самой грубой и жуткой форме, вплоть до уничтожения произведений. Был смыт фильм Эйзенштейна «Безин луг», были сбиты фрески Фаворского, рассыпались набранные книги, запрещались спектакли. Для поворота событий достаточно было и морального убийства художника: облаивание в газетах, лишение профессионального заработка, добавление к имени суффикса «щина» – не надо забывать, что дело происходит в тоталитарном государстве, набравшем силу к 30 гг., в государстве, против которого у художника не было ни малейшего шанса, никакого средства защиты. Но деятели искусства убивались и физически. (Единственная аналогия этому – Германия конца 30 гг., гитлеровские директивы по всем немецким музеям об уничтожении произведений так называемого «дегенеративного искусства» и с запретом художникам работать.)

Вы условно называете культуру 20-х гг. «культурой 1» и культуру 30–50-х гг. «культурой 2». Если Вам так удобно – почему нет? Подход учёного, т. е. предельно объективный, Вы не морализируете, Вы изучаете. Например, для Германии это выглядело бы так: была в 20 гг. некая «культура 1», потом в 30 гг. «в результате глубокого циклического процесса» пришел фашизм – «культура 2». Постепенно «культура 2» стала теснить «культуру 1» и в соседних странах. «Культура 2» характеризуется... и т. д.

Затем с «культурой 1» Вы связываете такие, на мой взгляд, второстепенные признаки: растекание, децентрализация, периферийность. С «культурой 2», напротив, – перемещение ценностей в центр, застывание. Вы нигде не оговариваете, что эти условные обозначения касаются только России, в то время как, например, во Франции этого же времени не было ни растекания, ни централизации, хотя балансирование разного типа культур и было, оно есть и сей-

час (Помпиду организывает музей современного искусства, Жискард д'Эстен – музей 19 века [музей д'Орсе (фр. Musée d'Orsay)].

У «культуры 1» (20 гг.) и «культуры 2» (30–50 гг.) есть более существенные признаки. Первая характеризуется экспериментом, новаторством, авангардностью; вторая – шаблоном, консервативностью, серостью. Разумеется, если проследить историю, то те и другие периоды время от времени чередовались – но что из этого? (Далёкое прошлое вообще лучше не трогать без особой нужды, историей можно доказать всё, что угодно.)

Я думаю, что и то и другое существует в природе человека. Все мы выброшены, находимся в настоящем, т. е. в чём-то неопределённом между прошлым и будущим. Одних больше тянет в прошлое с его определённой, обоснованностью, традицией, авторитетом предков. Других – в будущее, с его неизвестностью, зато полной свободой, с необходимостью заполнения вакуума, преодоления и покорения пространств и природных сил. Кроме того, ведь не надо забывать, что «будущее всегда светло и прекрасно». Очевидно, и те и другие устремления свойственны каждому человеку и в зависимости от обстоятельств или волеунаправленности проявляются то одни то другие. (Иногда, возможно, это связано с возрастом: молодой Бурлюк сбрасывал Пушкина с «парохода современности», он же на склоне лет переводил на английский язык «Кавказского пленника».)

В пределах каждой культуры (вообще) эти тенденции или то, что Вы называете «культурой 1» и «культурой 2», находятся во взаимодействии и противоборстве, обогащают жизнь. Остаётся только ответить на вопрос, почему иногда побеждает то одна, то другая сторона и почему иногда эта победа бывает тотальной?

Если Вы удалитесь на некоторое расстояние и окинете взглядом европейский материк к концу 30 гг. нашего века, то Вы явно заметите некоторое сходство между такими странами, как Германия, Италия и СССР: и в части политических структур, жизни масс, воодушевления, энтузиазма, и в области эстетических теорий, литературной, художественной и, в частности, архитектурной практики.

Ваш довод о том, что Германия была «отрицательным образцом» и отсюда «высокая степень зависимости», очень смел, но критики не выдерживает. Во-первых, почему тогда не копировались другие отрицательные образцы? Во-вторых, была ли Германия «отрицательным образцом»? Когда, в какие годы? (Ещё до заключения пакта Молотов – Риббентроп, где-то в середине 30-х гг. Сталин дал интервью двум западным корреспондентам. Среди вопросов был такой: «Вот официально Вы выступаете против Америки как оплота капиталистической системы, в то же время, поездив по стране, мы заметили скорее симпатии к американцам, к американским методам работы». «Нет – ответил Сталин, – это не так. Если уж говорить о симпатиях, то у нас в народе больше симпатизируют немцам». Ему надо было наладить контакты с Гитлером, его как-то уластить, но он явно не рассчитывал на следующий естественно рождающийся вопрос. Корреспонденты: «Почему?» «Ну, хотя бы потому, что Маркс и Энгельс были немцы».) Германия была в то время важным торговым партнером, сотрудником в военной области (обмен военнослужащими на обучении), а какой-то период и союзником.

Среди отличительных признаков «культуры 1» и «культуры 2» явно бросается в глаза следующий. «Культура 1» космополитична, она живёт будущим, когда не будет границ между нациями. Эта культура открыта всему новому, независимо, откуда это новое приходит: идеи парижской школы живописи дают буйную поросль на русской почве; западные мастера культуры приезжают в страну для работы: Айседора Дункан открывает балетную школу в Москве, Мэри Пикфорд снимается в Москве в одном фильме с Игорем Ильинским, Мейерхольд приглашает Пикассо для оформления «Гамлета», свой самый большой проект того времени Ле Корбюзье реализует в Москве. Новые книги тут же переводятся и издаются, идеи легко пересекают границы, на лету схватываются и усваиваются. Планета дышит одним дыханием, всё

устремлено к будущему, где не будет «ни России, ни Латвии» (действительно не стало, только в другом смысле).

(Очень давно мне случайно попался на глаза клочок газеты начала или середины 20-х гг., в заметке сообщалось, что создан буквенный алфавит для азербайджанской республики и выпущены первые учебники. Дальше говорилось, что «алфавит составлен на основе латинского, т. к. в будущем мировым языком будет английский язык». Сейчас азербайджанцы пишут свои азербайджанские слова русскими буквами. Интересно было бы установить, когда произошёл этот переход, в каком году. Штрих маленький, но уж очень характерный.) «Культура 2», напротив, замыкается в национальных или государственных границах и своим основным пафосом делает обращение к прошлому. Вспоминаются славные предки, ставятся памятники им («Юрий Долгорукий»), вспоминаются и ставятся в центр культурной жизни классика, фольклор (вместо «Теа-джаза» Утесова звучит хор Пятницкого и Свешникова⁶). Интернациональные элементы изгоняются или уничтожаются (Германия, СССР). Страна строго изолируется от внешнего влияния. Железный занавес, существовавший с начала 30-х до 50-х гг. (а в какой-то степени и сейчас), был призван, прежде всего, преградить проникновение идей и влияний. Слово «космополит» становится синонимом слова «изменник родины». Почти любой контакт с иностранцем становится уголовно наказуемым. (Эстетика соцреализма, взрывавшая к началу 50-х гг., эстетика высотных домов, метро и написанных бригадным методом полотен – уникальное явление в искусстве последнего столетия. Так же как и в своё время русская икона или японская гравюра, этот стиль складывался в полной культурной изоляции, на этот раз изоляции искусственной. Если б этот эксперимент длился ещё лет 50?)

Ну а теперь о самом существенном во всей этой ситуации. «Культура 1» – культура свободного индивида (государство для человека), «культура 2» – культура государства-тирана (человек для государства). Какие бы декларации ни делали представители «культуры 1» (Маяковский, Мейерхольд, Малевич и многие другие), вся эта культура проникнута духом свободы, индивидуализма, дерзаний творчества, самоутверждение личности, капризности и прихотливости, которые всегда входят в живую ткань искусства. «Культура 2» наспигована мертвечинной догм, создаётся она не столько индивидуально, сколько коллективно, колоссальное развитие получает художественная самодеятельность, которой в будущем предполагается заменить профессиональные театры и оперы.

Шедевры бюрократически планируются и вознаграждаются потом государственными премиями (архитектурные и мемориальные комплексы).

Перебрав многие российские десятилетия, мы обнаружим, что среди тех беспросветных, когда государство свинцовой тяжестью давило на индивида, было два более светлых, условно их можно датировать с 1910 по 1930 гг. Именно в эту эпоху зародилось и развивалось то, что теперь называют русским авангардом. Начало этого периода обусловлено произошедшими в России демократическими преобразованиями, ослабившими государственную узду. Период примерно десятилетний после 17 года можно объяснить тем, что молодое советское государство было настолько слабым, что ему было не до искусства (к тому же преданно именовавшего себя революционным). Как только государство окрепло – лапа была наложена.

⁶ Государственный академический русский народный хор имени М. Е. Пятницкого и Государственный академический русский хор имени А. В. Свешникова – российские музыкальные коллективы, исполняющие народную музыку.

Боулт – Шелковскому 16.04.82

Дорогой Игорь!

Ты получил текст интервью с Костаки? Ты думаешь напечатать его? Если да, то я должен чуть-чуть модифицировать два места в тексте (по просьбе Георгия Дионисовича).

С приветом, John

Шелковский – Сидорову 18.04.82

Дорогой Алик! <...>

Материалы Жигалова получил, даже в двух экземплярах. Один отослал Герловиным, они собираются вставить в какую-то книжку. Слайды Юликова О. [Махрова] не привезла, так же как и твоё письмо с краткими ответами на мои вопросы. Про письмо сказала, что его не было, но после того, как я сказал, что накануне звонил в Москву и узнал о письме от тебя самого, сказала, что да, кажется, было, что она отослала слайды Юликова и письмо с кем-то другим. Статья приемлема, нужны иллюстрации. Достаточно чёрно-белых фотографий. <...>

Конечно, для цветного воспроизведения надо бы выбрать самые цветные, яркие вещи. Не хотелось бы начинать с работ третьестепенных, с почеркушек. Это всё равно как знакомить публику с автором, печатая обрывки фраз, заготовки из блокнота, варианты. Это можно делать тогда, когда автор уже известен и любим. Сам Фёдор Васильич [Семёнов-Амурский] когда-то ругался на Левитана, что тот раздал никчемные этюдики разным дамам, а те сохранили их и потом выставили, скомпрометировав его как художника. В 29 есть крошечный рисунок тушью: человек поднимается на гору, поросшую деревьями. Дата на рисунке 2-7-59 г. В тот день я приехал к Ф. В. на велосипеде, чтобы позвать его на совместную прогулку. Они жили тогда на Хавско-Шаболовской, а я на Старой площади.

День был летний, цветущий, Ф. В. сидел перед раскрытым окном и любовался на только что сделанные работы, серию чёрно-белых рисунков под стеклом. Меня их свежесть, лёгкость и одновременно законченность так же восхитили. Я сказал, что это действует на меня как стихотворение Есенина. Ф. В. изумился такому сравнению: «Нет, правда, правда? Что вы такое говорите! Ну, так я вам дарю этот рисунок!» Он вложил этот рисунок, сделанный пером и «подушечками двух пальцев», между двух картонок, и я спрятал его в карман куртки.

Мы взяли наши велосипеды и поехали кататься по окраинам Москвы, которые не были тогда ещё так застроены. Проезжали мы каждый раз по 30–40 км, время от времени спешивались, чтобы вести «философские разговоры». В какой-то деревне после захода солнца слушали «концерт лягушек» – у пруда среди пышных деревьев. Один голос выделялся особенно – «изумительно, изумительно, Игорь, это лягушачий Ван Клиберн». Возвращались обычно поздно ночью, с красными лицами, но не усталые. Ехали при свете фонарей, машин тогда было, к счастью, не много. Пешеходы оглядывались на высокого человека в серой рубашке с белым воротничком и чёрным обрубленным галстуком, восседавшего на велосипеде с жёлтыми колёсами. Таких прогулок набиралось по несколько десятков за лето, приезжал я всегда без приглашения, телефон к ним не провели, и почти всегда заставал его дома, и почти всегда мы брали велосипеды и уезжали кататься. Будь тогда среди нас кто-то третий, кто предсказал бы, где этот маленький рисуночек окажется двадцать три года спустя, – то-то мы удивились бы, то-то было бы между нами разговоров.

Каждый год тогда он делал по несколько тысяч работ, работая запойно, иногда днями и ночами. Где сейчас все эти работы? Правда, он сам регулярно проводил «чистку», наполнял мешки бумагой, разорванной в мелкие клочки, и относил их на помойку. Но всё же лучшее оставалось. Что со всем этим будет? Как-то лет десять назад я шёл по двору дома на Масловке, где живут художники. И вдруг где-то с десятого этажа посыпались листы бумаги – наброски, зарисовки, записи, вырезки с картинками из журналов, потом полетели старые папки, рулоны ватмана, этюды на картонках. Умер какой-то художник, очевидно не имевший родственников, и новые жильцы освобождали квартиру – чтобы не сносить по лестнице, выбрасывали в окно.

Елизавета Измайловна милый и добрый человек, но она наивна и верит всему, что пишут в газетах. А что там пишут – известно. Мы окружены врагами и т. д. Сам-то Ф. В. всю жизнь боялся всякой «заграницы», иностранцев, всегда подчёркивал, что «мы с Ел. Измайл. послуш-

ники». Конечно, это всё от страха, т. к. в глубине-то души он прекрасно знал, что к чему (в отличие от Ивана Смирнова).

Видела ли Ел. Изм. третий номер, получила ли она открытки Ф. В., которые я ей посылал? Ведь теперь от неё зависит, сможем ли мы сделать другие открытки и репродукции.

Видишься ли ты с Верой Джигирь? Если будет возможность, то дай ей журналы и другую печ. продукцию, пусть это будет в её собрании. Что сейчас делает Саша Максимов? Когда-то он делал очень интересные вещи («Тамбовское лето», например). МОСХ ведь всех может придушить.

Теперь о словаре. Пока что 2500 имен; работа неподъёмная. Я думал о 100–200, причём с оговоркой в предисловии, что это начало, список не полон, эксперимент, просим помогать и пр. Установление «границ» – дело почти невозможное, всё, конечно, будет чисто условным. Я думаю, совсем не надо трогать имена известные из других словарей: Шагал, Клюн и т. п. Может, даже на первое издание обойтись без критиков и коллекционеров, только художники. Но вообще в этой работе потонуть можно. Может ли кто-нибудь помочь тебе в этом? С иллюстрациями можно было бы взять принцип – одна картинка на одного художника. Перечней выставок или совсем не давать или давать в самой общей форме.

Как автора «Вариантов отражений» я думал всё время на Г. Маневич, жену Штейнберга. Такого же мнения и Борис Гройс. Мы с ним наговорились обо всём досыта, они рассказывали о всех московских делах, они самые свежие люди «оттуда». Я очень рад, что мы подружились и имеем общий взгляд на все вещи. Они останутся в Мюнхене, т. к. там лучшие для них социальные условия (помощь госуд. политэмигрантам), но будут время от времени приезжать в Париж, это только вопрос денег на проезд.

Получил ли приглашение Иван Ч. [Чуйков]? Если нет, то буду добиваться другими путями. Послали приглашение Юлику К. [Киму] от театра Жан-Луи Барро. Если как-нибудь его увидишь, то сообщи. Приглашение официальное – выступить с концертом. Послано месяца полтора назад.

Поторопи Игоря М. [Макаревича]. Это дело серьёзное, и надо его решить (переслать папки) быстро. Ещё вопрос: сколько заплатил Ж. [Жак Мелконян]?

Жду материалов Славы [Лебедева]. Трудности возникают постоянно и где угодно, поэтому-то и надо запастись материал впрок.

Не надо делать фильм с «Горизонта», я уже отдал слайд с этой же целью знакомому. Получил ли ты и передал ли записочку для Эрика Б. [Булатова]?

Материалы Сидура были мне переданы Синявскими. В «Синтаксис» они пришли из Германии вместе с какими-то совсем непроходимыми сюрреалистическими новеллами. Автор – из круга Сидура. Фотографии, к счастью, были подробно аннотированы. Если он захочет написать сам в журнал о себе или вообще об искусстве или найдет какого-то автора, кто напишет о нем, – то пусть присылает.

Что же всё-таки со Шварцманом?

Нет никаких картинок Пивоварова.

Борис Г. [Гройс] немного жаловался на твою необщительность – обещаешь прийти – не приходишь, обещаешь позвонить – не звонишь. Я понимаю, что ты занят до предела, но старайся всё же быть более аккуратным, чтобы к тебе было больше доверия.

Рассказал он мне ещё о всяких прожектах и затеях, которые мне совершенно непонятны. Зачем всё это? Ведь есть настоящее серьёзное дело, зачем ещё устраивать всякие игры? Пяти-тысячелетие китайской империи и без нас справят по всем канонам. Так можно нажить репутацию несерьёзного человека.

В долгу перед Иваном Ч. [Чуйковым], Борей О. [Орловым], Славой [Лебедевым] и др. Всем хочу написать длинные письма, но, что называется, «текучка заедает».

Удачные фото Вейсберга. Все три пойдут в дело. Как печатать статью: под псевдонимом, с инициалами или имя полностью? <...>

В Н. У. с большим успехом прошла выставка «Самиздата», устроенная Герловиными.
Обнимаю тебя крепко и всем приветы. Игорь

Худяков – Шелковскому 23.04.82

Дорогой Шелковский!

Пару часов назад получил твоё письмо от 19-4. «На ходу», в холле отеля, просмотрел и потускнел больше: ибо только что вернулся из галереи («центр»), где крупно поговорил с куратором (в присутствии её «куратора», т. е. мужа). Не буду распространяться на эту тему, т. к. не хочу, таким образом, как бы присоединиться к их врагам (надеюсь, ты в курсе дел), так как хрен редьки не слаще. Я не буду отвечать за их обещания для журнала; я ответил на вопросы для «интервью» (для журнала, с месяц или больше назад), и на этом мой вклад в текстовую часть журнала кончается. Что и как – мне дальше и спрашивать неохота: ведь это же не деловая сделка, а «любительская» и, если человек «тянет», то значит так он «любит». Т. е. больше любит говорить о чём-либо, чем делать. Единственный совет, если позволишь, – это готовиться и к 5-му номеру, чтобы если задержится 4-й, то 5-й бы компенсировал (скоростью) отставание 4-го номера. Получил обложку. Эффектна заставка задняя, но почему вариант («Сердце Кришны») из ранних, а не из поздних (я уверен, что тебе посылал), где в белых кружках вставлены – точёные грани (как бы алмазики белые круга).

Странно, что ты спрашиваешь – с кого сделать переводы? Переводы стихов Эмили Дикinson прошлого века, американка, которую я называю американской Цветаевой. Может быть, тебя интересуют библиографические картинки? Кажется, я послал тебе 3 перевода? И все, кажется, с номерами, тогда это из: «The complete poems of Emily Dickinson». Edited by Thomas H. Johnson. Издательство: Little, Brown and company. Boston – Toronto. Это напечатано в Ровнеровском «Гнозисе»⁷. Журнал тот эмигрантский (колумбийский, т. е. при колумбийском университете). К переводам есть сжатое вступление, разбор творчества Е. Д., с даже вкратце параллелями между ней и Б. Пастернаком, между ней и М. Цветаевой. Если тебе это для книжки (т. е. не много?) нужно, черкни, я вышлю. Кстати, столбиком стихотворение (неофициально называемое «Боре с Мариной») должно быть сопровождено датой его «становления» на ноги: 1958–1963 гг. или в оглавлении, или в конце стиха, или в начале: над знаком №. Очень хорошо бы в стихотворении «Женщина на корабле» название изобразить как у меня на бумажке (по отношению к месторасположению самого стиха). Есть ещё поменьше – «тоже столбиком», и неофициально называемое «Боре» (т. е. Б. П.), но видно, для небольшой подборки это будет слишком много «иерографического» материала. Как я тебе писал, сокращение стихов в композиции, видимо, есть смысл делать за счёт переводов, а не за счёт оригиналов моих.

Ты послал 100 открыток... Я даже не знаю, то ли благодарить тебя, то ли нет, ибо это дела галерейные, а с человеком, которому ты их послал, я стараюсь не сталкиваться (наученный горьким опытом коммунальной квартиры...). Поэтому кроме соболезнований по поводу твоих отношений с твоими корреспондентами ничего не могу тебе выразить.

Насчёт себя и своих материалов. Я всё время готовился к своей выставке. Заодно перебазировал туда работы (ибо у меня невозможно), стал их фотографировать. Но так как хороший фотограф берёт за вызов (работ много, нужно всё задокументировать на слайды), 700! долларов, то связался с сопляком, которому уже заплатил 210\$ (за 2 прихода), а работа ещё не окончена (т. е. не все сняты), и отснятые уже надо будет переснимать: ибо кому нужны на тройку слайды (т. е. тёмные или с кривыми рамами – холсты: ибо снимал он без штатива, для сильного света штатив не нужен! Пока я сообразил и не сказал ему, что без штатива картины кривые на слайдах!!!). Ну, из того что он мне наснимал – высылаю тебе подборку наиболее приличных; нужно только к ним прибавить текстовую часть (т. е. данные работ, а это

⁷ «Гнозис» – русскоязычный религиозно-философский и литературный журнал (Нью-Йорк, 1978–1995). Главные редакторы – писатель Аркадий Ровнер и поэтесса Виктория Андреева.

волынка). За всей этой суматохой я и позабыл о слайде с картинке (кстати, приведи название картинке: пара-феномен, т. е. парапсихологии феномен). Я тебе копию его слал? Ну что же – сделаю на той неделе и отошлю. Хотелось бы, чтобы он был для журнала грядущего: ибо делать для просто архива – дорого (надо идти в фотолабораторию). Посылаю тебе, помимо слайдов, и чёрно-белые фото (тоже повозился с фото эмигрантом, пока заставил проявить карточки работ, снятых позднее пиджаков, что я тебе выслал). Ты говоришь о чёрно-белых элементах дополнительных, для книжки. Я всё, что у меня было чёрно-белого, тебе переслал, в надежде, что ты сам разберешься в том, как их пристроить. Дорогой Шелковский, постарайся, в связи с нашими с тобой делами, обращаться ко мне лично, не через других; круг «корреспондентов» моих совсем сузился. Я всё подробно тебе сейчас объяснил, и кроме повторного соболезнования по поводу «резины» и пожеланий преодоления препятствий и успехов – добавить ничего не могу. С творческим приветом.

Генрих Худяков

Шелковский – Сидорову 23.04.82

Дорогой Алик! <...>

Меня восхищает, что я читаю твоё письмо через 5 дней после его написания. Думаю, и что я делал в тот день? Может, тоже писал тебе. Негативы отдам печатать. Если б у меня были б раньше некоторые картинки Ф. В., то я бы смог на обложке вместо чёрно-белого «С-Ам» [Семёнова-Амурского] сделать что-то цветное; когда печатал Альбрехта с купальщицей⁸, место на клише было. Но ничего, как-нибудь в другой раз. Рисунки есть яркие, на стенку их не повесишь, т. к. фломастер быстро выцветает, а репродуцировать – самый раз.

Насчёт «Издательства „А – Я“» – не слишком ли нескромно? Но, может, ты и прав. После первых 8 книжечек уже объявленных и обложки, к которым почти все уже напечатаны, можно будет и переменить титры.

На всех фотографиях в журнале всегда указывался их автор, кроме тех случаев, когда он или не был известен, или когда он был против публикации своей фамилии.

Насчёт Хармса. У меня нет ни времени, ни денег сделать это издание. Я подумал сразу о «Синтаксисе» (это издательство, и оно имеет большее право так называться, т. к. у них есть печатный станок, наборная машина IBM и маленькая лаборатория в подвале, для которой два года назад бетонировал полы – прежде была земля). Поговорил с Марьей Васильевной [Розановой] – а всеми делами занимается она и только она – никогда Синявский – он только пишет, – вот что она рассказала. Такое же предложение пришло к ней от местного издателя, издание она считает неудачным и по формату, и по оформлению (я ещё не видел, но у неё есть) и продолжать его в таком виде не хочет. Насчёт других вариантов ещё будет переговариваться.

Видишь, я тебе постараюсь описать вообще, как здесь выглядит издательская деятельность. Собственно, каждое издание состоит из 3-х процессов: 1. подготовка материала, т. е. подготовка того, что печатать, обычно это заканчивается макетом. Затем 2. печатание – это можно сделать где угодно, в Париже типографий на каждой улице в два раза больше, чем в Москве приёмных пунктов прачечной, выбор делается согласно цене и уровню качества, и 3. продажа (распространение).

Издателем обычно считается тот, кто подготавливает издание, оплачивает типографию и кому принадлежит потом весь тираж. «Синтаксис» выступает то как издательство, когда он оплачивает издание – так им, т. е. ей, Мар. Вас., дешевле, т. к. оплачивать практически надо лишь бумагу и пр. химию, а печатная машина своя, труд тоже, – то как типография, когда кто-то им заказывает что-то отпечатать (например, издательство «Поиски» или, в случае с Альбрехтом, «А – Я», я платил за бумагу, а печатал сам в их типографии).

В принципе, типографская часть (пункт 2) самая дорогая, но и самая бесппроблемная, если есть деньги.

Чтобы издательский процесс был завершённым, книга должна быть продана, и если не принести доход, то хотя бы оправдать затраты. Вот тут и начинается самая загвоздка. Начинается из-за узости эмигрантского рынка и невозможности продать такое количество экземпляров, которое оправдало бы издание. Образуются ножницы: зная о небольшом числе потенциальных покупателей, издатель вынужден назначать высокую цену на книгу, высокая цена ещё более суживает число покупателей (но и низкая цена их почти не увеличивает, обратных ножниц не получается). Думаю, что большинство эмигрантских изданий, кроме, может, детективов и порнографии (появились и такие издательства, одно в Иерусалиме называется «Три богатыря». Почему не «Алёнушка»?), не оправдывают себя.

⁸ На обложке книги В. Альбрехта – репродукция работы А. Косолапова «Купальщица», 1974.

Как же всё-таки издаётся весь довольно могучий поток эмигрантских книг? Иногда издателем является автор – в принципе, каждый имеющий работу инженер или врач может на собственные деньги выпускать, время от времени, свои книги. Иногда издателем, т. е. дающим деньги на издание, является меценат или благожелатель («Континент», первые №№ «Ковчег», «А – Я» и т. д.).

Наверное, больше всего книг издаётся за счёт фондов, которые здесь (особенно в Америке) довольно многочисленны. Фонды бывают самые разные: университетские, от компаний, обществ и т. д.

Джон Боулт – директор Института русской культуры в Техасе. Институт тоже существует за счёт фондов, но у них нет денег на издание книг. Продажа книг требует времени и сил, поэтому в более выгодном положении находятся издательства, которые в то же время являются торговыми фирмами, вроде «Руссики».

Мы сегодня с Мар. Вас. прикинули: там примерно 400 страниц, одна стр. обходится в среднем 100 франков – всего 40 000, продажная цена может быть, допустим, 100 фр., следовательно, надо продать, чтобы вернуть деньги, 800 экз. (50 % берут магазины!). Для Хармса я считаю это количество нереальным или, по крайней мере, трудным (кроме того, деньги на издание нужно выложить сразу, и возвращаться они будут малыми частями в течение долгих лет).

Ну вот, кажется, теперь ты знаешь всё о делах издательских.

Вернёмся к журналу. Пришли мне краткую биографию Вейсберга. Ещё немножко, чтобы закончить мысль. Издательство «Синтаксис» существует за счёт профессорской зарплаты Синявского и за счёт гонораров за переводы его книг на другие языки. Ещё на предельном и самоотверженном труде Марии Васил. Розановой. Само издательство убыточное. По сути, это всё можно назвать самиздатом, который также держится исключительно на энтузиазме участников. Только в Москве покупается пишущая машинка, а здесь печатная машина, ну и, соответственно, разное количество бумаги и разный тираж.

Шемякин издал «Аполлон» за свои деньги. Не думаю, что б он вернул хотя бы 1/10 затрат, большинство экземпляров, наверное, раздарил.

Я получил письмо из Москвы от дальних знакомых с просьбой устроить одного приезжающего на работу в издательство «А – Я», хотя бы корректором, он согласен на небольшую зарплату. Издательство представляется по-московски: директор с шофёром, уборщица, курьеры и, конечно, весь штат. Здесь же это называется «издательство на кухонном столе». Я всегда с завистью смотрю на последнюю обложку «ДИ», там только в штате человек 15, не говоря уж про гонорары авторам и фотографам и обеспеченную полиграфическую базу (правда, плохую, низкокачественную). Если б я хотя бы имел регулярные деньги, чтобы платить за жилплощадь, свет и телефон, то у меня развязались бы руки. Нет, приходится терпеть и то и то, зарабатывать на жизнь на стороне. Когда иссякает энтузиазм издателя, журнал перестаёт существовать, как вышло с «Ковчегом». Было много журналов и альманахов, умерших на первом номере. Здесь ещё сказывается и фактор предельной разобщённости, индивидуализма и эгоизма третьей эмиграции.

Казалось бы, почему бы вместо пяти слабых журналов тем же пятерым издателям не сделать один сильный? Нет, если каждый ещё согласен тянуть лямку под собственным флагом, то о помощи соседу (т. е. конкуренту) не может быть и речи. Как же, ведь главное титул: «главный редактор Александр Глезер» (как он подписывает свою фитюльку. Он же *генеральный* директор музея, причём музея фиктивного, не существующего, но титул есть). Марамзин выпускает «Эхо», зарабатывая деньги для этого переводами, замедляются темпы выпуска: «Эхо», «Синтаксис» вместо обещанных четырёх номеров в год выпускают 2, а то и один. Сказывается, наверное, и то, что все эти журналы базируются в основном на самиздатском материале, доходившем сюда. И, кажется, этот поток значительно оскудел за последнее время. Здесь при-

чиной является общая ситуация в Союзе. Авторы же эмигранты в большинстве ещё настолько неустроены, что им ещё не до полноценной литературной (бесплатной) работы. Как-то зашёл в «Русскую мысль» и говорю, что надо бы написать о том-то и о том-то, тема хорошая, а они мне говорят: вот ты и напиши. И они правы. Что они могут сделать? Там сидят три с половиной женщины на низкой оплате, они и так делают всё возможное, что по их силам.

В целом же третья эмиграция оказалась предельно скандальной, недружественной, разобщённой. Многие едут сюда с гипертрофированным сознанием собственной личности: вот я сейчас им всем буду ошибки поправлять (сказывается то, что при несвободе, при невозможности самореализоваться, кто-то перестаёт верить в себя, а кто-то, наоборот, начинает переоценивать свои возможности, раздувать свою персону в собственном мнении). И вот такой человек, приехав сюда, после первых положительных эффектов через некоторое время начинает замечать, что его уже не слушают, перестают им интересоваться. Начинается другая крайность: он смертельно на всех обижается, полностью отходит от всех дел, забивается в угол и ни с кем не общается. Начинаются депрессии, иногда и попытки самоубийства. Мало кто способен на ежедневную, будничную, неблагодарную чёрную работу. Работу, не сулящую ни денег, ни славы, ни какой личной выгоды. Как здесь кто-то говорил, что «эмигрант – капля крови нации, взятая на анализ». Вот анализ и показал, что амбиций много («мы самые, мы самые...»), а способностей мало. Способностей создать нормальную структуру взаимоотношений и работать повседневно без склок и сплетен.

То же было характерным в значительной степени и для первой эмиграции, но там была хотя бы общая ностальгия (что у третьей эмиграции отсутствует начисто), тоска по прежним идеалам, по великой матушке-России (по СССР никто *не тоскует*).

Шелковский – Сидорову 26.04.82

Маленькая вставка о текущих делах. Сегодня понедельник, утро туманно-солнечное, через полтора часа должен отвезти это письмо. Сейчас написал список цифр и отметил то, что получил. Картина теперь намного яснее со слайдами. Всю прошлую неделю пытался дозвониться по поводу П. 19, сейчас дозвонился. Оказывается, обладательница и понятия не имела, куда что посылать, говорит, что что-то такое получила и пошлёт, если не то, то я должен буду вернуть обратно. Продиктовал ей свой адрес, у неё не было.

Всё с пометкой «Вена» отослал, предварительно позвонил этому человеку, проверил адрес.

Возможно, другие твои посылки где-то лежат в Америке или Европе, и никто не знает, куда их посылать. Я тебе писал уже, что и у меня лежат такие же бесхозные. Надо бы разыскать заинтересованных людей через русские газеты, да всё времени нет этим заняться. Из Москвы посылают как на деревню дедушке, как будто все знают, где эта деревня и кто этот дедушка. Лишь бы пересекло границу, а там всё образуется. Каким образом, как?

У людей, перемещающихся на такие большие расстояния, голова забита обычно множеством всяких поручений и просьб, которые для них чаще всего дело десятое, всё забывают, путают, не успевают сделать, время проходит – всё совсем уже выпадает из памяти. Надо долбить каждому, что, куда и как передать, да и то уверенности не будет. Очень важно, чтоб я со своей стороны мог попытаться что-то вытянуть.

Вчера полдня провёл у Ирины Баскиной, у неё крупнейшее собрание документации по Ленинграду. Пересмотрел, наверное, тысячи две фотографий и слайдов. Это ужас, это пытка, это бред сивой кобылы, что они такое делают. Это мрачно, это предельно слабо, не интересно ни с какой стороны, потому что ложно. Такая же ложь, как официальн. живопись. И такие же дремучие люди её делают. Может, это и не их вина (конечно, это их беда), но дела это не меняет. Это болото разлито повсюду. Я получил большой пакет от Серова (копируется с твоих отправлений – так же всё разложено в конверты, надписано) – живопись «двадцатки» и все их физиономии – кошмар. Эта живопись – паноптикум. Он же прислал большую подборку «Художники Одессы». Если можно сделать статью на эту тему, то только негативного плана, и такая статья с анализом причин этой беспросветности нужна была бы, но только кто смог бы сделать это? Труд большой и неблагодарный.

Из ленинградцев неожиданно открыл для себя Васми и его круг. Хоть какой-то кусочек живой жизни среди претензий и стилизации. Он талантлив и с чувством цвета, колорита.

Ещё про эмиграцию. Нежелание встречаться и видеться происходит ещё от стремления отмежеваться от своего прошлого. Зашли недавно с Гройсом к Лимонову – он собирается перейти на английский язык, как Набоков, всё русское ему опротивело. Кстати, этот представитель богемы в своём скромном быту хорошо организован и работоспособен. Надеется выпустить по роману в год, чтобы жить лишь на литературный заработок. Выпивка и травка – поза для мифа, дома же пишущая машинка, мыло и чистое (!) полотенце в ванной комнате. В своих политич. установках не уверен настолько, что не подпускает к разговорам о них – и довольно агрессивно – ещё на дальних дистанциях.

Обнимаю тебя. Игорь

Сидоров – Шелковскому 24.04.82

Дорогой Игорь! Посылаю тебе дополнительные материалы к ст. Пацюкова о Лебедеве. К сожалению, эта «вставка» написана только что, а у тебя, наверное, весь материал уже в работе, но, может быть, ты найдёшь возможность сделать соответствующие изменения и дать этот материал. Я расцениваю его как очень важный, т. к. Слава последний год именно этим занят (я имею в виду «карточные колоды»).

Кроме того, эту идею имело бы смысл застолбить, т. к. в рамках этой структуры таятся неисчерпаемые возможности, да кроме всего прочего, здесь этим больше никто не занимается. «Вставка» начинается с «красной строки» после предложения: «Это очень интересно – дерево и куб, небо и автомобиль, лозунг и человек». После «вставки» вновь с красной строки продолжение «Художник специально разъясняет, что мир становится «наличествующим»... Кроме этой большой вставки нужно сделать маленькую в предложении: «Интуиция ставит нас, прежде всего, перед наличием вещи, но таким фактом для нас сегодня является не только вещь, но и сознание, впервые пластически опознанное И. Кабаковым. Более того...» дальше без изменения.

Обязательно сразу, как только получишь слайды Пивоварова, дай знать.

К книге «Типажи» я сделал 16 цветных слайдов и 16 ч/б негативов, сейчас работаю над «фильмами». Много побочных проблем, но думаю, что к концу мая все проблемы будут решены.

Я взял у Елиз. Изм. собрание афоризмов Фёд. Вас. [Семёнова-Амурского] – сплошное разочарование. Пока ни одного годного для публикации найти не могу. Правда, все эти афоризмы отобрали самой Елиз. Изм. и перепечатаны из рукописных тетрадей. Возможно, что в самих тетрадях что-то и есть, но у неё их пообещал купить какой-то музей, и теперь она их даже не показывает никому. Продолжу в письме 71. Целую А.

Никитина – Шелковскому 27.04.82

Дорогой Игорь!

На днях случайно встретила девушку, которая не так давно была в Москве (точно не знаю, чуть ли не две недели назад) и видела Алика Сидорова. Раньше она с ним не была знакома. С её слов, у него всё в порядке, она в восторге от того приема, который он ей оказал. Алик с Лидой спрашивали её о нас, но так как она, во-первых, знает меня как Никитину, а во-вторых, уезжая в Москву, даже не сообразила мне об этом сказать, то, естественно, сообщила ему, что никаких Гройсов в Мюнхене не знает. Обидно. Кстати, она сама художница, точнее, пока что только учится. 6 мая открытие её выставки. Пойду, посмотрю.

Странно, что ты ничего не знаешь про Гликмана. «Русская мысль» писала о его довольно шумной выставке, как-то связанной с Ростроповичем. Подробностей я сама не знаю. Он был официальным советским скульптором. Сейчас живет в Вене. Когда мы там были, он, как и Космачёв, отсутствовал, иначе мы обязательно посмотрели бы его работы. Думаю, что они помогут журналу (они – жена Гликмана, весьма энергичная дама – искусствовед). Может быть, она – потенциальный автор? Скажем, могла бы написать о скульптуре? Какую-нибудь обзорную статью для следующих номеров, вроде: «Советская скульптура в изгнании». А?

Получил ли ты деньги <...>? Если да, то, пожалуйста, возьми оттуда для журнала 300 франков, так как я продала за наличные один комплект из тех, что ты дал, и за одну подписку мне дали деньги мюнхенские пианисты – подписались пополам. Пожалуйста, срочно вышли им журналы (адрес я тебе посылаю). У нас очень мало осталось журналов: Боря [Гройс] повёз в Англию, послали Бурихину, Гмуржинской и т. д. Поэтому я им не могла дать журналы.

Я тебе также посылаю адрес нашего друга в Лондоне на случай, если он согласится переводить. Сейчас он не в Лондоне – будет только в пятницу. После разговора с ним, в случае согласия, Боря тебе позвонит, и ты сразу вышлешь тексты. Если он не согласится, то Боря попробует вариант со студентами. <...>

Наташа

Боулт – Шелковскому 05.05.82

Дорогой Игорь!

Спасибо за письма от 23-го и 20-го апреля 1982 г.

При сём прилагаю твоё печатное письмо Чекрыгина. Я вписал те слова, которые не были разборчивы.

Ты спрашиваешь: кто бы мог сделать комментарии? Конечно, я бы мог, но только в июле, не раньше. Дело в том, что 19-го мая я еду в Нью-Йорк, а 3-го лечу в Австралию и Новую Зеландию до середины июля. Сейчас просто нет времени. Ты мог бы подождать? Я с удовольствием бы сделал комментарии и написал предисловие.

При сём – английский перевод Лисицкого. Мне кажется, что было бы дипломатично обратиться к Antonina Gmurzinska с просьбой – дать разрешение на перепечатывание моего перевода. Я уверен, что она даст.

Я боюсь сказать, что я смогу сделать комментарии к Лисицкому, хотя, как ты видишь, мой перевод уже носит несколько примечаний. Этого достаточно?

Пересниму фотографии из чекрыгинского каталога.

Твой John

Шелковский – Чуйкову 08.05.82

Дорогой Иван!

Не писал я тебе целую вечность. Сейчас делал разбор бумаг, перечитал все твои письма – последнее тоже было года два назад. И какие-то письма не дошли, так же как и мои к тебе. Это тоже не вселяет энтузиазма – писать для кого-то постороннего. А они ведь только этого и хотят – поменьше контактов. Но много знаю о тебе по рассказам тех, кто был в Москве. Насколько ближе от меня сейчас до Саши Косолапова – сел в самолёт, позавтракал, посмотрел два фильма, и вот уже Нью-Йорк, метро, Саша встречается у выхода из сабвея. Вчера он мне звонил, сообщал всякие приятные новости: через 2 года у них будет свой loft – этаж в 100 м² в хорошей части города. Зовёт проводить больше времени в N. Y. Они там организовали ассоциацию Амер. друзей совр. Русск. Иск., зарегистрировали её в правительстве как некоммерческую организацию, теперь можно просить денег у различных фондов – они (фонды) с этого списывают налоги. В Америке так только и делают, искусство живёт за счёт фондов и частных лиц, правительство им не занимается. Но отыскивание нужного фонда – это тоже целая работа, их там тысячи, нужно кому-то сидеть и заниматься этим (перепиской) из месяца в месяц. Саша сделать этого не в состоянии, а найти нужного человека, который мог бы эти дела проворачивать за небольшую плату, пока не удалось.

Так вот и идёт топтание на месте. Журнал пока что идёт за счёт выклянчивания денег (два раза на №№ 2 и 3 дала очень крупные суммы Дина Верни – добрая женщина), да за счёт всяких трюков – я цементирую подвал – мне набирают текст, натуральный обмен. Многие технические вещи научился и делаю сам. В Москве художники, небось, думают, что если там тратятся миллиарды на пропаганду, то и с другой стороны должно быть то же самое. Да ещё в конторе внушают: а вы знаете, на чьи деньги издаётся этот журнал. А здесь абсолютно всем наплевать на пропаганду, на идеологию, здесь просто не знают, что это такое. Информация – да, но пропаганда? Здесь это слово оскорбительное, с отрицательным значением. (По радио иногда поймаю: «весь советский народ с огромным воодушевлением воспринял доклад» и пр. – дикость и только. Уже всё забыл и теперь думаешь, да как же это возможно, да как же я жил во всём этом, как же они ещё там живут?)

У большинства эмигрантов отношение к своему прошлому резко брезгливое: какого чёрта меня до сорока лет водили за нос и считали за идиота? А ведь это люди, которые слушали передачи и считали себя информированными.) Словом, все эмигрантские объединения и издания аргентинские, польские или русские держатся исключительно на энтузиазме участников и перебиваются с хлеба на воду. А про русских я уже писал – хоть волком вой, до чего дурная нация. Зависть, грызня, полная неспособность к чему-либо позитивному, просто лень, болтовня вместо дела, завышенное самомнение, дикая консервативность. Журналы возникают как грибы, но идохнут как мухи – нет денег, покупателей мало, меценатов ещё меньше. Есть организация, закупающая их для раздачи советским морякам, но это такой мизер, что дела не решает. (Кстати, на деньги ЦРУ, т. е. американских налогоплательщиков. «Вот, вот, видите – воскликнул бы какой-нибудь кэбээшник, – а они наши враги!» Ваши – возможно.)

Конечно, я чертовски доволен, что я уехал, и считаю, что всем надо это сделать. Хотя здесь в какой-то степени и нелегко сначала, но всё это будет проходить по мере укоренения в здешней жизни. С каждым годом жить здесь становится легче и привычнее. Хотя вспоминаются годы жизни там, особенно последние, с мастерской и налаженной работой. Я думаю, что и там я был счастлив в какой-то мере. Очевидно, это не столько зависит от окружающей обстановки, сколько от сознания, что тебе удаётся делать максимум возможного в настоящих условиях. Но всё-таки там это больше походило на прорастивание ногтя через ладонь, а здесь удаётся делать какие-то реальные дела.

Писать об искусстве как-то особенно трудно. Сначала у меня было впечатление, что там мы знали гораздо больше об искусстве, чем здесь, что здесь как бы за деревьями не видишь леса. Художников всякого сорта и искусства здесь столько, что становится не по себе. Начинаешь вспоминать Сезанна, который говорил, что нужно ежегодно устраивать отстрел художников. Если в Москве 2–3 художника работают в этом направлении, 2–3 в этом – то здесь их целые улицы, сотни, тысячи. Сезанн прав, в основном это псевдоискусство. Хорошая мысль промелькнула в статье Герловиных о Джин Браун – не должно быть соревновательности, что такое настоящее искусство? То, что раскупается за бешеные деньги? Чёрта с два. Ведь покупают богатые люди, а это, как правило, идиоты, не имеющие ни собственного вкуса, ни мнения, или же хитрецы, вкладывающие капитал и подлаживающиеся под рынок. Или хорошее искусство то, о чём пишут в журналах? (Знаем, сами писали.) Как правило, в одном и том же номере и статья о художнике и реклама галереи, которая его продаёт, – значит, галерея заплатила за статью. (На «А – Я» косятся – кто торгует этими картинами? Как может журнал писать о картинах, которыми никто не торгует?) Я верю в то, что настоящее искусство распознаётся через десятилетия, а то, что в данный момент звенит и громыкает, отодвигается на второй план (как в 19 в. «салонное искусство»). А что, сейчас, что ли, нет этого «салонного»?).

Ещё один аспект искусства, который здесь для меня особенно выявился, – это мода. Мода сильна тем, что против неё не попрёшь. Но она всегда зависит от того, что справа, что слева и что было вчера, т. е. обусловлена контекстом. Помню, на нашу выставку у Лёни С. [Сокова], пришла одна француженка в платье как бы из половой тряпки, подкрашенной зелёным. Она бы имела куда больше успеха в джинсах и свитере, но, приехав потом в Париж, я увидел, что здесь это самый последний крик моды, здесь мода в то время выкинула такое коленце. Поэтому, конечно, прав какой-нибудь юноша в Вышнем Волочке, который до сих пор подшивает молнии к расклешённым брюкам, чтобы покорить сердца местных девочек. В Москве особенно болезненно переживают возможную отсталость и немодность. Помню, как один художник лет 20 назад изумлённо восклицал: «как, ты всё ещё пишешь кисточкой? На Западе никто уже этого не делает, только разбрызгивают краску». Вспомни нетерпимость Герловиных. Всем хочется забежать вперёд и «бежать впереди прогресса». Наверное, искусство есть то, что остаётся после художника, когда мода на данное явление проходит. Впрочем, искусство такая вещь, что лучше не определять, что это такое.

Во всех письмах ты жалуешься, что я мало пишу о себе. А что писать? Особых внешних изменений в моей жизни не произошло. Сiju в своём огромном ателье, смотрю на пруд с утками. Парадоксальным образом с появлением этого ателье я стал меньше работать как скульптор. Конечно, это в первую очередь из-за того, что не остаётся совсем времени для такой работы. Но есть и ещё один момент – как-то не хочется превращать искусство в средство зарабатывания денег. Большинство из приезжающих и не ставят никаких других целей. И, как правило, добиваются успеха, но я им не завидую. Мне всегда жалко расставаться с собственными работами, а так как значительная часть всё-таки распродана, то мастерская стоит почти пустая. Я предпочёл бы подрабатывать чем-то не связанным с искусством: уроками, покраской комнат. Впрочем, так и делаю. Это даёт мне чувство внутренней свободы. Уже несколько лет отказываюсь от всяких выставок, чтобы не терять на это времени.

В искусстве сейчас что-то переходное. Явная мода, по крайней мере здесь, в Париже, на псевдоакадемический рисунок, на реализм-натурализм (практически всё делается с проекции), ещё год-два продержится, как всякая мода.

Очень меня порадовали ребята в N. Y. Лёня Соков, наконец, счастлив до предела: вся семья с ним, есть возможность работать, сын растёт, жена скоро будет на хорошей работе. Сам весь так и сияет, хоть и устал от всех хлопот. Герловины сняли помещение в центре Сохо. Бывший гараж, переделанный в студию. Высокое помещение с верхним светом, к потолку подвешен агрегат для нагревания воздуха, спят на антресолях. Римма теперь снимается тут же

на фоне Дали и Поллока. Громадные холсты, у них находятся на реставрации – этим подрабатывают.

Сашина мастерская, как и в Москве, в подвале, а район напоминает Новопесчаные улицы. Русских в Н. У. гораздо больше, чем в Париже, в метро оглянешься – обязательно кто-нибудь читает «Новое русское слово». Город как будто очень близок и знаком – то ли по трофейным фильмам, просмотренным в детстве, то ли ещё почему. Ни один из виденных мной западных городов не напоминает так Москву, как Н. У., – отчасти своей архитектурной безалаберностью, шириной улиц, домами-коробками и архитектурными излишествами. Проспект Мира или Ленинский проспект – типичные нью-йоркские улицы. А вообще это тема для большого письма, которое я всё собираюсь написать и напишу. Пока что с письмами тришкин кафтан: написал одно, не успел написать другое. Каждый номер журнала – это сотни две или больше писем – туда-сюда, по всем вопросам и деталям. Московские письма по почте не приходят уже года два – как обрезало. Наверное, и мои даже поздравительные тоже перехватываются. А вообще, каждое московское письмо для меня праздник, я их месяцами таскаю с собой в сумке и перечитываю в электричке. Надеюсь тебя увидеть здесь по гостевому вызову. Шансы есть, т. к. у советских сейчас такое гиблое положение, что им терять нечего. А те мордороты, которые посылались раньше, дело не улучшали, а наоборот. Теперь выгораживаются Окуджавой – раз в неск. месяцев его концерты в Париже.

Игорь

Комар-Меламид – Шелковскому 09.05.82

Дорогой Игорь.

«Человек предполагает, а...» и т. д. Как ты помнишь, мы рассчитывали показать «пост-соцреализм» (звучит как почётный пост у доски соцсоревнования) в мае и, отдыхая от кистей, во время выставки переработать черновики лекции, которую читали в каком-то страшно изысканном обществе (знакомились с конгрессменами и Бжезинским, из чего ты можешь заключить, как давно это было – при Картере аж!).

Но, увы! Статья в «Артфоруме»⁹ была опубликована неожиданно быстро: посуди сам, обычно даже короткие рецензии на текущие выставки появляются месяца через три, четыре после закрытия. Поэтому мы решили закончить другие, нерепродуцированные полотна, что, естественно, заставляет отложить выставку на начало – середину осени. Когда мы начинали эту «ностальгическую эпопею», казалось, все выльется в типичную для нашего метода работы серию в 5–7 объектов (в этом случае – холстов), а потом спляшем перед камерой с магнитной видеозаписью или будем мериться хуями со зрителями или т. п., как водилось. Но неожиданно тема так затянула, что уже сто сюжетов и эскизов лежат на столе, и надо их сделать видимыми, но не видно одного – конца работе.

Таким образом, мы не можем, как обещали (за что просим по-человечески понять и простить), в мае полностью отдать статью «Образ Сталина и иконография зла в русском искусстве». Но уговор – дороже денег, совмещая обработку черновиков той лекции (они хранились разрезанными на абзацы, т. к. мы читали по очереди, короткими монологами, что чрезвычайно затрудняет задачу собрать всё в компактную и простую форму) с подготовкой очень важной для нас выставки. Вероятно, закончим русский текст к концу лета. Сколько потребуется времени переводчику – не знаем.

Сходная ситуация со статьёй Джейми. Она очень много пишет о новых веяниях в Нью-Йоркском искусстве и, чисто психологически, нуждается в тематической паузе, чтобы ещё раз, более ретроспективно, писать о нас. Материалы для репродукций зависят от её замысла и структуры статьи. Всё, что ей потребуется, дадим немедленно. (Спасибо за слайды Серова. Упомянуемой тобой публикации не получали.)

Что касается конфликта между некоторыми художниками и кураторами, то мы предпочитаем не лезть в это дело. Скажем одно: для русских выставок, выставка «Самиздата» собрала необыкновенное количество рецензий.

Скандал на страницах «Виллидж Войс» только способствовал рекламе русского нашего искусства на Нью-Йоркский мир искусства. Мы пытались мирить Герловиных с Тупицыными, но безрезультатно. Эта ситуация касается не менее болезненных вопросов самолюбия, чем в конфликте между Соковым и Косолаповым, когда уже все давно забыли о трёхметровой бельевой защепке Ольденбурга, сделанной им ещё тогда, когда все мы копировали гипсовые головы Венер и Сократов.

Ещё раз надеемся на великодушное твоё прощение и чисто профессиональное понимание ситуации с переносом срока выставки. Также надеемся, что несколько дней и ночей, когда мы с Катей Фитцпатрик подготавливали пресс-конференцию к твоему приезду (результатом чего явилась неплохая страница в «Арт-Ньюс»), зачтутся нам как «смягчающее вину обстоятельство». <...>

Всегда твои, К/М

⁹ Jamey Gambrell. Komar & Melamid – From Behind: The Ironic Curtain. Art Forum 20 (апрель, 1982).

Сидоров – Шелковскому 10.05.82

Дорогой Игорь!

Получил твои письма от 18-4-82 и 23-4-82, а также посылку с № 3 (4 шт.). 2 комплекта открыток, обложки и др. мелочи. Большое спасибо. Как всегда, сначала отвечу на твои письма.

Может быть, ты подождёшь удобного случая, чтобы напечатать цветную обложку к «Типажам» (впрочем, это может быть и суперобложка – тогда не пропадёт старая), т. к. в самой книжке будут цветные иллюстрации, то, по-моему, цвет на обложке необходим. Хотя я могу и ошибаться.

По поводу Хармса напишу недели через две-три, после того как побываю в Ленинграде и переговорю с редактором и составителем. Но, в принципе, есть «промежуточное» предложение.

Посылка (19) была снабжена 4-мя адресами: на обёртке самой коробки, на пластиковой сумке, на бумажке (картонке) в сумке и в сопроводительной записке. Куда они всё это повыводили – не знаю.

Странно, что тебе виднее стало о художественной ситуации в Ленинграде и в Одессе – я тебе писал об этом много раз (что в Ленинграде всего 3–4 приличных художника: Дышленко, Михнов, Гаврильчик и Журков (начинающий) и может быть ещё 2–3 (да про одного забыл – Альберт Розин!); в Одессе – ни одного! Ты, наверно, думаешь, что я тебе присылаю всё, что ко мне попадает в руки. Это было бы смешно, т. к. я держу на руках весь этот бред, который ты видел у Ирины Баскиной или который тебе прислал Серов. Кстати, такая «разгромная» статья под названием «Живопись Одессы» давно мною задумана, но пока нет автора, который бы взялся за эту работу (совсем противно?), а ведь у нас совсем нет критического материала, но с чего-то нужно начинать.

Ж. [Жак Мелконян] привёз Игорю М. [Макаревичу] за эту работу диапроектор для широкой плёнки – и всё!

Со Шварцманом пока глухо. Мне кажется, что ему что-то наговорил Штейнберг, т. к. он резко изменил своё отношение к публикации сразу же после встречи с ним на Рождество, которое они справляли вместе. Более глубокая причина – недостаточно «хвалебная» ст. Пацюкова. Вот если бы его поставили выше Малевича – тогда другое дело! Обычная наша ситуация.

Слайды Пивоварова обязательно должны прислать (вместе с другими материалами Кабака и Гороховского). Я теперь сделать почти ничего не могу, т. к. Витя уехал из Союза совсем и забрал свои работы. Есть один альбом у Кабака и, если слайды не придут, я его пересям, но подождём до июня.

Будет очень хорошо, если ты напишешь письмо Боре О. [Орлову] – он мой самый бескорыстный помощник и доброжелатель. Обязательно нужно, чтобы он был в № 5.

Кстати, о № 5. Я заканчиваю подборку для всего номера – у тебя будет большой выбор по всем рубрикам. Ориентировочно весь материал будет готов к середине июля.

Елизавета Изм. видела № 3 и имеет несколько открыток и обложек. Тебе она передаёт самые тёплые приветы.

Письмо № 70 никак нет времени закончить, т. к. сейчас у меня самый «противный» период – зарабатывание денег. С каждым годом это делать всё труднее и труднее. Всё время приходится менять способы – сейчас я делаю перегородчатые эмали. Работа требует хороших нервов и душевного равновесия. Очень большая нагрузка на глаза (именно поэтому я пишу так крупно и отрывисто, чтобы не перенапрягать зрение). Трудно заниматься такой работой, когда ничего нет и весь инструмент и материал приходится делать самому (на что уходит 80 % времени). Зато эта работа приносит в месяц 3–4 зарплаты академика.

Получил ли ты все материалы Славы Л. [Лебедева]? Очень беспокоюсь. Переделка заняла бы ещё 3 недели.

С «фильмами» для цветной печати продолжаю экспериментировать; о первых результатах немедленно сообщу. Извини за краткость. Устаю – А.

Шелковский – Сидорову 17.05.82

Дорогой Алик!

Получил твоё письмо от 10-5 (71) и все предыдущие без исключения. Моё предыдущее письмо к тебе было от 1-5-82. Напиши, дошло ли оно до тебя.

С П. [посылкой] 19 продолжают сложности. Звонил ещё раз, напоминал (первый раз пообещали, но не выслали). Обещали снова. Сегодня получил письмо, что не знают точно, что надо выслать, что некоторые материалы с пометкой «Архив» положены уже «в архив» (эти люди тоже занимаются какими-то публикациями) и теперь не могут их найти, не знают, где и что, что вещи лежат с февраля и уже забыто, что и куда.

Ты учти впредь возможность таких ситуаций. При пересылке через эмигрантов или славистов всегда есть некоторый риск. Каждый копает под себя, ревнив к деятельности других или просто ленив и необязателен. Предлог, чтобы не отсылать (адрес потерялся), – всегда найдётся. Сейчас мне остаётся ждать, когда что-то ко мне придёт (посылки идут дольше, чем письма. В письме написали, что «отсылают»), и сравнить потом содержимое с твоим описанием. Это хорошо, что у меня есть это описание и адрес этих людей. А если б не было ни того ни другого? Вот и объяснение, почему в прошлом году из 14 отправлений до меня дошло только 2.

Кстати, даже это сегодняшнее письмо не результат моих телефонных звонков и просьб. Я послал журнал – вот меня и благодарят за него, и заодно и что-то о посылке. Не считай, что западные люди автоматически точны и исполнительны. У нас хоть есть понимание цели, а у них и этого нет. <...>

Будь осторожен с пересылкой мат. к № 5. Как видишь, пока что маленькими порциями доходит лучше, чем большими. Приготовься к тому, что скоро не будет надёжного канала.

В № 4 будут перемены. Не пришёл материал о Комаре-Меламиде. Они слишком сейчас заняты, а Джейми Г. [Гамбрэлл] только что опубликовала о них большую статью и ей требуется психологический отдых, прежде чем опять писать на тот же сюжет.

Я рад, т. к. уже все материалы могут не влезть в №, почти не осталось места для «Галереи».

Вместо Лисицкого будут напечатаны два письма Чекрыгина к Ларионову. Лисицкий потом. Довольно интересная глава из книги Паперного. Спасибо огромное А. Щ. [Щенникову] за архитектурные журналы, очень они меня выручают. Перед ним я в долгу – не ответил на 2 его письма, нет времени, каждый день пишу письма и самые насущные. Стр. 59 третьего номера тоже обещана уже накопившимся у меня архивам по советскому искусству.

Что касается Хармса, то «Синтаксис», наверное, возьмётся, если будут найдены деньги на издание. Я же не возьмусь даже и на таких условиях – у меня совсем нет времени. Работа над журналом (а в промежутках над открытками и книжечками) съедает все дни целиком. <...>

Всё, что я планирую, я планирую на основе того, что у меня уже есть. Как я могу знать, что ещё когда-то ко мне придёт? Обложка № 3 – результат того, что это до меня дошло. Вот, кстати, насчёт точки зрения Бехтеревой на всю зарубежную художественно-выставочную практику. Все выставки, все издания делаются не на основе того, что надо бы сделать в идеальном случае, при идеальной ситуации, а на основе того, *что есть*. Здесь я могу стать даже на защиту Шемякина – был у него Ремизов – выставил Ремизова, а не кого-то другого, кого у него не было. Так же и журнал – печатаются те материалы, которые доходят, тех художников, которые как-то о себе позаботились или, по крайней мере, не боятся и не прячутся. Я послал эту книжечку Боулту и Голомштоку. Боулт ответил – «какое счастье, что мы не в этом болоте» (он жил долго в Москве, по-русски говорит хорошо). Голомшток возмутился: они там думают, что мы здесь как бы антиминистерство культуры – такой же аппарат, планомерно работающий, распределяющий роли и места, издающий периодику и т. д.

Продолжаю писать 18-5. Только что получил П19. Сверил по списку – есть всё, кроме 2-х рукописей Васильева и рукописи Вейсберга – именно тех, где была пометка «для архива» (надо было добавить «для архива А – Я»). Но эти потери не так страшны, тем более что Вейсберг у меня есть из другой посылки. Напишу, может, ещё дошлют. <...>

Просмотрел фото Хр. Хр. Сп. [храма Христа Спасителя]. Пока впечатление, что снято хаотично. Смогу ли я восстановить порядок страниц? Все ли листы сняты? Что на широких плёнках – фрагменты или листы другого формата? Не мог бы ты переснять ещё раз хотя бы на узкую плёнку, но пронумеровав чётко все листы с первого (с обложки) до последнего?

Первые размышления – если это издавать, то можно было бы издать в виде альбомчика небольшого формата (14 × 20?) с маленьким предисловием, рассказывающим его историю¹⁰. Кто мог бы написать это предисловие? По части дизайнерской я уже вижу, как можно было бы сделать макет наиболее эффектно (и вместе с тем просто). Но заняться этой работой мне хотелось бы только после того, как будет готов макет № 4. (Вот сейчас пишу это письмо, и в голову приходят всякие идеи. Например, можно было бы взять эпиграф из Шаляпина: «никогда не знали, что от него ожидать – то ли станцует лезгинку, то ли взорвёт храм Христа Спасителя»). (Если бы были другие материалы подобного рода, то можно было бы начать новую серию «Летопись эпохи».)

Рукопись того же автора, что и «Как быть свидетелем», собираюсь предложить издательству «Синтаксис», т. к., повторяю, самому мне всё это уже не под силу и в смысле времени, и в смысле денег. Надо ещё довыпускать те книжечки, которые уже объявлены, это долгая работа, к тому же эта серия всё-таки про искусство, а выпуск второй книжки про юрисдикцию сделает сильный крен в эту сторону.

Тороплюсь отправить это письмо. В заключение посылаю тебе фотокопии переписки со Штейнбергом, чтобы ты был в курсе его настроения.

Стоит ли делать «разгромную» статью о художниках «Одессы»? Это ведь не их вина, а их беда.

Крепко тебя обнимаю. И.

¹⁰ Ряд фотографий из альбома «Разрушение Храма Христа Спасителя» был опубликован в качестве иллюстраций к статье В. Паперного в журнале «А – Я» № 4. Полностью альбом был куплен газетой «Русская мысль» и издан одним из эмигрантских издательств.

Гройс – Шелковскому 17.05.82

Дорогой Игорь!

Я договорился с моим английским другом, что он будет переводить для «А – Я». Он 8 лет жил в Москве, и у него русская жена. Так что язык он знает очень хорошо. Кроме того, он человек очень исполнительный и аккуратный. Его денежные дела не очень хороши. Так что ему надо будет платить за перевод. Но немного. Я думаю, что ты сам сможешь с ним договориться. Я его предупредил, что на деньги здесь нельзя рассчитывать. Но хоть что-нибудь... В любом случае Англия ближе, и я уверен, что переводы будут намного лучше и быстрее делаться.

Я получил 3 статьи И. Кабакова. Они достаточно длинные. Для «А – Я» не годятся. Но из них можно сделать книжечку. Статьи о себе, о Булатове и, вообще, о московской художественной ситуации. Я считаю, что издание такой книжечки было бы очень полезным.

Если ты сможешь её издать, я отредактирую статьи. <...>

Борис

Письмо Маргариты Тупицыной в газету «Виллидж Войс» 05.82¹¹

Искусство, доступное публике

Уважаемая редакция,

Статья «Запретные плоды» является одной из первых статей западных критиков (см. также др. заметку Питера Шелдела «Русская революция», «Войс», 17 июля), которая правильно интерпретирует значение современного русского искусства. Замечания по поводу того, что «выставка самиздата предлагает политику нейтралитета, с энтузиазмом проводимую на руинах революции» и «что это скорее вера в авангард, свободу выражения, в процесс, нежели в результат, в искусство как социальную терапию», – точно суммирует смысл современного русского искусства.

Тем не менее заявление организаторов выставки, что «негативная среда для современного искусства в России имеет свою печальную, равно как и позитивную сторону: запретный плод сладок», требует уточнения. Современный русский авангард [неомодернизм] развился в середине 70-х, когда социальная среда в России была весьма благоприятной по сравнению с предшествующим периодом. Возникли новые возможности для организации публичных выставок, и художественная жизнь в Москве обрела новую силу, иными словами, произошла своего рода микрореволюция. Всё это повторяет знакомую историю, поскольку хорошо известно, что в 20-е годы отечественный авангард достиг своего апогея при поддержке властей и получил широкий доступ к публике.

Следует заметить также, что исторически термин «Самиздат» был введён поэтами, расширяющими свои напечатанные под копирку книги стихов, часто традиционных по форме и содержанию, а также политическими диссидентами, которые пользовались теми же методами для распространения своих взглядов. В лагере «Визуального Самиздата» мы встречаем не более дюжины авторов. Они никогда не представляли движения в России, поскольку не имели между собой никакой коммуникации. Большая часть работ, выставленных во Франклин Фёрнис, была сделана после того, как художники эмигрировали.

Маргарита Тупицына,

куратор Центра современного русского искусства в Америке, 599 Бродвей, Нью-Йорк.

¹¹ «Виллидж Войс» («Войс», The Village Voice, «Голос Гринвич-Виллидж») – нью-йоркский еженедельник, освещающий преимущественно события культурной жизни города.

Шелковский – Тупицыной 05.82

Дорогая Рита,

Я получил перевод твоего письма в газету «Виллидж Войс». Если этот перевод соответствует оригиналу, то тогда почти каждая строчка твоего письма или не точна, или содержит ложь.

Ты пишешь, что авангард в 20-е гг. получил поддержку властей и достиг своего апогея», да ещё добавляешь, что «это хорошо известно».

Именно плохо известно, иначе ты не ставила бы всё с ног на голову. Не авангард получил поддержку властей, а власти получили поддержку революционно настроенных художников авангарда – это не одно и то же. Эти художники сразу же приняли революцию, первыми откликнулись и пошли на службу новому режиму. Их существование в первые годы советской власти объясняется отчасти слабостью нового государства, которому первые годы было не до искусства, отчасти широтой взглядов и терпимостью Луначарского – фигуры среди большевиков не самой типичной. Ни Ленин, ни Троцкий, никто из их окружения, ни тем более позже Сталин и его соратники и приспешники не питали к авангарду никаких симпатий. Авангард терпели (как позже НЭП¹²) до тех пор, пока государство не окрепло и не прибрало всё, в том числе и искусство, к своим рукам.

О каком «апогее» ты говоришь? Апогей Малевича «Черный квадрат» создан в 13-м году, до революции создано большинство его супрематических картин. В начале 20-х гг. эмигрировали Кандинский, Шагал и многие другие представители авангарда, а в конце 20-х гг. тот же Малевич уже отстранялся от преподавания и даже арестовывался.

Ещё более чудовищным выглядит сравнение 70-х гг. с 20-ми. В 20-е гг. художники, продолжая ещё инерцию 10-х, объединялись открыто в группировки, печатали в типографиях свои манифесты, открывали свои выставки открыто, а не полутайно, как это происходило в болезненной атмосфере 70-х гг., с милицией и стукачами в зале.

Утверждение о том, что в 70-е гг. «произошла своего рода микрореволюция», лежит целиком на твоей совести. Просто ты не знаешь, что было в 50-е и 60-е. Ты напоминаешь желторотого цыплёнка, для которого мир начал существовать лишь с того момента, как он вылупился из яйца.

Те, кто помнит 50-е гг., могут сказать, что именно тогда, в середине 50-х гг., произошёл психологический перелом, который определил во многом противостояние властей и общества в последующие десятилетия. Каждое из этих десятилетий имело свои этапы, но чем «социальная среда в 70-е гг. была более благоприятной по сравнению с предшествующим периодом»? Более хитрой тактикой властей? Спасибо за такую «благоприятность».

Такой же обман в твоих сообщениях о том, что такое Самиздат. Если поэт сам печатал под копирку и распространял свои стихи, значит в чём-то их содержание или форма не были традиционными и официальными, оды партии в самиздате не ходили. С оттенком пренебрежительности ты пишешь, что «диссиденты пользовались Самиздатом для своей политической пропаганды». Здесь, на Западе, слово «пропаганда» носит отрицательный смысл. Основной задачей диссидентов было донести до общества правдивую информацию, этому была посвящена «Хроника текущих событий» и другие издания. Диссиденты политической пропагандой не занимались, оставь этот термин советской власти.

Всё твоё письмо в газету «Виллидж Войс» носит характер вздорности и капризной придирчивости, причём придирчивости не по существу. Ты прекрасно знаешь, что иногда в искус-

¹² НЭП (новая экономическая политика) проводилась в Советской России и СССР в 1920-е годы и сменила политику военного коммунизма, проводившуюся в ходе Гражданской войны.

стве, особенно такого толка, о котором идёт речь, не важно, где работы были сделаны, так же как не имеет значения, знакомы или нет между собой их авторы. Чем тебя не устраивает их число («не больше дюжины»)?

Два-три раза ты сможешь подобными экстравагантными заявлениями привлечь к себе внимание, но потом тебя перестанут воспринимать всерьёз и ты просто-напросто дисквалифицируешь себя как искусствовед.

Твоё заявление о благоприятной для художников атмосфере в Союзе наносит удар в спину не только тем, кто уехал и выставляется на этой выставке, но и всем тем, кто остался.

Всего наилучшего, Игорь Шелковский

Шелковский – Тупицыной 21.05.82

Дорогая Рита.

Посылаю тебе моё письмо, явившееся как реакция на твой текст в «Виллидж Войс», возмутивший меня до глубины души (подчёркиваю – если перевод соответствует тому, что напечатано).

Одно дело все эти склоки между нами, на это можно наплевать и полностью их игнорировать. Другое дело, когда мы выступаем публично и дезинформируем публику и так очень плохо информированную.

Пойми меня правильно. Я не становлюсь ни на чью сторону. Я не знаю, что сделали Герловины, за что ты имеешь на них такой зуб. Может, они тоже в чём-то неправы, в чём-то передрнули и в чём-то сфальшивили (а может, нет – я не знаю). Сейчас речь идёт о тебе, ты должна отвечать за то, что ты печатаешь, поэтому я и написал тебе это письмо.

Затронутые тобой темы я считаю очень важными и принципиальными. Постарайся не обижаться на это моё письмо, а понять его по существу. Буду рад любым обоснованным возражениям, как в главном, так и в деталях.

Искренне тебе желаю всего хорошего.

Игорь Ш.

Худяков – Шелковскому 22.05.82

Дорогой Шелковский!

Получил от тебя очередную реляцию сегодня (от 15 мая), до этого была от 10 мая. Хорошо, что карточки нашлись, а то завтра мне фотограф должен отдать повторную группу фотографий, и я бы тебе снова выслал фото. Так что – мерси за сообщения. Жалко, что плакаты помялись, надо было бы как-то получше отослать, но я ничего не придумал и понадеялся на почту. Вместе с плакатами послал 2 каталога – отдельным конвертом – с 2-мя пригласительными билетами и 2-мя press release, т. е. короткими сообщениями для информативных органов о выставке. Надеюсь, что ты их уже получил тоже. Очень поломались плакаты? Выслать ещё? Ты просишь слайд. Старик, не помню, какую именно работу мы смотрели, подобных у меня сейчас 9, целая серия, и я тебе 2 слайда 2-х из серии работ послал. Я и сфотографировал лишь эти 2 работы (из 9). Так что «смирись». На выставке – 38 работ. Саша [Косолапов] называет выставку мою: «персоналочка». А ты, старик, удивляешься, чего это тут ссорятся. Смотри! Какие страсти бушуют в грудях местных. (И раз, и два в разговорах со мной так назвал. Меня лишь, конечно, позабавило, и я не отреагировал.)

С некоторыми из твоих «соредакторов» пришлось прервать отношения, неожиданно для меня, хамство «выперло» из osoby. Я спросил мужа соредатора (на открытии моём), послал ли он тебе статью. Тот, смущённо, отрицательно закачал головой. Старик, я повторяю тебе: старик, ведь это надо быть ангелом, чтобы статью писать о ком-то постороннем, не о себе, и «прославлять» этого постороннего, не себя.

Если бы ты слышал, сколько гордости было в сообщении: «Звонил Шелковский. Говорит, что из-за меня журнал задерживается на 2 месяца!..» Я, конечно, не мог настаивать, чтобы он всё же обо мне статью тебе послал, это не этично. Ты заказчик, а не я. И как-то надо тебе помочь с текстом. И как мне неохота о себе писать (ибо рассказ ведётся средствами изобразительными сейчас, в моих работах, а не в словесном материале), придётся ухватиться за компромисс: т. е. помочь тебе с переводом из каталога. Соредатор неплохо, надо признать, написал. Но не дала в своё время для просмотра мне текста, перед тем как отправить Доджу. Заявила: «Зачем?! Это моя творческая работа!..» Так что в тексте есть неточности фактические. Правда, немного, но всё же. Я отредактирую эти неточности в английском варианте для тебя, а ты уже сам придумай, как оговорить это в журнале (т. е. упомянуть факт отклонения от первоначального текста в твоём журнале). Ну и сделаю перевод. Это выход для тебя. <...>

Гройс – Шелковскому 23.05.82

Дорогой Игорь!

1. Получил «Малевич и Хайдеггер». Сделал исправления и посылаю тебе. Жаль, что остаётся свободное место. Ведь у меня ещё есть общетеоретические статьи об искусстве. Может быть, допечатать сюда же? На всякий случай pošлю тебе один текст. Или не стоит? Смотри. Иллюстративный материал выбери, какой хочешь. Я тебе вполне доверяю.

2. Прочёл твоё письмо Паперному. Ты, конечно, прав, что соцреализм насаждался силой. Но ведь и авангард отчасти тоже – в первые годы Революции. Так что вопрос: почему он насаждался? Ответ Паперного: потому что вкусы, желания, потребности людей изменились. Ведь соцреализм не сам насаждался: его кто-то насаждал. Вот этот кто-то Паперного интересует, ведь и этот кто-то – человек!

Здесь есть параллель с фашизмом. Но ведь к 30-м годам фашистскими были не только Германия с Италией, но, фактически, вся Европа от Португалии и Испании до Румынии и Болгарии. А США? Там в эти годы расцвел реализм, и он государственно поддерживался Рузвельтом. Политика, власть – это тоже виды искусства. На них тоже вот действует мода. Так же консерватизм, тоталитаризм и т. д. в политике могут быть легко истолкованы как результат определённой ориентации в сфере собственно искусства. Тогда искусство будет диктовать политику, а не наоборот. Т. е. сталинизм окажется «отражением» соцреализма, а не соцреализм – продуктом сталинизма. Мысль Паперного, в сущности, именно эта. Я не могу сказать, что я с Паперным согласен. Совсем нет. Но его теорию нельзя опровергнуть ссылкой на факты и на доводы здравого смысла. И я ни в коем случае не стал бы давать к его публикации какие-то «комментарии от редакции». Мне кажется, что «А – Я» не должно следовать плохим примерам. Можно потом напечатать полемику или обсуждение. Но предисловие – нет.

3. То же относится и к очень хорошей статье Кабакова о Малевиче, где Илья довольно точно фиксирует границу между сознанием той и нынешней эпохи. Её надо, безусловно, напечатать целиком и без комментариев. Лучше всего в том же номере, где будет моя статья о Малевиче и современных художниках и булатовская статья о Малевиче. Сделал ли ты копию этой статьи (Кабакова)?

4. Получил письмо от Кабакова. Он посылает рисунки тебе для продажи – для журнала. А также фотографии и слайды – мне (разумеется, ты можешь воспользоваться).

<...> Вопрос о Дине Верни и об альбомах Кабакова. Он пишет, что мог бы попробовать и прислать альбом «Шесть маленьких альбомов», фотографии которого есть у Гарика [Басмаджяна]. Но он считает неразумным факсимильное издание. А предлагает сделать небольшое (22 × 28) издание всех 10 персонажей (всего 400–450 стр.). Слайды все уже находятся у Дины (481 шт.). Если так, то Илья мог бы выслать макет книги (может быть, с предисловием? Я бы написал). Он считает, что дело не в качестве иллюстраций, а в «содержании».

Пожалуйста, выясни у Дины этот вариант и напиши мне. Мне он кажется самым разумным. Ведь Кабаков очень литературен, и всё дело именно в этом. Важна книга и [неразборчиво], а не качество. <...>

Борис

Шелковский – Сидорову 25.05.82

Дорогой Алик!

<...> Про П [посылку] 19 я тебе уже писал. В основном я её получил. Характерная деталь на фотографиях, работах С.-Ам. [Семёнова-Амурского] с обратной стороны уже были надписи – переводы по-немецки, т. е. всё уже было готово войти в чей-то архив и распределено по полочкам. Это очень характерная история. Я ещё раз подчёркиваю: будь осторожен, надо очень чётко и настойчиво оговаривать доставку, извещать меня, кому и что послано, чтобы я мог контролировать отсюда. Люди здесь не очень охотно расстаются с тем, что к ним попало, стараются прикарманить, даже если им не нужно – так, на всякий случай. Ты в каком-то письме писал, что у меня должно быть 40 цветных слайдов Вейсберга. У меня их только 15. Видишь, какой у нас разный счёт. А у кого лежат остальные? В Америке, в Европе?

Ты писал, что послал через кого-то снимки Хр. Хр. С. [храма Христа Спасителя]. Через Нью-Йорк. Вполне возможно, что ими кто-то воспользуется или уже воспользовался. Всю последнюю неделю я думал над тем, как наилучшим образом это можно было бы преподнести. Сейчас у меня сложилась такая ситуация: это альбом горизонтального формата. В основном повторяющий оригинал, некоторые фото могут быть даны более крупно. Обязательно надо использовать подписи – они так хорошо характеризуют то время. Нужно сохранить характер документальности, что вот вы держите в руках тот самый, сделанный в одном экземпляре... Надо дать короткое предисловие с описанием вида альбома, его размеров, сохранности, особенностей. Ты пишешь, что не надо публиковать всё, что-то надо придержать – почему? Выпускать открытками, на мой взгляд, не имеет смысла – по отдельности фотографии менее выразительны, чем вместе. К тому же кто и для чего будет их покупать? Купят 10 штук из любопытства русские, и всё. Если будет сделан альбом, то потом можно попробовать предложить его какому-нибудь западному издательству, может, заинтересуются переиздать и сделать перевод. Но шансов здесь мало и к тому же для этого оригиналы, т. е. плёнка с негативами, должны быть безукоризненного технического качества. Для этого надо было бы переснять на широкую плёнку каждую страницу, предварительно их как-то пронумеровав. Но к тому времени, когда это всё раскатается, – не будет каналов. И опять всё сначала – пошлешь, не дойдут, пропадут и т. д. <...>

Один фотограф меня научил, как лучше хранить (и пересылать) негативы. Их можно разрезать по 4–6 кадров и заворачивать в бумагу. Это лучше, чем хранить в рулонах. Негативы в рулонах больше царапаются и пересыхают. Этот же способ и более удобен для пересылки, не надо только разрезать по одному кадру – это неудобно при печати.

Где взять, у кого выпросить денег на это издание – ещё не знаю. Даже просто увеличение фотографий будет стоить немалые деньги. Кстати, вот ещё сведения технического порядка. Сделать хороший цветной слайд стоит больше 100 франков, сделать цветной фильм (клише) с оригинала стоит 400 фр. Своё первое цветное клише с работы Олега Яковлева (в № 1) я делал с оригинала, качество это даёт лучшее, чем со слайда (так же делалась обложка для № 3).

Приступил к макету № 4. Две неожиданно появившиеся статьи – письма Чекрыгина и текст Паперного – заняли столько места, что не остаётся ни одной страницы для «Галереи». Письма Чекрыгина из себя ничего особенного не представляют, единственно, что в них замечательно, что они в точности повторяют те письма, которые пишутся из Москвы сейчас. Значит, за 60 лет ничего не изменилось.

Что мне нужно было бы для номера: фотографии Славы Л. [Лебедева] – чёрно-белые, фотографии дома Корбюзье на Кировской, но со стороны двора, не с улицы Кирова. Но я понимаю, что сделать и переслать это можно только по счастливой случайности, т. к. времени остаётся мало – максимум до конца июня. Вообще при случае попроси кого-нибудь (Алика Щ.

[Щенникова]?) поснимать архитектуру. И 20–30 и 40–50 гг. Дело это не сложное, а здесь такой архив фотографий был бы очень ценен для работы. Конечно, затратив много энергии, здесь можно что-то найти, переснять из разных журналов, но сколько времени на это надо? Я ведь практически работаю один и по 12–14 часов в сутки, т. е. на что-то другое у меня просто нет времени. Для меня громадное облегчение, если что-то у меня уже есть под руками.

Большое спасибо тебе за Фёд. Вас. Для меня всегда большая радость его работы. Теперь, имея что-то на руках, можно думать, что и как можно с этим сделать наилучшим образом. В смысле сюжетов образовался слишком большой крен в сторону «Типажей», хотелось бы ещё натюрмортов, пейзажей, живописи. Какие у него были яркие матиссовские работы в 50 гг. Боюсь, что к концу жизни он их все записал, замусолил, сделал серыми, жухлыми.

Согласен, что надо сделать статью о Боре (Орлове) в след. номере. Но чем её иллюстрировать? Лучшее из этой серии его последних работ было репродуцировано в № 1, про которые он написал, что не надо их печатать, он боится. Что он сделал нового?

Послал тебе фотокопии переписки со Штейнбергом. Получил ли?

Ты спрашиваешь, сколько надо распечатывать текстов? Хотя бы один дошёл. У меня стоит фотокопировальная машина в ателье. Старой концепции, но ещё работает. Единственно, что к ней надо покупать специальную бумагу, так что я стараюсь пользоваться ей экономно.

Ну, кажется, обо всём упомянул. В заключение один анекдот, приключившийся со мной года полтора назад, характеризующий нравы эмигрантской жизни. Позвонила мне некто Клавдия Корято и попросила меня помочь ей в покупке картин для её будущего ресторана. Мы с ней увиделись в её будущем заведении. Там был ремонт, одни стенки ломали, другие строили, место шикарное, рядом с Этуаль. Она и раньше держала ресторан и привлекала не столько кухней, сколько «русской атмосферой» (т. е. шум, грохот, песни, балалаечники), и обратилась ко мне, как к редактору журнала, быть её консультантом по части живописи. Оказалось, что об «А – Я» она знает понаслышке, я осторожно дал ей два вышедших тогда номера и попросил посмотреть и ознакомиться. Старуха долго ползала носом по страницам, слюнявя палец, листала их, потом вдруг решительно ткнула рукой в одну фотографию: «Вот эту картину! Вы можете мне продать эту картину? Мне нужна эта картина!» Я бросился смотреть, что же она такое выбрала – Авилов «На Мамонтова» (№ 2, стр. 51). Считается, что в Париже культурный уровень русской эмиграции выше, чем в Нью-Йорке. Так что представь себе...

Всем-всем приветы и поклоны. Обнимаю тебя. Игорь

Худяков – Шелковскому 31.05.82

Игорь, сегодня – 30 марта – отправил материалы тебе для книжки. И забыл проставить дату создания для заглавного стихотворения («Боре с Мариной») 1958–1963¹³. Эти цифры можно поместить над знаком «№» в начале стиха; в общем, где-то надо. Стихи без дат – неприлично.

Генрих Х.

¹³ Генрих Худяков. Боре с Мариной. Издание журнала «А – Я». Париж (не издано).

Виньковецкий – Шелковскому 31.05.82, Хьюстон

Дорогой Игорь! Спасибо за письмо и интересную книжку, выпущенную «А – Я». Замысел такой серии представляется мне очень интересным – можно создать группу публикаций, многие из которых останутся надолго как документы нашей эпохи. Было бы очень интересно, к примеру, опубликовать эссе Миши Кулакова (он писал о Звереве, о Михнове и много чего о себе). Он интересный, глубокий и наблюдательный мыслитель и писатель – думаю, ты знаешь многие из его текстов. Я думаю, что когда такая серия активно начнётся, многие художники захотят для неё писать.

Что касается твоего предложения издать в этой серии мою статью – я, в принципе, согласен, и думаю, что это можно было бы сделать очень хорошо. Давай подумаем вместе о следующих возможностях. (1) Что, если издать её билингвой, по-русски и по-английски? Страничка такая и страничка сякая? Или по-другому – в качестве двусторонней книжечки, которая с одной стороны была бы по-русски, а с другой – по-английски, сходясь в середине, где был бы сконцентрирован изобразительный материал. (2) Как насчёт иллюстраций? Возможны ли только чёрно-белые? В этом случае – сколько и какого размера? Я бы сделал подборку, в зависимости от возможностей. Может быть, можно хоть минимальное количество цветных? (3) Является ли маленький формат неотъемлемой характеристикой серии. Или можно делать немного покрупнее? <...>

Желаю всяческого успеха! Твой...

Сидоров – Шелковскому 31.05.82

Дорогой Игорь!

Прости, что вновь ограничиваюсь только запиской. Но опять не хватает времени на письмо – живу в постоянном стрессе. Получил 3 экземпляра № 3 и письмо от 17-5-82. Рад, что всё обошлось с п [посылкой] 19, текст Васильева восстановлю. <...>

Неужели я употребил снова «разгромная» в статье по художникам Одессы? Я имел в виду «критическую» статью, возможно с анализом причин, ведь у нас отсутствуют критические материалы. Ни о каком «разгроме» я никогда и не помышлял. Думаю, что во второй половине июня я буду в Москве (впрочем, Иван [Чуйков] – тоже), так что не беспокойся. <...>

Сейчас в Москве Ж. [Жак Мелконян] – после полугодового перерыва. Он мало меняется, но, по рассказам (да и по другим косвенным признакам), он пережил мощную финансовую катастрофу и все последние месяцы «заделывал пробоины». В Париже он не был с ноября месяца и, кажется, не собирается в ближайшее время.

Шелковский – Чуйкову 01.06.82

Дорогой Иван!

Получил твоё письмо и сразу же отвечаю на все твои вопросы. По-настоящему оформленное приглашение на тебя и Галию тебе привезёт отец Д. [Дельфин], который должен быть в Москве примерно 20 июня. Все твои и Галины данные у меня давно были. Постарайся быть в Москве в это время. Мне кажется, что есть достаточные шансы на успех этого дела. Франциско [Инфантэ], например, ездил за границу уже раза три, почему должны отказать тебе?

Твои слайды, к счастью, дошли до меня, хотя самого Дорона я так и не видел, он как-то уклонился от встречи и слайды передал через Купера. И работы и слайды очень хорошие, некоторые сейчас уже переводятся в клише. Все материалы Севы Некрасова я получил, и они лежат у меня. Единственно, что я могу сделать с ними – бережно хранить, что ещё? Возможно, когда будет время и деньги, я смогу издать маленькую книжечку с его стихами, того же формата, как Альбрехт и «Варианты отражений» (видел ли ты их?). Я написал коротенькое письмо Эрику Б. [Булатову], в котором упоминал про это и просил самого Севу отобрать то, что он считал бы нужным (объём книги – 32 стр.). До сих пор не знаю, дошла ли до Эрика эта записка.

Я уже писал в письмах к А. [Алику Сидорову] о положении всех русских издательств здесь. Издать можно всё, что угодно, если есть на это деньги. Что ж касается продажи – то рынок книг здесь предельно сужен, я имею в виду русские книги, продажа, как правило, не окупает издания. На издание книги нужно искать какие-то фонды, благотворителей, жертвователей. Многие книги, небольшие журнальчики, поэтические сборники выпускаются на деньги авторов, заработанные по их основной профессии. У поэтического сборника есть шансы быть проданным лишь в считанных (3–5) экземплярах. На издание стихов Айги его французские друзья собирали деньги по подписке, рассылая сотни писем писателям, актёрам, всяким деятелям. Мне надо бы этим же заняться для журнала, но это отдельная работа, на которую у меня просто нет времени.

Ж. [Жака Мелконяна] я не видел уже года полтора, я думаю, что ты прав в своих предположениях. Заполучить от него что-то из твоих работ мне кажется безнадежным делом.

Виделся здесь в Париже с Борисом Г. [Гройсом], и, конечно, говорили обо всём запойно. Рассказал он мне многое о Москве, так что я теперь немножечко в курсе ваших дел. Конечно, он будет активно сотрудничать в журнале, теперь-то нам проще обо всём договариваться. И с ним, и с Наташей я сразу же почувствовал себя как с людьми близкими по духу. Кажется, процесс встраивания в новую жизнь у них проходит нормально.

Что касается журнала, его московской части, то мне хотелось бы, чтобы всё было несколько иначе, чтобы отношение к нему было более активным, чтобы все чувствовали, что это их общее дело. До сих пор шло так, что в лучшем случае кто-то что-то присылал о себе, и иногда это доходило, иногда нет. Ведь какие интересные разговоры ведут художники между собой, какие обсуждаются вопросы, проблемы. Вот это и надо публиковать, а не просто благополучно похвальные статьи. Но, конечно, всё дело в людях, способных сделать это. Иногда кажется, что в России тьма-тьмущая людей талантливых, знающих, которые могут писать глубоко и интересно, а на поверку выходит, что раз-два и обчёлся, всё те же имена. Смысл продолжать это дело будет лишь тогда, когда все будут считать, что журнал необходим.

Дали мне для публикации в журнале письма Чекрыгина Ларионову. Всё те же вопросы и проблемы, как и в теперешних письмах, – уезжать – не уезжать. И то плохо, и другое плохо. А письма написали ровно 60 лет назад, значит, за это время ничего не изменилось. Какие здесь можно дать советы, как можно решить за кого-то? Конечно, легче здесь тем, кто готов был отказаться как бы от самого себя, решиться родиться заново, чем тем, кто вёз с собой

все картонные медальки, которыми был награждён в кругу друзей и почитателей там. Такой переезд – эксперимент жестокий, но о себе я не жалею, что его поставил.

Как-то в молодости я услышал фразу, которая запала мне в уши: «что не меняется – то стареет». В тамошней жизни на меня наводил ужас именно этот момент старения: идут годы, десятилетия, а ничего не меняется, всё абсолютно то же, что было. Было, есть и будет. И от тебя здесь ничего не зависит, ровным счётом ничего. Ты просто не участник этой жизни или участник призрачный, лишь в собственном самомнении. И вот, постепенно, даже то хорошее, что тебя окружает – красивые пейзажи, умные книги, хорошие друзья, – начинает терять свою привлекательность и от собственного бездействия и парализованности солнце кажется чёрным. Такие ощущения у меня тоже были. Всё-таки как-то подсознательно все последние годы там я жил надеждой на отъезд. Конечно, что ненормально – это состояние: или – или, люди уезжают в эмиграцию, как отправляются на тот свет, откуда нет возврата. Остаётся лишь писать редкие письма.

Обнимаю, всех вас целую.

Игорь

Никитина – Шелковскому 01.06.82

Дорогой Игорь!

Посылаю тебе слегка отредактированное мною письмо Кабакова о последних московских выставках. Мне кажется, что это письмо стоит напечатать без упоминания фамилии автора уже в четвёртом номере «А – Я», хотя бы даже без английского перевода. <...> Мне вообще кажется, что в «А – Я» следует помещать больше оперативных материалов: художественной хроники, отчётов о выставках, рецензий. Кстати, мы получили недавно письмо из Америки от наших американских друзей славистов, которые по нашей просьбе пытались организовать там подписку на «А – Я». Все, с кем они говорили, прежде всего, интересовались тем: ведётся ли в журнале освещение текущих дел в русском искусстве в СССР и за границей. К сожалению, приходится признать, что таких материалов практически нет, особенно это обидно сейчас, когда интерес на Западе к неофициальному советскому искусству значительно вырос, а правдивого и независимого его освещения нигде нет. Конечно, такой оперативности мешают сейчас большие интервалы между выходами отдельных номеров журналов. Здесь, может быть, лучше «хуже, да больше». Во всяком случае, подписке это пошло бы на пользу. Таковы, в частности, мнения некоторых западных библиотек, которые мне приходилось слышать.

Огромное спасибо за деньги! Мы их получили. Планы четвёртого и пятого номеров мне понравились. Открыток мы не получили.

Игорь, дорогой! Пишу теперь от себя, так как всё предыдущее, включая письмо Ильи, спешно писала под Борину диктовку. Прежде всего, прости, что так небрежно напечатала, но совсем нет времени переделать это аккуратнее. Мы с Борей совершенно зашиваемся: минимум по восемь часов в день учим немецкий – на той неделе экзамены, много работаем для себя, ищем квартиру и т. д. и т. д. Ещё раз спасибо за твою заботу, а также за марки, не только за те, которые были в конверте, но и за те, которые на конвертах – Коля в восторге. <...>

Пиши

Шелковский – Сидорову 01.06.82

Дорогой Алик!

Получил твоё письмо от 25-5-82 (без №). Получил также П. [посылку] 19 и П 38. Возможно, получил также 35, 36, 37. Дело в том, что на многих посылках не было № и описаний. Слайды получил с 1001 по 1059 включительно. Честно говоря, работы эстонцев, те, что присланы, мне кажутся довольно слабыми, любительскими почти, стоило ли тратить на них столько времени и усилий, показывал ли ты их Ивану Ч. [Чуйкову] или кому-либо в Москве? Ты затратил столько плёнки, обещал, наверное, художникам, что их работы будут напечатаны, а ведь это та же самая «Одесса». Возможно, что хорошие художники в Прибалтике интегрированы в систему Союза художников, а те, что считаются «неофициальными», просто мало профессиональны. <...>

№ 4 с трудом уместит всё, что в него намечено. Дополнительный текст к Славе Л. [Лебедеву] уменьшит площадь под иллюстрации. Тришкин кафтан. В тексте о Вейсберге сократил 1 стр., начал со 2-й, где ближе к делу. Кстати, я тебя спрашивал, но ты мне не ответил, надо ли печатать фамилию автора или нет?

Когда получишь последние письма, то ответь подробнее на все вопросы там. Я пишу о Хр. Хр. Сп. [храме Христа Спасителя]. Удастся ли тебе хорошо переснять (я по порядку, с первой до последней стр.)?

Для № 5 пришли интересные статьи Кабакова, Булатова и др. Со статьёй Гройса они станут основной частью номера. Видишься ли ты с этими художниками? Передавай всем приветы. Эрику я писал в этой записочке, о которой тебя спрашиваю, что все его слайды, которые у меня есть (кроме «Зимы», «Синева Севина» и «Живу – Вижу», да, ещё «Брежнев»), уже напечатаны или в «А – Я», или в швейцарском журнале. Все слайды и фотонегативы Славы Л. [Лебедева] я получил.

Будь осторожен в разговорах с Ж. [Жаком Мелконяном], если будешь с ним видеться. Чем меньше он будет знать о наших делах, тем лучше. <...>

Крепко тебя обнимаю. Игорь

Никитина – Шелковскому 03.06.82

Игорь, дорогой!

Спасибо тебе огромное. Мы уже приступили к поискам квартиры. Но не думаю, чтобы это было так просто и быстро. Если вдруг что-то и подвернется очень скоро, мы всегда можем на несколько дней занять у друзей, а потом подумать, как всё это технически осуществить. Конечно, посылать мне или Боре не стоит, нужно найти какой-нибудь другой путь. <...>

Ты обещал прислать журналы и открытки. Жду с нетерпением. Уверена, что мне удастся их продать. Я уже убедилась, что здесь охотнее дают мне деньги на реальные журналы и даже без них, нежели подписываются по почте.

Кстати, неужели ты так и не получил никаких денег из Кёльна и Вены? Непременно сообщи мне об этом, и, если они ничего не прислали, я постараюсь их дожать.

У нас есть великолепная новость: Боря получил в мюнхенском университете стипендию с января 1983 г. Но, к сожалению, стипендия крохотная – 1000 м. и пока только на год. Это значит, что помимо диссертации придётся всё время думать о деньгах. Если вдруг нам сказочно повезёт, и я тоже найду к этому времени работу, всё будет совсем замечательно.

Вчера были на выставке Дали. Всего 150 работ в различной технике, в том числе и скульптура. Подобраны принципиально «не-шедевры», но очень характерные работы. Основное впечатление: игра, никаких чисто художественных задач, бесконечный цинизм. Очень интересная в этом смысле выставка. Нашему Коле страшно понравились скульптуры с выдвижными ящичками, т. к. их можно выдвигать и задвигать, а также наиболее «сюрные» вещи. <...>

Текст о Малевиче совершенно замечательный, это очень здорово, что опять про Малевича, т. к. все европейские слависты «торчат» на Малевиче и этой проблематике. И, именно благодаря этому интересу, я надеюсь подписать на журнал знакомых славистов, т. к. живопись как таковая их особенно не интересует, а философия Малевича и его роль как теоретика – очень.

Наташа

Худяков – Шелковскому 03.06.82

Дорогой Шелковский!

<...> 29 мая под N. Y., в поместье одних богатых почитателей Д. Бурлюка, состоялся здесь 2-й день симпозиума тому посвящённого. В заключение был танцевальный бал, костюмированный. Где Косолаповы и Тупицыны оказались жертвами агрессии со стороны своих «недрузгов». Недругов хозяева (я был, но не наблюдал всех деталей) удалили. Но жертвы претерпели физически и морально (второе – больше, инициаторам – тоже досталось). Пусть С. К. [Саша Косолапов] об этом расскажет, а то я так никогда не окончу письмо. Вроде бы всё сказал. А 4 июня – отошлю. <...>

Генрих Х. (Желаю успехов!)

Гройс – Шелковскому 07.06.82

Дорогой Игорь!

С твоей оценкой книги Паперного я, в общем, согласен. Конечно, надо различать между тем, что делается по свободному желанию людей, и тем, что делается под диктатом. Проблема, однако, в том, что диктует тоже кто-то. И даже целая большая группа людей. Как полный партийный аппарат – в случае Сталина. Поэтому стоит вопрос: почему эти люди, эта правящая верхушка избирает то или другое решение. Мне кажется, эту проблему и ставит Паперный. И здесь уже ссылкой на насилие не обойдёшься. Другое дело, что «сезонное» объяснение, которое даёт Паперный, не очень убедительно. Однако следует помнить, что «культура» – не всегда дело критика. Напротив, большей частью в истории это культура правящей верхушки. Так что постановка вопроса Паперным вполне оправдана. <...>

Тупицыны – Шелковскому 07.06.82

Дорогой Игорь.

Если бы мы с Витей не питали к тебе вполне нежную (хотя и не всегда взаимную) симпатию, то нас, по всей видимости, заинтриговал бы «комендантский час» твоего письма.

Ты, стало быть, за однопартийную систему, да? Иные варианты – оппортунизм, потому как «общие цели» – дороже истины?! В чём с тобой «трудно не согласиться», так это в том, что вынесение сора из избы есть антитеза мафиозной ментальности...

Увы, «Чёрный квадрат» не был написан в 13-м году. Кроме того, утверждение, будто супрематизм дореволюционного периода апогей развития русского авангарда, – субъективно; не в меньшей мере это сопряжено и с апологетикой умеренного модернизма 50-х и 60-х годов. Когда ты говоришь, что «революционно настроенные художники» оказали «поддержку» властям (а не наоборот), в этом много поэзии, но мало логики, ибо альянсы не бывают односторонними (хрестоматийный пример – Фауст). И что тогда делать с обэриутами, в 1928 году предвосхитившими Дж. Кейджа и Флаккус, абсурдизм и языковые игры, характерные для мирового авангарда конца 20-х, начала 30-х годов? После 17-го, а также в 20-е годы количество группировок примерно в десять раз превосходило цифровые данные (характеризующие тот же феномен) периода 10-х годов (спасибо библиографическому гению А. Очеретянского). Какая же тут «инерция»? Да, Самиздат был! Но не визуальный (в рамках явления). В противном случае любые вещи, начиная от манускриптов и кончая альбомами, могут «подпасть» под эту категорию. И тогда Самиздат – это всё (включая фальшивые бриллианты). Визуальный Самиздат, скорее, характерен для западного некоммерческого искусства – по причине широкой доступности ксерокса, позволяющего мультиплицировать пластическую образность.

Теперь коротко о существенном:

После шести месяцев чудовищной, выходящей за рамки человекообразия, охоты на нас – перемирие с Риммой и Валерием равносильно скотоложеству.

Перевод письма, присланный Герловиными, содержит три ошибки (следствие, хотелось бы думать, не злой воли, но безграмотности), в немалой мере меняющие суть дела. Во-первых, цитата из Липпард переврана на 180 градусов. Во-вторых, в Ритином письме отсутствуют слова «официальность» и «пропаганда», на которые ты ополчаешься с пылкостью народовольца. Стихи Бродского, Коржавина, Винокурова, Ахматовой и её сирот – всегда были традиционны, независимо от того – печатались они в типографии, или ломкими пальчиками обожателей подпольного классицизма московских или ленинградских коммунальных гетто (честных и самоотверженных, но не обременённых ничем, кроме «святой простоты»). Если интересно, попроси Косолапова прислать подлинник или – прокомментировать. Нас от этой темы уже тошнит...

Никто не говорит, что в СССР ситуация благоприятствует искусству. Однако возможность осуществить несколько выставок в период с 74-го по 77-й год несомненно стимулировала энергию передового искусства.

Ты уже знаешь про побоище на балу в честь Бурлюка? И про то, как Нусберг бычьей хваткой удерживал Сашу [Косолапова], во время чего Римма била последнего по лицу каблуками. Быть может, у нас есть и будут разногласия, но неужели это повод для геноцида?

Статья о перформансах может (ежели это угодно редактору) печататься в «А – Я». Линда [Linda Burnham, редактор журнала High Performance] не возражает (плюс – ты можешь присокупить к каноническому варианту несколько новых аспектов, уже имеющих место – на двух языках). Эта статья, кстати, была тобой заказана для предыдущего номера, но ты ей тогда пренебрёг – волею обстоятельств (версия закулисного толка). То есть – очередная мистификация: авторство не наше...

Выставка во Франклин Фёрнис¹⁴ была вполне симпатичной, как (впрочем) и всё, что делали и делают Р. и В. Герловины. Проблема в том, что им зачем-то понадобилось создать миф, будто единственным полноценным авангардным феноменом в России являлся «визуальный самиздат» (причём политического профиля), нашедший в чете Герловиных своих полпредов. По сути, групповая выставка оказалась их персональной экспозицией, где остальные участники играли роль орнамента, т. е. фона. Коллеги функционировали в качестве ридмейда, искусственной среды, оркестровой ложи, суфлерской будки и т. п. В каталоге (перечне работ) были чёрным по белому обозначены даты, из чего следовало, что только 30 % вещей вывезены из Москвы. Однако во всех интервью и публичных заявлениях, включая письмо в «Виллидж Войс», организаторы, сами себе противореча, утверждали, будто подавляющее большинство выставочных работ было (с невероятными трудностями и чуть ли не риском) доставлено из России.

Люси Липпард [Lucy Lippard] – крупнейший в Америке специалист по политическому искусству, достаточно тонко разобралась в поделочном характере претензий устроителей, упрекнув последних в том, что количество их собственных работ (в экспозиции) выходит за рамки бытующих здесь приличий. В ответ – Герловины пишут совершенно хамское письмо в газету, «обвиняя» критика в материальном достатке, в наличии квартиры в Сохо, в субсидиях поощряющих искусство институций и т. д. Забывая при этом, что некоторые из подписавшихся также живут в Сохо (или – как Нусберг – в уважаемом Коннектикуте), ничуть не пренебрегая «буржуазными» удобствами «этой» стороны жизни.

В сравнении с этим, Ритино письмо было тихим, академическим аргументом, адресованным в сторону не скандала, но существования исторического и художественного парадокса. Ведь если кто-нибудь сейчас произвел бы на свет тот или иной нонсенс, касательно авангарда 10-х – 20-х годов, нашлась бы сотня специалистов, возразивших бы на сей предмет без тени «личных», так сказать, антипатий. Современное русское искусство, уже, слава Богу, не самовар и не балалайка: это (стараниями отдельных людей) начинает становиться серьёзной темой, и Рита, как профессионал и как (одна) из пионеров в этой области, потворствовать мистификациям (во имя чьей-либо карьеры) попросту не имеет права.

Увы, но твоё письмо чуть было не стало дополнительным эпизодом в травле, в отношении которой у нас, к счастью, уже образовался некоторый иммунитет.

С уважением Рита и Виктор.

Р. S. Журнал «А – Я» и Центр Современного Русского Искусства в Сохо имеют все шансы для тесного сотрудничества, поэтому стоит избегать соблазна впасть в грех нетерпимости.

Рита.

Р. P. S. Только что Нортон показал письмо Герловиных и Нусберга, где, помимо прочего, утверждается, что наш перформанс (с Косолаповым и т. д.) в Р. S. 1¹⁵ был оплачен советским посольством.

¹⁴ «Russian Samizdat Art» (Franklin Furnace Gallery, Нью-Йорк, с 24 февраля 1982 года).

¹⁵ Р. S. 1 (The P. S. 1 Contemporary Art Center, Центр современного искусства Р. S. 1) – крупнейшая и старейшая экспериментальная площадка в США, посвящённая современному искусству. Существует с 1971 года. Сейчас – часть МоМА, Нью-Йорк. Речь идёт о перформансе группы «Страсти по Казимиру» («Kazimir Passion Group», 1981–1986), созданной в Нью-Йорке по инициативе Игоря Шелковского и Маргариты Тупицыной. Постоянными участниками группы были А. Дрючин, А. Косолапов, В. Тупицын и В. Урбан.

Тупицына – Шелковскому 06.82

Дорогой Игорь.

Посылаю толику архивного нонсенса. Первое – это сообщение о преждевременной смерти творческого коллектива профессиональных (хронических) симуляционистов, обретавшихся в перформансном арт-мире Нью-Йорка в начале 80-х гг. и известных под названием «Страсти по Казимиру». <...>

Второе – письмо от 2-6-82, адресованное директору Центра Современного Русского Искусства в Америке, Нортону Доджу художниками Р. и В. Герловиными, Л. Нусбергом и др., где говорится о том, что: Нельзя допустить, чтобы такие люди, как Тупицын, которые занимаются не только идеологической фальсификацией, но и прочими аморальными делами, прикрывались своим интеллигентным видом»...

P. S. «Люблю нелюбовь», – сказал Тупицын, узнав про это письмо.

Маргарита Тупицына, искусствовед

Худяков – Шелковскому 07.06.82

Дорогой Шелковский! <...>

А вчера Тупицына, отдав, наконец, мне магнитофон (на котором у меня и на моей дорожной плёнке записывал моё интервью), на просьбу дать мне и мою плёнку, с интервью (он может, сказал я, переписать интервью себе). Последовало – последняя капля: «Нет, плёнку я тебе куплю, а запись – не получишь, это мой архив. Прочтёшь в журнале».

Я возмутился страшно, «пожаловался» Саше [Косолапову]. Тот позвонил В. Тупицыну, а В. Тупицын ответил, что, дескать, я его не понял. Остались в результате Тупицыны полностью в изоляции. Саша (я ещё раньше, а теперь окончательно) тоже с ними порвал. Герловины мне по телефону сказали вчера (перед моим приходом к Саше вечером), что к Косолапову ни у кого нет претензий, а в инцидент на балу, дескать, Косолапову не следовало было вмешиваться. Но Саша вынужден был, понимаю, ибо, по словам Герловинных: «подлый Тупицын спрятался за Люду...». А Люду [жену А. Косолапова] они от Тупицына стали отпихивать... Текст пришлось порядочно переработать. Я не помню, конечно, что я говорил на плёнку, поэтому не могу сказать, насколько Тупицын привнёс отсебятины. Но текст был сырой в Тупицыном варианте.

Желаю творческих успехов и личных достижений!

Г. Худяков

Гройс – Шелковскому 08.06.82

Дорогой Игорь!

Я получил всё, тобою присланное. Спасибо за журналы. Наташа попробует их пристроить.

Я вполне согласен с твоим мнением о письме Тупицыной. Оно, конечно, стремится бросить тень на сов. неофициальное искусство и на диссидентское движение. Я думаю, что многие «ньюйоркцы» так сейчас настроены. Они стремятся отмежеваться от своего прошлого и своих связей, чтобы приобрести «одиночество» и бескорыстную объективность, которые, как они думают, понравятся американцам. Письмо Тупицыной, однако, слишком уж нелепое и бестолковое. С Паперным же его, я думаю, не следует сравнивать. Это другое дело. Вообще, связь русского авангарда с большевизмом – это сложная тема. О ней сейчас много пишут. Я думаю, что, может быть, мне тоже стоит написать об этом.

Я не думаю, что к статье Кабакова о Малевиче следует давать какие-то иллюстрации из его собственных работ. Он здесь выступает как критик, а не как художник. Вообще же, можно печатать репродукции «больших работ» Кабакова. Альбомы же – конечно, особая форма. Но, мне кажется, можно всё же исхитриться и её доставить читателю. Я сообщил Илье, что слайды и рисунки, которые он послал, не дошли. Относительно плёнки <...>: речь идёт о слайдах, которые Илья послал в конце того – начале этого года и в основном о слайдах Пивоварова. Так что это совсем другое, нежели его собственные слайды, посланные ранее и отложенные тобой.

Из твоих писем я не очень понял, как всё же обстоят дела с 4-м номером. Т. е. все ли статьи в наличии и переведены? И есть ли, или предвидятся ли, деньги на издание? Напиши, чтобы я понял. <...>

Шелковский – Сидорову 08.06.82

Дорогой Алик!

Итак, пишу тебе последнее письмо по имеющейся возможности. Когда ещё представится случай переписываться более-менее регулярно – не знаю. Грустно, как будто снова надолго расстаёмся. Твои письма последнего периода я все получил. С 57 по 71 (кроме 70). Из П. [посылка] посл. была 38, многие были без обозначения номерами. Получил так же письмо И. [Ивана Чуйкова] и послал ему ответ. Из слайдов до меня дошли на сегодня с 1001 по 1059. Из моих писем ты должен ещё получить от 1–5, 17-5 и 25-5. Теперь я получил полностью П19. Мне дослали то, чего не хватало, т. е. тексты с пометкой «в архив». Они уже были вложены в чей-то архив. Как видишь, надо быть очень внимательным и настойчивым, чтобы посылаемое через третьих лиц достигло адресата. Со своей стороны я знаю, что посылаемое через кого-то в Москве обычно застревает у этих людей и не передаётся дальше. Так было с книгами и пластинками. Многие «верные» люди и с той и с другой стороны оказывались верными до первой уборной. Там посылаемые письма рвались на мелкие клочки и спускались в унитаз с тем, чтобы ничто не смущало душевный покой при прохождении таможни. Людей с убеждениями, готовых взять хоть какой-то минимальный риск, очень мало.

Ну а теперь о делах. № 4 уже весь заполнен, жду некоторых англ. и фр. переводов. Не осталось в этом номере места для «Галереи». Не хочется лепить одно на другое, и так все номера слишком перенасыщены. Теперь пора прикидывать содержимое № 5.

Вчера получил письмо из Германии. Возможно, пришлют материал о Сидуре, т. е. тебе не надо будет тратить на это время. Это может быть одним из интересных материалов номера. Кроме того, из того, что у меня уже есть и что может войти в № 5: статьи Кабакова, Булатова, Васильева и Гройса о Малевиче. Статья о ленинградцах 50–60 гг., статья о скульпторе Нежданове, возможно, статья о Комаре-Меламиде. Ещё, возможно, статьи о Косолапове (новые работы) и Орлове. Конечно, если тебе удастся что-то переслать ещё, то это может поменять картину. Вообще же, надо запасать и запастись материалы, чтобы каждый номер был более или менее спланированным, а не импровизированным.

Общие мои пожелания таковы: мне хотелось бы, что этот журнал был не нашим с тобой журналом, а журналом, который считали бы своим многие люди. Здесь я, по мере моих сил, пытаюсь создать редакцию из заинтересованных людей. Чтобы о журнале не говорили, что его делают «они там», а чтобы каждый считал его отчасти своим и вносил свою лепту. Чтобы были интересы надличностные, чтобы журнал ощущался как частица русской культуры, в сохранении которой теперь пришла очередь принять участие и нашему поколению. Когда будет это сознание общей благородной цели, тогда будет меньше амбиций, обид (почему меня не напечатали). Лишь такой общий журнал имеет шансы на выживание, несмотря на трудные условия. Все «личные» журналы прекращают свою жизнь очень скоро: перестала (или почти перестала) выходить «Третья волна» (или как её здесь называют, «Третья струя») Глезера, «Ковчег» Бокова, «Выбор» Панина¹⁶. Да и кому интересен журнал, состоящий на 90 % из статей одного автора под пятью псевдонимами?

Вот почему мне хотелось бы постоянно расширять круг авторов (не порывая с прежними), круг тем и сюжетов. Ведь мы единственный журнал, который может не только рассказать, но и показать, репродуцировать то, о чём говорится. Конечно, всё упирается в людей, где взять нужное количество людей. В России все думают, что условия виноваты, не дают развернуться, приезжают сюда и оказывается, что сами хороши: ни идей, ни целей, кроме само-

¹⁶ «Выбор» – журнал Ассоциации «Друзья Дмитрия Панина», издававшийся в Париже.

утвердительства. Сначала приезжают: «Ух, какой я важный!» А потом брык с копыт и уходят в личную благополучную жизнь, не видно и не слышно. Впрочем, я уже ворчал на эту тему.

Художники, наконец, услышали призыв присылать работы. Я получил несколько графических работ Гороховского (поблагодари его от моего имени), каждая в нескольких экземплярах, так что при случае можно и продать и останется для возможных выставок. Кабаков послал свои работы Гройсу. Было бы очень хорошо, если б это дело продолжилось и расширилось. Я по-прежнему призываю тебя к принципиальной децентрализации пересылки. Каждый при желании найдет свой канал, ты экономя своё время и силы.

И опять всё те же советы: когда будешь что-то посылать, старайся не посылать сразу много и, главное, контролируй доходимость. Выставочная и издательская деятельность здесь лимитируется моими возможностями. Бескорыстных и неоплачиваемых помощников у меня почти нет, и денег, чтобы платить кому за работу, тоже нет, я сам работаю бесплатно. Каждая выставка, каждое издание требуют невероятного количества времени, а у меня его нет, я и так загружен до предела. Чтобы достать деньги, для журнала тоже нужны время и силы. В Нью-Йорке Саша [Косолапов] занимается этим, но пока без особого успеха. Если б случилось чудо и удалось бы создать какую-то финансовую базу для журнала, то можно было бы участить выпуск номеров и вместо 12 месяцев выпускать через 8 или 6. По имеющимся сейчас запасам материалов это получилось бы.

Есть ли у тебя сведения о доходимости открыток по советской почте? Я иногда их посылал или так, или в конвертах, но пока не знаю, дошла ли хоть одна. Мне хотелось бы продолжить выпуск таких открыток, что ты думаешь по этому поводу?

В бесконечном долгу насчёт писем перед Аликом Щ. [Щенниковым], Борей [Орловым] и многими другими. Но что поделать, я и так полнедели провожу в писании во все страны.

<...> Давай мечтать о будущих номерах «А – Я» и работать для них. Большой-большой привет Лиде, Ане. Обнимаю вас всех и целую. Игорь

Гройс – Шелковскому 13.06.82

Дорогой Игорь.

Большое спасибо за журналы «Синтаксис». Вообще, посылай, что интересного в Париже, а то от других не дождёшься.

Получил приглашение на выставку в Villedieu. Что это такое?

Все данные о работах Шварцмана можно получить у Костаки. Напиши ему, пожалуйста, сам поблагодари и попроси прислать. Я с ним уже говорил по этому поводу, когда брал слайды, но он, наверно, забыл. Ещё лучше – позвони. Почта в Греции работает плохо. Если Георгия Дионисовича нет, то лучше всего поговорить с его дочерью Лилей.

Рубина [Арутюнян] получила посылку с работами из Москвы. Предлагает часть работ для «А – Я». Там есть красивые вещи Никиты Алексеева: животные с их описаниями из энциклопедии. И очень симпатичные псевдогеографические карты Мухоморов – яркие абсурдные рисунки. А также описания некоторых акций Мухоморов (менее интересные). Концептуальные работы Альберта (так себе) и Захарова – Скерсиса (мне не нравятся).

Если тебе нужен материал, напиши какой, и Рубина тебе пошлёт. Я думаю, что-то логично будет дать без особых комментариев.

Борис

Да, получил письмо от Кабакова. Он просит передать тебе большую благодарность за публикацию и пишет, что по-новому понял свои работы как образующие единый текст на странице – что есть твоя заслуга, т. е. что ты их так удачно расположил и разумно – содержательно организовал. В частности, он теперь размышляет о переходе текста с картины (изображения) на белый лист и обратно, под влиянием этой публикации.

Худяков – Шелковскому 16.06.82

Дорогой Шелковский!

Не успеешь подумать, что пора мне тебе писать, как тут же от тебя конверт. <...> Перевод английский я даже не стал дальше 10-й страницы читать. Скучно, ведь готовится новый. Неделю назад отослал Мишель Берди переработанный текст интервью и, в качестве краткой биографии, меньше печатной страницы текста также (хотя я использую 1-ю половину текста обо мне Тупицыной в «Нов. Рус. Волне» – каталоге¹⁷). Нет нужды упоминать, что текст – Тупицыной, ибо сведения самые общие, да к тому же отредактирован мной (я перевёл на русский, отредактировал, а теперь ещё снова другая переводчица на англ. переведёт, так что ничего от Тупицыной не осталось. И никто не знает об этом, кроме тебя и меня). Тупицынский текст интервью оказался сырой, мало похожий на мой стиль, факты и концепции, и в его обработке я не очень на себя похож. <...> 29 мая в день бала (костюмированного – футуристического) под Нью-Йорком, 2 дня была конференция в честь Давида Бурлюка, в поместье одной богатой поклонницы Д. Б. [Бурлюка], позвонила Рита, с предложением подвезти туда (я с костюмом, бал костюмированный, футуристический), я думал сам добираться. Ну, отказываться неудобно, присоединился. А после, уже по окончании, где Тупицыну «начистили морду», я подошёл к Рите и говорю: «Ну, что, поехали домой». Тут-то петля опять – забыл я про петлю – натянулась, посыпались ругательства: «Надо было раньше думать! Машина уже полная!..» Как потом Саша К. [Косолапов] объяснил, их Боулт попросил подобрать пьяного Кузьминского с бабой (пьяной) и собакой. Так, чтобы угодить Боулту, они расправились со мной, взяв К. [Кузьминского], который трезвый их терпеть не может...

Что добавить. Мне так и не дали ни одного пригласительного билета послать. Художники все с претензиями ко мне (на открытии, попав по слухам), я же отбивался, как мог, оправдываясь. Я: «Обращайся к куратору» (объясняя ситуацию). Тут Ритка подвернулась, он её спрашивает, почему не прислали билетов. Та (не растерявшись, отбрила): «Вас много, я одна».

30 июня Додж и Нахамкин устраивают закрытый вечер – для сбора денег, вокруг моей выставки. Где я с проектором должен буду лекцию о своих работах вести. Переговоры ведутся – об этом событии – через Джанет, я ей сказал, что у меня куратора нет! Саше К. [Косолапову] Туп. [Тупицын] – в ответ на звонок Саши к Тупу о плёнке, сказал: «Худяков не понял...» В дальнейшем он Саше: «Да мы уже Машку (дочь) записали на плёнку...» и т. д. Т. е. понимай, как хочешь, такое хамство и враньё.

¹⁷ Каталог выставки «Russian New Wave» (4 декабря 1981 – 28 февраля 1982 года).

Косолапов, Урбан – Шелковскому 06.82

Дорогой Игорь!

Мы, Володя, Витя и я, посылаем материалы нашего Олимпийского комитета в изгнании (несколько слайдов и фотографии).

13 мая сделаны эти слайды во время заседания комитета. Перформанс приурочен ко дню открытия Олимпиады 28 июля в авангардном Клубе в Ист. Виллидже.

Получил твоё письмо, «Трибуну» и печатные оттиски моих опусов. Спасибо большое. Готовлю тебе отправление, подробности в письме.

Саша

Игорь! Спасибо за письмо и за «Трибуну»! К тому, что сказал Саша, хочу добавить, что мы решили основать «Мавзолей Ленина в Изгнании» (в подземелье). Будем пускать туда нью-йоркскую публику, туристов и делегации «братских партий». Это планируется в подвале у Володи Урбана.

Обнимаю, Витя. <...> Долго не виделись

Володя У.

Сидоров – Шелковскому 06.82

Попытаюсь ответить полно на все твои последние письма.

Записочку Булатову получил давно. Правда, с опозданием. Но, к сожалению, Эрика не было в Москве. А после его приезда я был у него трижды, но не заставал. Передам днями обязательно. Сложность в том, что весь его архив я держу вне дома. И каждый раз, прежде чем идти к нему, мне нужно ехать к чёрту на кулички.

Жду от тебя окончательного ответа по поводу Хармса. Вариант с «Синтаксисом» устраивает, и как только будет дан окончательный ответ, я дам распоряжение переслать все материалы либо на твой адрес, либо на адрес Мар. Вас. [Марии Васильевны Розановой] – это как ты распорядишься.

До Москвы дошёл слух, что Голомшток напишет текст о Фёд. Вас. [Семёнове-Амурском], – подтверди правильность (или неправильность) этого слуха.

Те негативы, которые у тебя есть по Хр. Хр. Сп. [храму Христа Спасителя], рассматривай как промежуточные, сделанные только для того, чтобы ознакомить тебя с материалом. Всё, что ты решишь печатать, – пришли мне в виде отпечатков (можно крохотных, сделанных контактным способом), но с указанием на оборотной стороне размеров, и я здесь сделаю «фильмы» в размер, непосредственно с оригиналов.

Напиши, что ты решил окончательно с рукописью Альб. [Альбрехта]. Успел ли ты её прочитать и что ты думаешь о её качестве? Сделал ли ты уже предложение «Синтаксису» и, если да, то что услышал в ответ? <...>

Меня всегда веселит твоё недовольство качеством тех работ, которые я тебе присылаю. Это похоже на претензии к гонцу, который принёс плохие вести. Пойми, я не могу симулировать того, чего здесь нет, а присылаю я тебе лучшее, что есть. Эстония, несмотря на бытующий миф о её близости к Западу, – такая же провинция и захолустье, как и весь Союз. Художники, которых я тебе присылал в 38 и 39, стабильно (и, несомненно, справедливо) входят в лучшую десятку эстонских художников (у них по части иерархии всё очень чётко), вот их имена: Тынис Винт, Рауль Меэль, Леонхард Лапин, Сирье Рунге (раньше она была известна по фамилии первого мужа, как Сирье Лапин), Малле Лейс, Маре Винт, Тоомас Винт, Юри Окас, Юри Аррак, Сим Аннус, Курисмаа и ещё три-четыре человека. Самый интересный – Юри Окас – последние два года ничего не делает. Кроме того, по семейным мотивам, он пока не может публиковаться; остальные все постепенно у тебя будут. Лично мне работы Сирье нравятся, но судить об их новизне и оригинальности я не берусь. Аррак – лучший профессиональный представитель того сюрра, который захлестнул советское искусство в последние годы. Кстати, я несколько не тратился на эти слайды, т. к. они их прислали сами (так же как и Антанавичюс). И ещё, в Вильнюсе, кажется, вообще нет художников кроме этого Антанавичюса и ещё одного.

Я до сих пор не могу точно узнать, как следует подписать статью о Вейсберге, но когда я её получал, то этот вопрос не поднимался и предполагалось, что статья будет подписана настоящим именем. Это только что подтвердил и наш посредник. Единственное, чего бы она не хотела, чтобы была короткая биографическая справка, поэтому я тебе её и не прислал. Итак, подпиши: Елена Мурина. <...>

Я остался должен прислать тебе фотографию дома Корбюзье и фото Славы Лебедева. К несчастью, я недавно продал свой аппарат (нужны были деньги на покупку [работы] Эрика – теперь проблема, как переправить?) и сейчас не могу снять сам, а фотограф мой в отпуске, придет лишь в конце июня. Можно было бы попросить Игоря Макаревича, но он очень занят заказной работой и отрывать его неудобно! Потерпи до конца июня!

Посылаю тебе последний вариант статьи Дышленко, я ещё им недоволен, но это уже что-то, а по сравнению с первоначальными вариантами (где кроме слов «порождающая грам-

матика» и «семантические парадигмы» других слов не было). Этот – благоухающая поэзия. Напиши своё мнение.

Наконец-то я переломил сопротивление Елизаветы Измайловны и получил доступ к записям Фёд. Вас. [Семёнова-Амурского]. Из огромного количества афоризмов (почти 10 000) можно выбрать очень интересных и не банальных *на целую книгу*. Честно говоря, я даже удивлён! Наряду с банальнейшими штампами и маразматическими толкованиями общих мест, как, например: «иметь терпение – это великое качество в успехах», или «влюблённые боятся разлук», или «комсомольцы – это *зачинатели*, это энтузиасты зачинаний высокого среди высот и лучшего среди движения, среди лучших движений, это передовые среди передовых», и есть гениальные: «художник находит даже там, где он и не ищет», или «в себе вынашивать всю жизнь, а сделать за полчаса», или «надо рисовать и писать *храбро*» (не могу установить, в каком году он это написал – очень интересно!), или «от долгого молчания и голос пропадает», или «без идеи глаза не видят», «в жизни будь большим слонем, а держись букашкой», «отвергай в себе заученное!! Заученное наизусть – отвергай!!!». Конечно, работа эта огромная – обработать 10 тысяч афоризмов, высказываний (и это только то, что принадлежит ему, а ведь всё это рассеяно в море выписанных цитат из книг, из услышанного в разговоре! Одним словом – раньше июля не закончу).

Какого объёма предисловие ты предлагаешь сделать к альбому Хр. Хр. Сп.? И какого объёма мог бы быть сам альбом? Мне это необходимо знать для дальнейшей работы. Вообще, держи меня всё время в курсе: согласованность в работе сэкономит нам много времени, денег и сил.

В Москве отвратительная погода: вчера выпал снег (ты, наверное, тоже такого не помнишь, чтобы снег валил в июне?!). Быт отнимает больше времени, чем я вправе ему уделять. Зарабатывание денег тоже превращается в проблему – ничего нет, работать нечем, да и вообще ощущается какое-то напряжение застойного ожидания, неопределённости, все чего-то боятся, никто ничего хорошего не ждёт. Люди давно перестали улыбаться. В магазинах – пустыня. Слова «Париж», «Нью-Йорк» звучат как «Туманность Андромеды» или «Созвездие Гончих Псов». Мы все тебя целуем. А. <...>

Сидоров – Шелковскому 06.82

Игорь, милый! Это будет очень короткое письмо – у меня всего лишь минуты. Пока держусь, но не знаю, надолго ли хватит. За последние две недели – 3 обыска подряд и очень тяжёлые: Унесли всё. Документов, архива, журнальных материалов это не коснулось, т. к. всё держу на стороне и в тайниках. Но «дармоеды» совершенно осатанели и унесли все личные вещи: изданные в [неразборчиво] книги, весь инструмент (включая столы и шкафы) – работать теперь нечем, точнее, нечем забить гвоздя; личные вещи, старые письма. Всего не перечислить. Похоже, что жить здесь больше невозможно: слежки, обыски, угрозы, допросы, подслушивания и всё остальное. Власть пошла в разнос...

Несколько просьб (прости!):

1. Письмо моего друга на VI Ассамблею в Ванкувере – без промедления отправь туда и копию Анатолию Эммануиловичу [Краснову-Левитину]. Хорошо бы напечатать в «Трибуне»¹⁸ и «Русской мысли».

2. Я дошёл до кондиции: нужен вызов. Годится любой (кроме Израиля) прямо на ОВИР.

3. № 5 получил – отлично!!! Ещё не успел всё просмотреть, т. ч. комментарии потом.

4. Пришли список всех поступлений, начиная с №№ 1200 и далее.

5. Какие срочные требования по № 6?

Прости за краткость! Не знаю, получишь ли следующее письмо?

Целую, Алик.

P. S. №№ «А – Я» не надо присылать (на имя Тода [Блудо]) непосредственно от редакции «А – Я». Выбери какую-нибудь нейтральную фамилию и обратный адрес.

¹⁸ «Трибуна» – журнал-газета, выходившая в Париже и в Америке (1983–1984. Вышло шесть номеров). Редакционный совет: П. Егидес, П. Литвинов, С. Максудов, Михайло Михайлов, А. Синявский, Б. Шрагин, Е. Эткинд. Макет – И. Шелковский.

Сидоров – Шелковскому 06.82

Дорогой И.

Прости за долгое молчание – оно связано исключительно с внешними обстоятельствами. Очень трудно сосредоточиться и погасить все мои задолженности. Попытаюсь сделать это в ближайшее время. Прежде всего хочу успокоить тебя по поводу текста к Хр. Хр. Сп. [храму Христа Спасителя]. Работа эта только что закончена и находится в стадии перепечатки и правок. В процессе работы она превратилась из краткого общедоступного очерка в серьёзный исследовательский труд, сопряжённый с изнурительной работой по проверке и перепроверке многих фактов и источников. Пока подготавливались предварительные материалы, многие ходячие и «общеизвестные» мифы и легенды, связанные с этим памятником, либо не подтвердились, либо вошли в прямое противоречие с исторической достоверностью. Автор не мог себе позволить не критично отнестись к исходным материалам, которые ему были доступны, или сослаться на общеизвестные источники и составить ещё один цитатник, рассчитанный на среднего потребителя. Отсюда – всего один выход: основательная переработка всех доступных материалов и углубленный экскурс в историю постройки Хр. Хр. Сп. Поскольку прежде чем сокрушаться о разрушении, необходимо знать, что было разрушено. Вот почему произошла задержка.

Очень важно, чтобы был опубликован весь текст, поскольку все возможные сокращения (больше половины) уже сделаны. К сожалению, текст требует дополнительных иллюстраций, но даже здесь их очень трудно сделать (ввиду тотальной закрытости всех «публичных» библиотек). Я даже не уверен, что могу что-нибудь сделать, хотя работаю над этим целый месяц. Как бы там ни было, ты должен будешь получить текст не позже пятого октября (если с каналом всё будет ОК). Напиши, имело бы смысл искать возможность отправить оригинал альбома тебе или оставить эти попытки.

В одном из своих писем ты просил меня сообщить тебе о судьбе Козловского. Все сведения, которыми я располагаю, основаны не на слухах или догадках, а на моих личных впечатлениях и наблюдениях. Положение его очень тяжёлое, поскольку дело не прекращено. А только приостановлено. Что означает, что оно может быть в любой момент возобновлено. Под тяжестью этой угрозы ему и приходится жить. Я не буду здесь останавливаться подробно на причинах и технологии его «раскаяния», поскольку здесь очень много тонких психологических моментов, и исследовать эту зыбкую почву эпистолярным способом – дело заведомо нечестное. Сам же он относится к совершённому – сложным образом. Но мне кажется, что он многого не понимает. И всё же хочется напомнить, что в результате его «покаянного письма» никто не пострадал (Аксёнов и Солженицын не в счёт, так как я имею в виду «физический» ущерб, а не моральный, к тому же сам Женя искренне желает, чтобы они его поняли и простили). Хотя в течение 7 месяцев от него требовали только такого текста (а борьба за текст письма началась с первого дня, что говорит о цели самой акции как пропагандистской и что её жертва (вернее её «субъект») была выбрана не случайно), в котором дискриминационным образом упоминались бы 8 живущих здесь литераторов. Однако у него достало мужества эти притязания отклонить.

Но отсутствие опыта и некоторые психологические особенности его личности, а самое главное, установка – «выжить, чтобы писать», – привели его к компромиссу. Впрочем, сам он к этому относится без особого трагического накала и полученную свободу ценит превыше всего, чтобы работать и работать. Плохое материальное положение, к сожалению, отнимает от литературной работы много сил и времени, к тому же литературная подёнщина в каком-то смысле и унижает его (хотя именно в нём эти комплексы развиты очень слабо).

Но самое тяжёлое последствие его «дела» – потеря многих друзей. Эту боль он переживает в себе, так как особо поделиться не с кем. Человек он, безусловно, талантливый, но, к

сожалению, большинство публикаций (особенно в «Каталоге» и в «Континенте») не дают о нём полного и верного представления. «Проверяющий» и «Маленький [белый] голубь мира» – вещи ученические и сырые. «Красная площадь» – очень далека от авторского текста и, вообще, от окончательного варианта. Поскольку Максимов опубликовал сырые («сопливые», как сказал Женья) черновики первого рабочего варианта (их потом было ещё три).

Его романа «Мы встретились в Раю», изданного Глезером, никто здесь не видел, включая самого автора. Но если он напечатан по авторскому оригиналу и без самовольных сокращений или, не дай бог, изменений (к которым автор относится в высшей степени болезненно), то это единственная (правда, я забыл упомянуть «Диссидента и чиновницу») вещь, по которой можно судить о его таланте. Сейчас, как мне кажется, он полон сил и в ближайшие его замыслы входят: а. дописать к трем, уже напечатанным (к сожалению, в черновом варианте) повестям из серии «Москвабургские повести», ещё три: «Водовозовъ и сынъ», «Голос Америки» – фантастическая повесть о том, как большевикам удалось путём фазоинвенции заглушить передачи «Голос Америки» и, организовав собственную студию и подобрав голоса дикторов под уже узнаваемых всеми американцев, выйти в эфир с фальсифицированной программой и что из этого вышло.

И повесть «Шанель» (уже в самом названии намёк на гоголевские повести, впрочем, как и название всего цикла). Эта повесть основана на действительной истории, которая произошла с одной нашей общей знакомой. Сам анекдот весьма примечателен: нашу знакомую пригласила к себе в гости Галя Брежнева, с которой они соседствовали и дружили в детстве и которую она не видела больше 30-ти лет. Готовясь к встрече, она позвонила одной известной спекулянтке с просьбой достать ей хорошее платье. Через некоторое время та предложила ей чудесное платье фирмы «Шанель» (или какой-то другой – не помню). Естественно, за бешеные деньги. Но платье так понравилось, что она решила его купить и вечером позвонила этой спекулянтке поблагодарить её. И тут, совершенно неожиданно, услышала: «Ещё бы, дорогая, это платье от самой Гали Брежневой». Что было дальше – когда повесть будет закончена.

Кроме «Москвабургских повестей» пишутся 2 романа: «Фауст и Мефистофель»¹⁹ и «Эти русские» – фантастический роман о том, как советскую Россию после короткой, но решительной битвы захватили американцы. И началось «великое построение капитализма». Со всеми вытекающими отсюда прелестями.

Роман многоплановый, сложный, и потому пересказу не поддаётся. Если к этому добавить несколько написанных и пишущихся пьес, то станет очевидно, что работает он интенсивно.

Все участники «Каталога» возмущены рецензией в «Континенте»: по их мнению, она глупая и односторонняя, сфокусирована исключительно на политических аспектах (то есть всё как у нас, только наоборот).

Беспокоит судьба литературного наследия ещё одного участника «Каталога», теперь уже покойного Евгения Харитонов. Писатель редкого таланта и тончайшего вкуса (к сожалению, очень неудачно напечатанный в этом альманахе). После него остался им самим составленный и выверенный сборник (составление которого он закончил за два дня до смерти), подытоживший всю его жизнь²⁰. Этот сборник существует в трёх экземплярах. Один из которых сразу после смерти Жени был отправлен Аксёнову, который хранит почему-то ледяное молчание; второй – у его матери, женщины совершенно противоположных взглядов и вкусов, и есть основание полагать, что этот экземпляр уже уничтожен. Третий хранится у меня, и моё постоянное желание – прислать его тебе.

¹⁹ О романе «Фауст и Мефистофель» Козловский только размышлял, но не писал.

²⁰ Речь идёт о сборнике «Под домашним арестом».

Но уже давно нет возможности. А рисковать единственным авторским экземпляром было бы преступно. Надо бы сделать хорошую фотокопию, но на всё это у меня не хватает сил, так как в моём архиве сейчас несколько десятков таких книг-рукописей. Что со всем этим будет, когда я уеду (или меня посадят), – я не знаю, тем более что постоянно возрастает трудность с хранением.

Получил «Записки нудного человека» [Владимира Альбрехта]. Не совсем понимаю, каким образом они оказались у тебя. Мне кажется, что я их умышленно попридержал, так как автор не совсем был уверен в целесообразности их публикации и, во-вторых, чтобы «Кислый ломтик» был опубликован раньше (я хорошо помню, как посылал тебе эту рукопись – правленную самим автором и не содержащую грубых ошибок). Впрочем, это было так давно, что я мог всё забыть и перепутать, а записей на эту тему я не вёл. Да и спросить теперь не у кого. У Володи только что закончилась повторная психиатрическая экспертиза (первая не устроила городскую прокуратуру – каково!?), но и она почему-то пришлась не по вкусу, и он оставлен в больнице на третий срок. Весь мир о нём как-то забыл: где же все его бывшие друзья – Чалидзе, Твердохлебов, Турчин, Владимов?

Пытаюсь организовать действующий комитет в его защиту, но, в связи с «особым положением», это не так легко, так как такие комитеты подвергаются разгрому немедленно. Нужно придумать какой-то новый механизм, более сопротивляемый и более эффективный. Кстати, в связи с возможным комитетом, если бы такой удалось создать, могли бы рассчитывать на публикацию наших документов в «Трибуне»? Объясню, в чём трудность, – возможно, но это пока не точно, способ функционирования – без раскрытия своих членов (иначе мы не просуществоем и двух дней). И все документы будут подписаны от имени комитета. Зато каждый формальный член будет обладать правом вето на публикацию. Организационных трудностей при такой структуре много больше, но появляется шанс остаться эффективной силой в течение продолжительного времени.

Прости, что не касаюсь в этом письме журнальных дел – это тема следующего письма. От всех огромный шлю привет, целую А.

P. S. Слышал ли ты что-нибудь о Ж. [Жаке Мелконяне]? В своё время он предлагал мне сделать хороший вызов в Швейцарию, как бы вступить с ним в контакт?

Худяков – Шелковскому 06.82

Г. Шелковский!

За опубликование материала за подписью лица – интервью, к материалу отношения не имеющего, будете отвечать по суду.

Худяков

Аймермахер – Шелковскому 06.07.82

Дорогой Игорь Шелковский,

большое Вам спасибо за Ваше последнее письмо и книги Вашего журнала. 3 номера я перешлю Сидуру с просьбой подготовить ему ответ для публикации о его искусстве. Поскольку я буду в августе в Москве, мы совместно с ним сократим белградское интервью или даже выдумаем новый [текст]. Надеюсь, что Вы и текст и фотографии получите где-то в начале сентября. Если Вам всё будет нужно раньше, напишите!

Первых 2-х номеров Вашего журнала, к сожалению, у меня нет (только в библиотеке нашего Института). Что касается пересылки Вашего журнала, то пошлите пока по 3 экземпляра.

В приложении получите экземпляр с переводом моего интервью с Сидуром. Кроме этого номера газеты, вышли ещё 2 номера, которые тоже (что касается публикации фотографий) полностью были посвящены Сидуру. Ещё раз большое Вам спасибо!

Всего Вам доброго.

Ваш Карл Аймермахер

Косолапов – Шелковскому 08.07.82

Жизнь берёт своё, дела не терпят. Вчера был в советском магазине, отобрал несколько картинок для иллюстрации к статье Кабакова.

Сообщил Доджу о прибытии его собственности. На днях вышлю тебе деньги 3000, но боюсь, что придётся удержать долларов 100, т. к. прибыл неоплаченный счёт за перевод, а денег в казне нет. (Эти деньги беру займы, верну с продажи.)

Получаю наслаждение от книги Паперного (Люда делает копию). Вышлю копию с письмом к нему. <...>

Редактор «Новой газеты», где Глезер дал свою статью, Алик Бачан [Батчан], хочет будто бы (со слов Комара) расширить полемику, дать выдержки из Бехтеревой. Уверен, что твоя статья для него – реальный материал. Я его знаю немного. Молодой, достаточно образованный мальчик. Игорь, спешу отправить, а то так и будет лежать это письмо недописанным. <...>.

Чек на подписку вышлем с зарплаты.

Боулт – Шелковскому 18.07.82

Дорогой Игорь!

Три дня тому назад я прилетел с Фиджи и нашёл твоё письмо плюс гранки. Уч. Ж. В. и З. – (Московское) училище живописи, ваяния и зодчества – Moscow Institute of Painting Sculpture and Architecture.

Предисловие я написал. Список примечаний я составил. Перевод хороший, но это не «б-й» или «бывший» пролетарский музей, а 1-й (first). И лучше перевести это название просто «First Proletarian Museum».

Ты ничего не говоришь про иллюстрации. При сём прилагаю две. Нужны ещё? Хорошо было бы воспроизвести картину «Сидящая» 1918 года в собрании Костаки, но у меня нет фотографии. Кстати, я очень рад, что К. [Костаки] дал разрешение опубликовать наше интервью.

Бурлюковский фестиваль прошёл с огромным успехом, и бал был космическим – несмотря на (или благодаря!) футуристские драки между концептуалистами.

Привет от Яши Виньковецкого.

Твой John

Космачёв – Шелковскому 21.07.82

Дорогой Игорь!

<...> Очень интересуюсь знать следующее: когда выйдет № 4. Высылаю фотографию моей работы для города Граца. Её данные: сталь, 8 м, с двумя турбинами из нержавеющей стали. Стоит среди липовых деревьев в парке, где имеется ещё с полдюжины разных пластических объектов, кои сделаны разными скульпторами: американцами, немцами, австрийцами и, может быть, итальянцами. Если удастся напечатать в 4-м номере что-то про эти скульптуры, будет неплохо.

Теперь о другом. Сегодня имел беседу с местными масонами. Они устраивают выставку в день республики (26 октября). Часть их программы посвящена особенной роли Австрии, как посредника, в качестве нейтральной державы, между Востоком и Западом: человеческие права, Хельсинки, и тому подобная...ня. Вот почему они хотят устроить в залах Академии Художеств или местного университета выставку нескольких художников из восточного мира. В этой связи прошу тебя ответить на такой вопрос: имеется ли ещё в твоём распоряжении выставка, или её часть, которая показывалась тобой в Chapelle de la Villedieu и позже в N. Y.? Если да, сообщи, сколько стоит пересылка материалов о деятельности 3-4-5 художников, среди которых желательно быть особенно полюбившемуся австрийцам Э. Булатову?

Какие условия пересылки? Я должен иметь эти данные к следующей среде, т. е. к 28 июля. Далее. К этой выставке будет хорошо прислать номеров 30–40 «А – Я» для продажи. Я об этом говорил и встретил интерес. После следующего обсуждения напишу подробнее. Но думаю, уже сейчас покупать журналы будут.

Игорь, прошу ответить мне безотлагательно, т. е., говоря – по-русски, скорее.

Обнимаю тебя с надеждой повидаться осенью.

P. S. Пожалуйста, пришли мне адрес Глезера.

Может ли он заинтересоваться, на твой взгляд, несколькими моими конструктивными работами из фарфора и металла? Твоё мнение о нём и музее. Я не хочу иметь сраные предубеждения против кого-либо. У меня в Америке 15 работ. Мне надо думать, у кого останутся те, что не удастся продать. Это только между нами, пожалуйста.

Никитина – Шелковскому 26.07.82

Дорогой Игорь!

Мы так уже привыкли к твоим частым письмам, что чувствуем себя совершеннейшими сиротами из-за твоего долгого молчания. Наверное, очень много работаешь? Как дела с 4-м номером? <...>

Сейчас отчитаюсь тебе о последних моих достижениях. В Толстовской библиотеке недавно был вечер Войновича, и я, вооружённая экземплярами «А – Я», отправилась туда. Но это, конечно, самое «негрибное» место. Мне отказали все состоятельные русские, в том числе и один очень прилично зарабатывающий музыкант, на которого я возлагала большие надежды. Долго подготавливала его телефонными разговорами, но он ловким ходом разрушил все мои уловки, сказав, что пришел сюда отдохнуть и ни о каких делах сейчас говорить не может, но, впрочем, когда-нибудь в неопределённом будущем, возможно, у него найдётся минута для такой беседы. Все мои состоятельные музыканты из различных городов, как один, не желают знать ничего про изобразительное искусство. А ведь творческие люди! <...>

Один экземпляр (вернее, 3 журнала) я дала Ирине Войнович временно, с тем чтобы она подписывала всех своих знакомых, также я дала ей комплект открыток для рекламы. То же самое я сделала ещё с одной знакомой, которая имеет много русскоязычных немецких друзей, – сама она давно уже мною подписана.

Неделю назад мы были с Борей в Вельтенбурге – его пригласили туда читать лекцию для немецких учителей. Я, конечно, захватила журналы и открытки. И тут неожиданный успех, несмотря на то что этих учителей было всего 15 – это такой узкий семинар – они купили у меня 5 комплектов открыток и 4 номера журнала. Но с журналами произошло следующее: так как Борин доклад им понравился, они все потребовали первый номер с Бориной фотографией (о подписке они и слышать не захотели, и я решила торговать в розницу, думаю, что ты не в претензии?). Соответственно, они купили 3 первых номера, которые у меня были в этом количестве, а одна дама, которая не успела схватить первый, удовольствовалась вторым после моего объяснения, что там есть тоже Борина статья. Прости мне мою мотивировку для рекламы в данном случае, но они все не владеют английским, как я понимаю, и этот жест с их стороны чисто дружеский. Да, по-русски они тоже ничего не понимают, и Боря выступал с переводчицей. Итого, сейчас у меня на руках некомплектные три третьих и два вторых номера.

Пожалуйста, если у тебя есть первые номера, пришли мне, а также пришли ещё, пожалуйста, и несколько комплектов, так как я и впредь буду всё время заниматься подпиской и продажей и, надеюсь, более интенсивно, когда кончится эта проклятая жара, от которой я совсем больна. Как ты предполагаешь, не предвидится ли некоторого снижения цены на номер журнала – это очень оживило бы, я думаю, продажу. Да, открытки, пожалуйста, тоже пришли, их берут вполне охотно. Все подписчики в один голос спрашивают про 4-й номер и очень трогательно советуют почаще издавать журнал. <...>

Насчёт квартиры даже писать грустно – положение самое трагическое. Для того чтобы её снять, эти наши деньги оказались смехотворно недостаточными: за одну только очень среднюю трёхкомнатную квартиру, например, просят восемь тысяч марок отступного, а нам ведь надо две квартиры: ещё однокомнатную для папы. К тому же мы уже немножко потратили из этих денег на путешествие в Кассель. Я занималась квартирой 2 месяца 24 часа в сутки, но никакого, даже отдалённо напоминающего приемлемый, варианта не обнаружилось. Результатом явилось то, что наш милый приятель, огорчённый нашими неудачами, поселил на месяц нас в квартиру своей мамы, уехавшей в отпуск. Это прелестная крошечная однокомнатная квартира на берегу Штарнбергского озера, огромного и весьма живописного. Единственно, что неудобно, – это полтора часа до Гёте-института и дорогая дорога. Но так как я две недели из этого месяца

проболела, то в Гёте-институт ходить не нужно было, и я всё время просидела на берегу озера. Теперь даже как-то страшно из этого рая возвращаться в наш невозможно душный, шумный и неудобный пансион. <...>

Наташа

Шелковский – Шибли 08.82

Уважаемый господин Roland Schibli,
большое спасибо за Вашу посылку и за вести от Игоря М. [Макаревича].

Если Вы его увидите ещё, то передайте ему мой привет и благодарность. Совершенно согласен, что журнал не должен публиковать материалы, которые могут оказаться вредными для оставшихся в России. Но дело в том, что само понятие «вредные» может толковаться очень растяжимо. Кое-кто может посчитать любую публикацию в журнале, да и сам факт существования журнала очень «вредными».

Художник должен иметь мужество отвечать за свои произведения. Когда писателей судили за их произведения, то некоторые из них не отказывались от того, что написали и шли за это в лагеря (Синявский, Даниэль), некоторые раскаивались и шли на сделку с властями.

Мой ответ таков: пусть художники не делают таких произведений, за которые они не готовы отвечать. Тогда все стороны будут довольны. Я вообще считаю, что в журнале надо публиковать не тех, кто «ищет известности», а тех, кто занимается искусством.

Боулт – Шелковскому 18.08.82

Дорогой Игорь!

Спасибо за письмо. Рад, что мой текст понравился тебе. Делай, что хочешь с ним.

Что касается возможной публикации в «Р. М.» [«Русской мысли»], то я думаю всё-таки, что это нереально. Однако я ещё раз напишу А. К. Ларионовой, вдове Ларионова, хотя подозреваю, что её реакция будет негативная.

Игорь! Ты так и не заходил к Михаилу Фёдоровичу Андреенко, слепому старику? Ты помнишь, как мы условились встретиться у него, но его не было? Я думаю, что стоило бы заглянуть к нему с магнитофоном.

Твой John

P. S. Когда выйдет следующий выпуск?

Николетта [Мислер] говорит, что сейчас у неё нет подходящего текста, поэтому она не может проверить все варианты (большая часть находится в ЦГАЛИ [Центральный государственный архив литературы и искусства, с 1992 года – РГАЛИ (Российский государственный архив литературы и искусства)]). Один текст она уже публиковала в апрельском номере журнала *Russian Literature*²¹, а сейчас второй готовит. От неё большой привет.

²¹ *Russian Literature* – международный славистский журнал, выходящий в Амстердаме (главный редактор профессор Виллем Вестстейн).

Сидур – Шелковскому 27.08.82

Дорогой Игорь!

Я очень рад, что Вы познакомились с моим другом Карлом Аймермахером, который, как мне кажется, знает обо мне и о моей работе даже больше, чем я сам.

Карл переслал мне первые 3 номера «А – Я». И раньше я слышал о существовании Вашего журнала, но не предполагал, что он так информативен. Полиграфические его качества также вполне удовлетворительны. Очень приятно, что большинство материалов, опубликованных в «А – Я», имеют гораздо большее отношение к искусству, чем к политике.

Когда Карл был в Москве, он специально для «А – Я» взял у меня интервью. Мы совместно сделали макет тех 6-ти страниц, которые Вы мне отводите. Мы решили не мельчить и не гнаться за количеством фотографий. Не удивляйтесь, что и в начале, и в конце публикации не поместили фотографии с портретом. Но казалось, что так лучше будет передана атмосфера моего подвала. На первом слайде видны несколько больших скульптур, а на последней чёрно-белой фотографии можно разглядеть много эскизов и моделей, дополняющих впечатление от больших фотографий в тексте.

Посылаю Вам также слайд «Головы Эйнштейна». Это на тот случай, если Вы сочтёте возможным предоставить мне 4-ю сторону обложки.

Желаю Вам успехов и всего самого хорошего. Буду рад получать от Вас новые номера «А – Я».

Ваш Вадим

Косолапов – Шелковскому 08.82

Игорь!

Относительно книги Паперного (я в Париже не сформулировал своё отношение к его работе, а также статье Голомштока)²², мне кажется, что он как учёный исследует анатомию процесса всем знакомого, описывает состав крови, давление, пр. К сожалению, другого пути для выяснения правды нет. Здесь лежит подлинный интерес к жизни. Выводы он предлагает разрешить с читателем, вполне полагаясь на его ум.

Большая уважительность метода к интеллектуальным силам читателя. Голомшток во второй части статьи окрашивает всё в один цвет (чёрный), предлагая читателю разделить его (белый). В этом я вижу демагогичность и директивность сильно нам знакомую, увы. Трубы, барабаны, знамена, ура! Мы победно маршируем!

Это не интеллектуальный подход. Я глубоко уверен, что отсутствие искусствоведения у нас – от неумения думать и вдумчиво наблюдать, привычки ходить только по прямым, играть одну ноту, красить одну краску. Почему наши искусствоведы просто на дух не переносят современного? Откуда это?

На сегодняшний день паралич мышления и чувствования видится мне трагичнее, чем известные зверства ком-фашизма.

На таких хилых ножках из тупика не выйдешь. Я против всего, что делает наш лоб ниже, а брови гуще (вожди). Может это немного резко. Вспоминаю своего старика Рабиновича в Строгановке, который на вопрос: в чём он видит цель преподавания? – ответил: «не потушить способности думать». Я думаю, это применительно почти ко всему.

²² Речь идёт об опубликованных в четвёртом номере журнала «А – Я» главе из книги В. Паперного «Культура 2», готовящейся в то время к публикации в издательстве «Ардис», и статье И. Голомштока «Завтра или позавчера».

Гройс – Шелковскому 01.09.82

Дорогой Игорь!

<...> Очень жаль, что ты не можешь никак изменить заглавие моей книжечки. Может быть, всё же это возможно? Я бы очень этого желал. Да и вообще это было бы разумно. Имя «Хайдеггер» мало что говорит русской публике и может её только напугать. Я с самого начала так думал. Но только не говорил. И вообще, с коммерческой стороны, разумно оставить в названии одного Малевича.

Относительно Косолапова. Он неправ, когда отрицает влияние Малевича на американцев. Об обратном есть свидетельства Saul Le Witt, Judd и мн. прочих. Ad Reinhardt работал под сильным влиянием Родченко и Малевича и т. д. Мне трудно вспомнить, на что сослаться, но достаточно указать статью Maurice Tuchman и «The Ruseiu Avant-Garde auch the Contemporary Artist» in.: «The Avant-Garde in Russia 1910–1930. New Perspectives». Los-Angeles, 1980, pp. 118–121. Эта статья как раз посвящена тому, как русское искусство того времени, в особенности Малевич, влияло на американцев. Я думаю, что американский патриотизм Косолапова здесь перевесил русский.

Мои дела без изменений. Пиши, что нового. Привет Дельфин.

Борис

Комар-Меламид – Шелковскому 02.09.82

Дорогой Игорь,
надеюсь, тебя заинтересует творчество нашего друга [Мариса Бишофса]. В Нью-Йорке он недавно, но его очаровательные сатиры уже нашли многих поклонников – свидетельством чему публикации во многих «серьёзных» изданиях.

Его юмор, как нам кажется, сохраняя «прибалтийские» черты, весьма интернационален, так же как русское и советское и т. д. (писать можно много, но работы говорят за себя).

Всегда дружески К/М

P. S. Журналы ещё не получили. Эстамп со Сталиным вышлем на следующей неделе.

P. P. S. Спасибо за тёплые слова в последнем письме.

К/М

Аймермахер – Шелковскому 06.09.82

Дорогой Игорь Шелковский,

Я только что вернулся из Москвы, где я провёл довольно интересное время. Как Вы увидите, я взял у Сидура совсем новое интервью. Надеюсь, что оно и Вас удовлетворит. В Москве я занимался, между прочим, и скульптурами Липшица, Архипенко и Мура. При этом я обнаружил, что эти художники в своих «теоретических высказываниях», независимо друг от друга, выразили (иногда) почти дословно совпадающие мысли по отношению к искусству, к жизни, к музыке, к традициям и т. д., как Сидур в теперешнем интервью. Мне кажется поэтому, что наше интервью с ним и в таких «мелочах» представляет большой интерес. И всё остальное отличается довольно сильно от предыдущих с ним интервью, так что Вы получаете совсем новый (оригинальный) текст, в котором он даже ссылается на последние события в связи с покупками советской живописи в Германии.

Всего Вам доброго. Ваш Карл Аймермахер

Паперный – Шелковскому 07.09.82

Дорогой Игорь!

Получил Ваше письмо, открытку и ксерокопию от Саши Косолапова.

Спасибо! Письмо читал с огромным интересом, но совершенно с ним не согласен. Точнее так: мне очень близка позиция «ответственности», о которой Вы говорите – но всё дело в том, что книга написана о другом. Правда, что Мандельштам не укладывается ни в «культуру 1», ни в «культуру 2» – но я это и утверждаю.

Моя основная идея, что чудовище сталинской культуры надо рассматривать не как отклонение от «нормальных» зверей, а как ещё одного зверя, который не хуже и не лучше других зверей – просто другой.

Я не верю, что культуру можно создать указами и запретами, полицейский аппарат не создаёт культуры, он скорее находится в ней. Таким образом, этот «зверь» рос по каким-то своим законам, возможно даже генетически обусловленным.

И потом ещё: миф о «светлых 20-х годах» развеивается, как только начинаешь работать с документами этой эпохи. Страшное время! Действительно, было много талантливых людей, но я пишу не о них. Мне близка идея Г. Вёльфлина об «истории искусств без имён».

Простите за бестолковое письмо – пишу в страшной спешке: проклятая Америка, совсем замучила капиталистической эксплуатацией. С нетерпением жду журнала (и особенно фотографий, которые срочно нужны). Не теряю надежды с Вами повидаться, хотя мы сможем выбраться в Европу не скоро.

Обнимаю Вас

Никитина – Шелковскому 07.09.82

Дорогой Игорь!

Пишу очень кратко – мы совершенно замотаны, времени не хватает ни на что.

Думаю, что ты, конечно, это знаешь, но на всякий случай сообщаю: в Париже есть некая Анна Анатольевна Рудченко, которая официально закупает все русскоязычные журналы для пересылки в Россию (не знаю, в каком количестве). В Америке тоже есть такой человек. Не знаю также, как называется эта организация, которая занимается этими закупками. Есть только телефон этой Рудченко <...>

Были в Ленбаххаузе²³, отнесли журналы и открытки – они пока думают.

Была у Нейманиса, где мне сообщили, что журнал хорошо продаётся (кстати, ты знаешь, что он здесь стоит сейчас 18 марок, что намного больше, чем 40 франков?), и где сказали, чтобы я принесла и открытки, когда вернётся Нейманис.

Возможно, что скоро Боря опять будет выступать с докладом, и я смогу попытаться устроить распродажу. Пожалуйста, пришли открыток – цветных и чёрно-белых, сколько сможешь. Есть ли у тебя новые переводы от Киса [Хэммонда] и в каком количестве? Как у тебя дела? Может быть, мы можем чем-нибудь помочь? Получил ли ты деньги и переводы из Америки? <...>

Жду журналы и, если есть время, письма. Борька очень кланяется и напишет, как только чуть разгрузится. Имеем сведения от Пивоварова, из Праги. Автоматическая связь с Москвой прекратилась – катастрофа!

Ваша Наташа

²³ Художественный музей в Мюнхене в доме Ленбаха (Städtische Galerie im Lenbachhaus).

Шелковский – «Новая газета», Нью-Йорк 11.09.82²⁴

«На зеркало неча пенять...» [Заглавие, опущенное редакцией «Новой газеты»]

В своём открытом письме, озаглавленном «Кривое отражение», А. Глезер высказывает недовольство той оценкой его деятельности, которая даётся в опубликованной журналом «А – Я» книге Л. Бехтеревой «Варианты отражения».

Известно, что наши самооценки иногда расходятся с мнением людей, наблюдающих нашу деятельность со стороны. Далеко не все оценивают деятельность А. Глезера, а также творчество тех художников-нонконформистов, которых он представляет, так, как ему хотелось бы. Вот цитата из статьи, принадлежащей перу известного нью-йоркского критика: «Разочаровывающим было появление репродукций этого искусства (имеются в виду первые выставки неофициальных художников на Западе). Это были усталые, блёклые, навязшие в зубах перепевы парижской школы, большинство этих работ невозможно выставить на выставке в Вашингтонском сквере (ежегодная выставка художников-любителей). Эти работы демонстрируются и сейчас в музее Джерси-Сити» (Петер Шелдал, «Виллидж Войс», 17–32 июня 1981 года. Кстати, совершенно противоположного мнения тот же критик о выставке «Новые тенденции», подготовленной и осуществлённой журналом «А – Я», а также о самом журнале: «...это мужественный, интеллектуально гордый и информативно богатый журнал...»).

Находясь вне каких-либо кланов и группировок, журнал «А – Я» стремится в первую очередь отразить то новое, яркое, современное, что создаётся в неофициальном искусстве. А. Глезер считает журнал «А – Я» «сектантским» изданием. Если просмотреть три вышедшие номера журнала, то нетрудно заметить, что количество охваченных им художников (и их круг постоянно расширяется) в несколько раз превосходит число художников, напечатанных в одиннадцати номерах журнала «Третья волна» (который как раз в центре своего внимания поставил несколько избранных имён). Спрашивается, чьё же издание является «сектантским»?

Резкие протесты А. Глезера – дело не новое. Они возникали после открытия многих выставок: в Венеции, Турине, Беллинзоне, Бохуме, Париже, после каждой экспозиции, устроенной не им, Глезером. Мотивы недовольства были всегда одни и те же: искажена подлинная картина развития неофициального искусства. Будто эта подлинная картина – вещь законченная и навсегда решённая и известна она лишь одному человеку – А. Глезеру. Но искусство не стоит на месте, как кому-то этого и хотелось бы, новые идеи, новые направления, новые имена приходят на смену прежним. И искусство так же переменчиво и динамично, как и жизнь, и дело русских изданий, не создавая преждевременного «табеля о рангах», по возможности отразить этот процесс. Окончательные оценки даст время.

В конце можно добавить следующее. А. Глезер пишет о редакторе журнала «А – Я»: «Он наотрез отказался публиковать в журнале статьи о творчестве Б. Свешникова, Д. Плавинского, В. Калинина и В. Немухина». Эти, приписываемые мне слова, являются целиком выдумкой А. Глезера. Жаль, что борясь, якобы против инсинуаций, сам он использует именно подобные методы.

²⁴ «Новая газета» – еженедельное русскоязычное издание (1980–1983), выходившее в Нью-Йорке под редакцией Евгения Рубина.

Сидоров – Шелковскому 09.82

Дорогой И.! Впервые за эти месяцы появилась возможность послать тебе нормальное письмо. Прости, что не посылаю ничего больше, но необходимо проверить этот канал после столь длительного перерыва: вдруг что-нибудь изменилось?! К тому же обстановка в Москве крайне напряжённая, задержания и обыски в метро и на улице; милиция, дружинники, солдаты и представители анонимных организаций патрулируют не только все двory и подъезды, но бесцеремонно входят в квартиры, проверяют паспорта, заглядывают в шкафы и под кровати, словом (это их слово) – режим. Думаю, что через несколько дней, когда новая власть освободится от страха и неуверенности (а объяснить все эти предосторожности можно только страхом), всё встанет на свои места и жизнь потечёт как прежде: как заболоченная река. Тем не менее я не смогу сразу же после «великой церемонии» вынуть свои архивы из «холодильников», поскольку в метро возможен обыск (да и не только в метро!), а такси не подпускают даже к Садовому кольцу. В субботу и воскресенье в центре из метро выпускали только по предъявлению паспорта, т. е. только тех, кто прописан где-то поблизости. На утрамбовывание ситуации, я думаю, уйдёт неделя-другая. Одним словом – потерпи (теперь уже недолго).

В моей жизни никаких серьёзных изменений не произошло. Всё лето ушло на зарабатывание денег; в наших делах продвинулся мало, т. к. в эти месяцы никого нет – вплоть до конца октября, но кое-что всё же набралось – осень начинает приносить свои плоды. Прежде чем загружать канал, хотелось бы обсудить с тобой несколько проблем, но прежде я хотел бы поблагодарить тебя за всю ту бесценную помощь, которую ты мне оказываешь. Естественно, что я чувствую себя неловко, т. к. знаю, что все эти игрушки стоят бешеных денег, но слегка утешаю себя тем, что все эти инструменты помогут мне заработать кучу денег, столь необходимых и для нашего дела. Особенно я радуюсь пирометру – он спасёт меня от досадных промахов. Уже несколько раз я безвозвратно портил почти готовые изделия, на которые перед этим затрачивал несколько дней напряжённого труда, пережигая их при последнем обжиге всего лишь на 20–30 °С, т. к. косвенные методы определения температуры в муфеле не точны, а самому изготовить такой прибор очень трудно, т. к. в нём применяется криминальный металл – платина.

<...> Ничего пока не знаю о судьбе 4. Меня раздражают вопросами – когда? Кто? Но т. к. я никому (даже самым близким, даже Ване [Чуйкову]) не говорю о содержании, то, кажется, поползли слухи, что мы с тобой рассорились, что дело умерло и, как следствие этого, некоторый спад деловой активности. Кстати, если ты сможешь продолжить присылку №№ 1, 2, 3 – не пренебрегай этим и делай, как прежде, поскольку нужда в них есть всегда. Мне было бы крайне важно знать наперёд твои планы по поводу № 5, чтобы нам скоординировать усилия и не делать лишней работы. У меня есть кое-какой проект, но это скорее предварительная версия, вокруг которой могло бы что-нибудь да воплотиться, нежели готовые предложения. Т. к. у нас уже начались повторные публикации наиболее интересных художников (с интервалом через номер) – Эрик [Булатов], Франциско [Инфантэ], Иван [Чуйков] – то мне кажется, что совершенно необходимо вновь уделить внимание Илье [Кабакову], тем более что у него всегда готов какой-нибудь интересный материал. Кроме того, ждут своей очереди Пивоваров, Орлов, Дышленко – материалы которых у тебя уже давно есть. Кстати, ты должен мне срочно сообщить, получил ли ты слайды Пивоварова и что ещё было в той посылке. По поводу твоей оценки Дышленко как опознаваемого «американца» – продолжаю в корне не соглашаться и по-прежнему считаю его самым интересным ленинградским художником. Не забывай к тому же, что ленинградцев у нас ещё не было ни разу! Материалы по всем этим художникам, на мой взгляд, хорошего качества (дополнительные слайды и негативы к «архиву» я тебе вышлю в ближайшее время). Кроме этого, я предлагаю кого-нибудь из примитивистов (например, Пурьгина), кого-нибудь из «классиков» 60-х годов (например, Немухина), кого-нибудь из самых молодых

(например, Слава Щербаков), плюс тот материал, который есть у тебя. Иное «Галерея» (недостатка в этом материале у тебя не будет на этот раз, т. к. я учёл свои ошибки). Можно подготовить материал о ком-то из эстонцев (например, Рауль Меэль). Но всё, что требует подготовки, необходимо наметить заранее и приниматься за работу только после окончательной договорённости, поскольку специально заказывать, а потом не использовать статью или другой материал – невозможная роскошь, т. к. люди тратят силы, время, средства и после этого долго ждут. А потом так же долго мучаешься и не знаешь, что им сказать. Можно уже сейчас спрашивать к № 6, и работать параллельно. Одним словом, я предлагаю обменяться проектами, обсудить их и остановиться на чём-то определённом. Свои развёрнутые предложения я вышлю следующим письмом. <...>

Теперь несколько разрозненных сообщений.

1) Клише цветных графических работ Фёд. Вас. [Семёнова-Амурского] к «Типажам» в размер открытки – готовы.

2) Альбом Хр. Хр. Сп. [храм Христа Спасителя] переснят полностью, страница за страницей, профессиональным способом, но пачка этих негативов довольно внушительных размеров. Может быть, для начала сделать контрольки и прислать тебе, а потом изготовить клише? Подумай!

3) Я купил у Э. [Эрика Булатова] «Опасно» и рисунок цветными карандашами – «Горизонт», сделанный даже лучше, чем оригинал, теперь серьёзная проблема, как всё это доставить тебе. Рискнуть первым попавшимся способом не могу – слишком дорого.

Целую.

Косолапов – Шелковскому 05.10.82

Дорогой Игорь!

Получил два твоих письма, последнее от 3-9-82. Мне понятно твоё несогласие с Паперным, но я не могу подробно дискутировать сейчас, отложим до встречи. Но внимательно просмотрю её через призму твоих 2-х пунктов. Я по-прежнему очень высокого мнения о его анализе материалов и культурологических концепций. Но кончим на этом (временно).

Получил от Владимира Паперного письмо, помогать в журнале не сможет, т. к. кормит семью из 4-х человек. Он пишет, что сотрудничать с «А – Я» было бы его мечтой, т. к., по его мнению, это лучшее из издающегося в эмиграции. Книга его продана «Ардису», который в свою очередь имеет на неё договор с [неразборчиво] компани в её английском варианте. Так что она скоро выйдет по-английски.

Теперь о переводах. Если тебе дешевле в Англии, то давай делать там. Я здесь плачу 8 долларов за печатную страницу. Но главное качество. Все американцы жалуются на плохой английский язык в «А – Я», т. е. переводы оставляют желать лучшего. Это так же в ведении редактора по-английски (это ещё раз о Джейми).

Все материалы выслал (фамилии переводчиков, фотографии к Кабакову).

Здесь всё больше появляется статей, фотографий по советскому искусству (N. Y. Times, Art News). Только сегодня увидел статью в ART News о Венецианской Биеннале.²⁵

Все спрашивают – когда? Надеюсь, что неделя, две, и мы его получим.

Игорь! Извини, что я не закончил до сих пор статью о Нежданове. Я думаю, это займет неделю, но сейчас хожу на работу, и нет времени и сил.

Стремлюсь закончить и отправить письмо, которое начал две недели назад.

Ждём 4-й «А – Я»!!!

Это не успех Биеннале, а успех Советской пропаганды. Вот с кем приходится иметь дело!

Я не выдержал и написал статью в редакции Art News в связи с рецензией на советскую экспозицию в Венеции. Посылаю тебе копию по-русски и копию статьи в Art News. Я подчеркнул в английской статье места, которые особенно неверны. Статью отдал перевести и хочу послать в редакцию Art News.

7 ноября у нас²⁶ снова перформанс о «коммунизме» в N. Y. на этот раз в «Китчен» (кухня) – это центр по перформансам. Это серьёзно и опять берёт уйму времени. На прошлой неделе звонил тебе несколько раз, но не смог застать. Когда выйдет 4-й номер? Думаю, что ты всё своё время проводишь в типографии или у Синявских. Интерес к 4-му номеру большой.

Я думаю, твоя идея политической открытки очень интересная. Успех открытки Ленин – Кока-Кола превзошел все ожидания. В одном магазине заказали 400 штук. У меня уже нет их – все просят. Думаю, постер имел бы тоже успех. Если у тебя есть сколько-нибудь открыток, мог бы мне их прислать?

Я сейчас занят зарабатыванием денег. Нужно срочно залатывать бюджетные дыры. Пришлось всё временно забросить (вернее занимаюсь только оповещением подписчиков).

Вот как будто и всё.

Игорь! Передай большой привет Синявским, их книги мы с удовольствием читаем.

Относительно «тем», я бы воздержался. Интересно, что предложат художники? Напечатай на своём бланке от своего имени информацию. Копии я здесь разошлю.

²⁵ На Венецианской биеннале 1982 года были представлены работы 32 советских художников. В их числе: Татьяна Назаренко, Виктор Попков, Дмитрий Жилинский.

²⁶ Перформанс группы «Страсти по Казимиру».

Чек на «Синтаксис» вышлем через некоторое время. <...>

Они рассматривают Советскую экспозицию как огромный успех, чуть ли не новое направление²⁷. Это возмутительно!!! Обязательно иллюстрируй статью Кабакова. Я считаю необходимым в 5-м номере осветить эту Биеннале (советский павильон).

²⁷ «Китчен» (The Kitchen) – Центр видео, музыки и перформанса в Нью-Йорке.

Гройс – Шелковскому 12.10.82

Дорогой Игорь!

<...> Моя статья для 5-го номера слишком длинна и тяжеловата. Вместе с тем я хотел бы её видеть напечатанной именно в том виде, в котором я её написал. Поэтому я думаю, что её следует использовать как-то иначе. Я же могу написать к 5-му номеру 2–3 страницы предисловия к статьям наших друзей художников о Малевиче. Мне кажется это наиболее разумным. Напиши своё мнение. <...>

Большой привет Дельфин.

Борис

Гробман – Шелковскому 12.10.82

Дорогой Игорь, посылаю с нашим близким другом Леной Кац (она дизайнер одежды) свои работы.

ЧЁРНОЕ НЕБО – шелкографию, Вам в подарок.

УТРЕННЮЮ МОЛИТВУ – в обмен на печатную продукцию.

СТАЛИНА, ДЗЕРЖИНСКОГО, ХЮЛЕТТА И ДАРВИНА – Вам на хранение, использование, а в дальнейшем, ежели пожелаете, на обмен.

Все эти работы выставляйте, печатайте по своему полному смотрению. Желательно, чтобы при продаже сохранилась их цена. ЧЁРНОЕ НЕБО – стоит 200 долларов, УТРЕННЯЯ МОЛИТВА – 250 долларов. Остальные работы по 400 долларов каждая. Но с другой стороны, франк сейчас здорово упал. И, может быть, для Франции это получается слишком дорого??? Как в Израиле? В общем, если что, так напишите. Главное – наладить дело, а там всё само покатится.

Дайте мне точные цены каждого издания во франках или долларах, чтобы я знал, сколько списано и сколько осталось.

Открыткам были страшно рады!

Я сейчас готовлю ещё две выставки. Одну мини-выставку в книжном магазине «Малера». Проспекты издаем по Вашему типу. Другую выставку новых репатриантов готовлю в Доме художника. Высылаю с Леной каталог третьей выставки «Левиафана» (без Аккермана, он нас предал и продал весьма некрасиво, увы, увы).

Я сделал серию Ленинианы, Солженицыниады и прочее. Вот сфотографирую – пришлю.

Как движется четвёртый «А – Я»? Жду с нетерпением, так как каждый номер – это событие в русской культуре. Игорь, прошу Вас дослать мне в счёт нашей операции «Ы» всё то, что вы выпустили в маленькой библиотечке. <...>

До встречи. Ваш, Миша Гробман

Комар-Меламид – Шелковскому 22.10.82

Дорогой Игорь,

Спасибо за все предложения и готовность дать обложку. Думаем, Капелян может написать, т. к. Джейми не хочет повторяться...

Твою идею конкурса Бахчанян принял с интересом и обещал передать другим, но, кажется, он не понимает, почему ты не написал прямо ему?

Через неделю выставка²⁸ кончается. Думаем, она самая большая и удачная из всех, что были у Фельдмана. (Эта открытка с другой – групповой, в Еврейском Музее²⁹.)

Посылаем парочку «Наиболее глянцевого» рецензий.

Сердечно. К/М

²⁸ «Sots Art». Ronald Feldman Fine Arts, Нью-Йорк, США (25 сентября – 30 октября 1982 года).

²⁹ «Contemporary American Artists». Jewish Museum, New York, Jewish Themes (25 мая – 6 сентября 1982 года).

Шелковский – Сидорову 05.11.82

Дорогой мой, Алик,

пишу тебе после длительного перерыва. В одном из последних писем ты писал, что в июне у меня будет № 5 на руках, с материалами по всем разделам. Прикинув это по отношению к реальности, я подумал, что, может, где-то в феврале придут где-то полторы статьи. Так, наверное, и будет. Конечно, связь и каналы дело трудное. Но загвоздка не только в них. Когда были каналы, я получил от тебя несколько десятков слайдов, которые лежат и будут лежать безо всякой пользы. Твоё сравнение неправомерно: ты ведь не только гонец, приносящий неважно какие новости, ты – искатель и отборщик этих новостей. Если бы тебе удалось объединить вокруг себя и этого дела людей толковых и знающих, то в твоём отборе было бы меньше субъективного, меньше промахов. С другой стороны, многие вещи, которые мне здесь были позарез необходимы, ты мог прислать без затраты невероятных усилий. Начиная с тех плакатов, буклетов, открыток, которые продаются в изомагазинах (хоть на почте!), кончая, например, фотографией гостиницы «Москва» и другой архитектуры, то, что мне здесь – в лепёшку расшибись – не найти.

Не дождался от тебя фотографии Славы Л. [Лебедева]. Пришлось делать с цветного слайда – он вышел чёрный как негр, красный цвет при пересъёмке в ч/б даёт черноту.

Извини, что я ворчу и недоволен, конечно, я понимаю все условия, в которых вы находитесь. Когда я вижу, иногда, по телевизору улицы Москвы, я думаю – почему я раньше, пять лет назад, не дал вам всем одного единственно правильного совета: бежать оттуда как можно быстрее. Ничто не предвещает изменений к лучшему, только к худшему. Хотя кажется, что хуже некуда.

Получил ли ты краски для эмали, термометр и асбестовую перчатку? Кажется, я послал все номера, отмеченные тобой по каталогу, кроме золота и серебра. Напиши, что тебе нужно ещё: что я могу выслать.

Меня очень удручает потеря связи на долгие периоды. Уже с полгода не имею никаких новостей ни от Алика Щ. [Щенникова], ни от Ивана [Чуйкова], ни от других.

Для № 5 нужны были бы хорошие ч/б фотографии (на худой конец, слайды) с последних работ Кабакова. Кажется, примерное содержание № 5 я тебе уже сообщал.

Получил ли ты Пастернака и Волошина? Упомяни об этом в письме.

В № 4 опять не повезло, как назло с цв. репродукциями Ивана. Цвет искажён значительно. Несчастное стечение обстоятельств. Был уверен, что нет опечаток. После отпечатывания они выявились как на фотобумаге, причём на наиболее видных местах.

Алик, извини ещё раз за всё ворчание, погода дождливая, работы невпроворот (сейчас занят французским текстом), жду с нетерпением твоих писем.

Гройс – Шелковскому 22.11.82

Дорогой Игорь!

Большое спасибо за 4-е номера. Поздравляю. По-моему номер получился. Много информации, но есть и цельность (не понравилась только статья Пацюкова о Ване [Чуйкове]).

Посылаю свою статью для 5-го номера. <...>

Борис <...>

Шелковский – Сидорову 22.11.82

Дорогой Алик!

Получил твоё письмо 73 (без даты). <...> Вот ответы на все твои предложения.

Твоя идея об изготовлении фильмов в Москве чудовищно нереальна. Ты говоришь так, будто мы с тобой живём в соседних нормальных странах и переписываемся по обыкновенной почте. Даже в этом идеальном варианте теряется колоссальное количество времени на письмо – ответ, на выяснение всяких деталей, на исправление промахов и ошибок, на дополнительные запросы, дополнительные присылки. Месяцы я потратил на то, чтобы заполучить обратно от одного доброжелателя из Швейцарии посланные ему слайды. Хорошо, что я это предвидел и послал ему слайды для открыток, а не для журнала, журнал из-за этого не задержался (а № 3 задержался именно из-за этого). Я ему пишу – он неделями не отвечает. Звоню – жена говорит: уехал. Потом он пишет, что часть послал. Я получаю часть, но мне нужна другая часть, он пишет, что надо подождать, что ему сделают всё бесплатно, но он должен поехать в Германию сделать там и т. д. Бесконечное множество вариантов и помех, растягивающихся на полгода. И это при условии, что он живёт в соседней стране и я в любое время могу ему написать и позвонить. А как ты всё представляешь в нашем случае? Ведь посылая тебе письмо, я не знаю, когда смогу послать следующее и когда получу ответ от тебя: через месяц, через восемь месяцев? А если наша переписка (это тоже не исключено) кем-то контролируется, хотя бы частично, выборочно? Какое широкое поле для всяческих интриг и барьеров. Мы будем сами затягивать петлю на собственном горле, все наши усилия будут уходить на переписку – пересылку, а журнал будет выходить, в лучшем случае, раз в 3–4 года.

Второй момент – качество. Даже в тех дешёвых, почти любительских типографиях, где я печатаю, качество выходит лучше, чем в «Дек. иск.». Если б не нужда в экономии, то журнал мог бы печататься на высоком западном уровне, зачем же снижать его до уровня советской типографии. Тот фильм (4 цвета), который ты мне прислал, кроме основного недостатка (работа малоинтересная, проходная), имеет ещё недостатки технические – нет крестов (или как они там называются) для совмещения цвета (конечно, в крайнем случае можно обойтись без них), но главное – нет гаммы, т. е. пробных оттисков каждого цвета в отдельности и в сочетании с другими, по которым печатник может контролировать ход работы. Иначе идёт печать вслепую, что иногда допустимо, особенно когда цвет декоративен (цв. Работа Олега Яковлева в № 1 или работа Ивана [Чуйкова] «Дорожный знак в круге» в № 4), но, в общем-то, нежелательно, потому что цветовые отклонения могут быть значительными. Экономия – если она и будет, то не такая значительная, чтобы решать ход дела. Чёрно-белые фильмы при наличии условий (т. е. лаборатории) я уже могу сделать сам, цветные фильмы сейчас несколько подешевле, даже при беспрепятственной пересылке. Здесь я всю работу получаю через несколько дней или через неделю. Кроме того, я не могу делать макет по контрольным. Мне нужны в изобилии все чёрно-белые фотографии и цветные слайды, чтобы отобрать то, что пойдёт в макет.

Даже при наличии материала возникают всякие сюрпризы. Например, работы Славы [Лебедева] на чёрно-белых фотографиях оказались предельно невыразительными – какие-то серые кубы с полосками. Каждый номер я начинаю с цветных пятен, ударов. Между ними распределяю всё остальное. Вклеиваю в пустые белые листы те контрольные экземпляры, которые получаю с гаммой от фотогравёра (иногда я их посылаю тебе, фотогравёр делает 3–4 лишних). Итак, если ты всё же хочешь и у тебя есть возможность этим заняться, то можешь делать фильмы для цветных открыток. Следи только, чтобы общие размеры не превышали 14 × 10 см, а также за тем, чтобы отбор работ был строгим и продуманным. Нам сейчас не до того, чтобы издавать почеркушки и работы третьестепенные. А в общем, ты здесь свободен во всех отношениях. Для тиража (кроме денег, конечно) нужны 16 открыток (именно такое их количество

укладывается на клише). От каждого номера у меня остаётся несколько фильмов такого формата, теперь жду, пока наберётся 16. Вся эта техническая работа вещь нужная и у меня не было никаких возражений, что бы ты ни делал, если был бы кто-нибудь другой, кто задумался бы непосредственно журналом. Это-то дело в десять раз важнее.

Моя концепция такова: в журнале участвуют те, кто хочет участвовать. Никого не надо тянуть за руку, уговаривать, упрашивать написать статью и т. д. Всех, кто боится, – близко не подпускать к журналу – от всей этой прогнившей полуобразованщины всё равно никакого толку не будет. Хотелось бы, чтобы журнал был бы как бы разговором художников (и людей, интересующихся искусством) между собой, т. е. разговором интересных людей на интересные темы. Статьи должны быть не статьями (панегириками) о художниках, но статьями о проблемах. Творчество художника как иллюстрация той или иной проблемы. Тогда наш журнал может быть интересен широкому кругу людей. Кроме статей о художниках, могут быть и минувшие, близкие нам десятилетия, малоизвестные события, забытые факты (например, когда в Московских газетах бывает рубрика «О чём писали русские газеты 100 лет назад». Так вот – гораздо интереснее, о чём они писали 50, 30, 20 лет назад). Журнал может касаться тем, не только вопросов изобразительного искусства, но и культуры вообще (Я очень рад, что появилась, наконец, статья об архитектуре). И эти статьи не надо ни в коем случае, как ты пишешь, «заказывать», они сами будут написаны, если люди осознают их необходимость и будут знать о реальной возможности их публикации. Ведь наш журнал (как и другие эмигрантские журналы) – рупор для всех наболевших вопросов. Неужели за 65 лет страданий русской интеллигенции нечего об этом сказать и написать? (Имел в виду и наш художественный аспект). Войти в контакт с этими людьми, обсудить какие-то детали, помочь в пересылке, если у них нет своих каналов, – вот та тихая, незаметная, без шума и бравады работа, которую должен кто-то делать. Всякий натиск, неосторожность или подчёркнутая игра в «конспирацию» отталкивает людей, наводя их на мысль о провокации. Статьи могут публиковаться под псевдонимом, так что никто, включая меня, не будет знать авторов. Так что риск для них минимален. А то, что они будут опубликованы не скоро, – так что ж поделаешь? Здесь какой-то порочный круг – журнал выходит редко, потому что нет материалов, а нет материалов – потому что журнал выходит редко. Единственное, что ты можешь говорить всем с полной уверенностью, – что всё хорошее, умное, профессиональное, по делу написанное будет опубликовано рано или поздно. При той монотонности, когда десятилетиями ничего не меняется (посмотрим, что теперь будет), – подождать 1–2 года не так уж долго.

Меня, честно говоря, обрадовали те слухи, о которых ты пишешь, что мы с тобой поссорились и что дело умерло. Чем меньше твоё имя во всяких разговорах будет связываться с журналом «А – Я», тем в большей безопасности ты будешь находиться. Самый большой риск, если в конторе (пока что нет подтверждений, что её методы и цели изменились) придут к выводу, что всё зависит от кого-то одного. Вот почему мне кажется единственно правильная тактика – рассредоточить всё и как можно больше. Пусть все, кто только может, посылают свои материалы самостоятельно. Я получил недавно два пакета без обратного адреса с фотографиями работ Юликова. Они войдут в № 5 (жаль, что не прислал своей фотографии, у меня есть, но старая. Всегда интересны фотографии мастерских). Если бы другие поступали так же, то у тебя было бы меньше забот и хлопот, а главное – риска. Пришло мне интервью с Сидуром, которое тоже войдёт в № 5. Я думаю, в конторе в какой-то степени не заинтересованы перекрывать все каналы, так как знают, что чем меньше материалов – полностью невинных – будет поступать из Москвы, тем больше будет печататься материалов, подготовленных здесь. А здесь не обязательно пишут эзоповым языком.

Прервал это письмо, посмотрел по телевизору фильм 38 года, того же немецкого режиссёра, который поставил «Кабинет доктора Калигарри». Этот фильм «Ультиматум» – о начале Второй Мировой Войны. Режиссёр его ставил в изгнании, во Франции, и умер в последние

дни съёмки. А сейчас (около часа ночи) передача по радио об СССР. Какой-то коктейль из национальной (молдавской?) музыки, колокольного звона, Высоцкого, каких-то читаемых по-русски стихов (не Евтушенко ли? Нет, Тарковский) и Окуджавских песенок. Кстати, на концертах последнего был два раза – здесь всё доступно.

Теперь конкретные дела. Вот содержание № 5: статья про Ленингр. художников 50 гг., Дышленко, Юликов, Сидур, Нежданов и три статьи Булатова, Васильева и Кабакова о Малевиче. Жду из NY статьи о Комаре-Меламиде, возможно, подойдут ещё какие-то материалы. Планировать будущие №№ можно лишь в общих чертах. Да и что толку планировать? Если материалы будут, то будут и войдут в №№, если нет, то, что делать с пустыми планами? <...>

Меня всегда передёргивает, когда спрашивают: какие художники будут в следующем номере. При чём здесь это, ведь дело не в художниках, а в проблемах, которые обсуждаются. Художники могут быть, какие угодно. Если же мы делаем журнал по списку имен художников, то это не журнал, а каталог. Борьба тенденций, спор идей – вот что интересно. Целую тебя, Игорь

Шелковский – Сидорову 06.12.82

Дорогой А.!

Только что прочёл написанную по-французски статью о С.-Ам. [Семёнове-Амурском]. Её написал один французский критик, автор статьи о Ф. Инф. [Инфантэ] в № 3 [Мишель Константины]. Статья довольно лирична, очень абстрактна, субъективна, но это и хорошо. Много говорится о Сезанне, о цвете, даётся лёгкий пунктир биографии, название статьи «Роза из Благовещенска» – по-русски звучит хуже. И вообще, я предчувствую сложную работу по переводу, потому что в оригинале это поэзия, и игра слов почти непереводаемая. Статью Франциско переводило несколько человек по очереди. Предпоследним был Олег Прокофьев, который знает оба языка с детства. А потом мне пришлось снова почти всё переписать, уйдя от буквы, но приблизившись к духу оригинала.

Автор – очень обаятельный розовощёкий молодой человек с густой чёрной бородой. Его первый опус был реакцией на посланный ему билетик, приглашение на выставку «Новые тенденции», где была голубенькая репродукция «Посвящения Малевичу». Он разразился в ответ внушительной рукописью, которую при печатании пришлось подсократить. Текст о С.-Ам. – результат нашей встречи этим летом. Он приехал ко мне по договорённости вечером, чтобы пойти потом поужинать в ресторан, который рядом с моим ателье. Было тепло. Все двери и окна в мастерской были настежь. Я стал ему показывать макет, который тогда выклеивал (№ 4). Затем работы Ф. В. [Фёдора Васильевича], затем мы так заговорились, что, когда спохватились, было уже одиннадцать часов, в ресторане сказали, что кухня уже закрывается. Мы вернулись и поужинали бутылкой пива (литровая бутылка стоит столько же, сколько газета «Ле Монд») и яичницей с луком и помидорами. Ещё был свежий хлеб и сыр, и всё это нам показалось удивительно вкусным. Где-то в час ночи он сел в свою машинку и покатил в свой пригород Парижа на другой стороне города. В журнал он пишет с большой охотой и удовольствием. Я думаю, и в дальнейшем мы будем иметь от него статьи. Наш журнал, в принципе, мне хотелось бы видеть как зафиксированные на бумаге разговоры, споры между художниками или искусствоведами, именно в таких разговорах и спорах и рождаются интересные мысли. Обе статьи Голомштока (в № 3 и в № 4) вышли из разговоров, он развивал свои мысли, а я поддакивал или возражал, а в конце говорил: вот, пожалуйста, запиши всё, что ты сейчас говорил, ведь это же тема для статьи. Видимся мы с ним редко (раз в год), но метко.

Сейчас я уже думаю о № 6, т. к. № 5 в основном заполнен. Уже намечаются, кажется, полюса, между которых будет всё развиваться. Впрочем, сколько ещё работы. Как видишь, журнал становится на ноги, в смысле содержания, материалов. Так что если железный занавес опустится полностью, на смерть, это не мешает журналу выходить. Трудности совсем в другом.

Я сейчас думаю, насколько же я, считая себя достаточно информированным, всё же не представлял себе всей здешней ситуации. Точно так же не представляете её себе все вы, а уж о среднем советском человеке и говорить нечего. У масс мозги зачернены, наверное, так, что уже ничего не поможет. Дело в том, что человеку свойственно использовать опыт своей предыдущей жизни, делать выводы (хотя бы и с поправками) из опыта своей жизни. А как представить себе жизнь совсем в другой атмосфере, с другим атмосферным давлением и с другим земным притяжением?

Более мирной жизни, чем в западных странах (я имею в виду Европу и Америку), большего миролюбия, спокойствия, и отсюда и незащищённости, неподготовленности (даже не военной, а моральной) трудно себе представить. У меня перед глазами сценка из далёкого прошлого. Две худенькие девочки гуляли по разрушенной стене в Новодевичьем монастыре, и дура сторожиха позвонила дружинникам и сказала, что «здесь хулиганят». И вот приехала машина,

высыпали оттуда дружинники – этакие гориллы, молодцы с красными рожами и бычьими шеями. Засучивая рукава, они пробежали сквозь девочек и притихшую сторожиху, устремившись туда, где можно будет сейчас кого-то ловить, выкручивать руки, долго и с удовольствием применять насилие. А когда потом выяснилось, что никаких других «хулиганов» нет и понасиловать будет не с кем, все они были страшно разочарованы.

А ведь тихий, спокойный, ухоженный Запад тоже весь мир моделирует на основе собственного опыта. Здесь не представляют, что людей можно довести до состояния крыс, и этих крыс свести в одно стадо, которое потом на что угодно будет лезть и лезть, невзирая ни на какие жертвы, т. к. терять уже нечего. Здесь не знают, что такое пропаганда, здесь её просто нет в природе. Пропаганда как промывка мозгов здесь не существует, поэтому никто не представляет, какую силу она имеет по ту сторону. Никто не понимает, что этой пропаганде можно противопоставить только одно – информацию.

Здесь ведь всё именно на этом и строится, что человеку предоставляют информацию во всей её полноте, а точка зрения и выводы – дело самого человека, его личности. Непонимание, что такое тоталитарная система, можно видеть от верхов до низов (когда какая-нибудь девочка не понимает, зачем надо везти книжку в Москву). Те люди, которые понимают суть дела и особенно те, кто что-то делает, чтобы помешать трагическому ходу событий, – чрезвычайно редки. Дело борьбы с тоталитаризмом (с фашизмом, со злом) лежит на хрупких плечах прозревших одиночек, идеалистов – интеллигентов, не обладающих ни особой властью, ни особыми средствами. Вот так и получается, что с одной стороны на оглушение масс тратятся миллиарды от государства, а с другой стороны, на правдивую информацию – копейки, собранные энтузиастами с протянутой рукой. Отсюда и трудности всех эмигрантских изданий и начинаний.

В Москве закручивание гаек и нехватка продуктов. На днях в Париже расклеили повсюду плакат (какая-то оппозиционная партия): карикатурно изображённый Миттеран и огромная нога, поддающая ему под зад. Такого же рода плакаты, лозунги, газетные карикатуры были и будут против любого президента, находящегося у власти, и это не приводит к ослаблению его позиций, т. к. он выбран и правит от имени большинства. В Париже полнейшее изобилие продуктов, товаров, услуг и пр. Казалось бы, какая связь между изобилием товаров и свободной критикой власть имущих («в Сов. Союзе с оппозицией покончено»)? А связь та, что чем больше людей превращают в рабов, тем менее производителен становится их труд.

Два относительных взлёта советской экономики в период нэпа и в первые годы хрущёвского правления связаны с тем глотком свободы, который получило общество в эти два периода. Люди воспрянули некоторой надеждой, поверили в некоторую свободу, в то, что и от них что-то в жизни зависит, не только от начальства. Хватит ли ума у нынешних правителей осознать это или они лишний раз докажут, что предел их способностей – возглавлять Министерство замочной скважины? Всё контролировать, всё держать и никого никуда не пущать. Ссучивать попики, раскалывать бывших лагерников угрозой нового срока, организовывать убийство Папы...

Новое «закручивание гаек» приведёт к новой нищете, материальной и духовной. Большие репрессии приведут к ещё большей бедности – это ясно как день. Полный тупик неминуем. И наоборот, расцвет экономический связан с расцветом духовным, расцветом культуры и большей свободой. Сейчас единственный выход из тупика, единственный способ разрубить этот гордиев узел – это резко порвать с тем, что было прежде, как это сделал в своё время Хрущёв. Всякое иное правление будет столь же бесславным, как и предыдущее. Бедная Россия, бедная русская история. Вот к таким начальным выводам приводят размышления над создавшимся положением. На Западе мало кто понимает, что же происходит на самом деле. Здесь это воспринимают немножко, как какой-то общенациональный мазохизм. Значит, им нравится всё это, если это тянется так долго. У французов своя манера мышления: и почему они не сделают революции? У американцев своя: а почему они не выберут другое правительство? И

ведь действительно, даже в Польше немножко пошевелились. (В какой-то степени это и есть, наверное, мазохизм, к которому никакие рациональные доводы не приложены.)

Я вспоминаю своего новгородского приятеля. При полном безденежье он занимал несколько рублей, чтобы купить вечером какого-нибудь алкоголя, обычно это был кубинский ром. Напивался насмерть, затем блевал. На следующий день ходил зелёный, с головной болью, проклинал всё на свете. А вечером повторялось то же самое. С необыкновенным упорством он делал это изо дня в день, напрочь отвергая все разумные разговоры, как будто предлагая ему изменить образ жизни, ты покушался на что-то самое существенное в его личности, лишал его возможности самовыражения. Будто беря на себя эти мазохические страдания, он выполнял какой-то священный долг, спасал себя и окружающих. Так это и продолжалось неделями, до конца командировки: одалживание денег, блевание, головная боль. От природы он обладал отменным здоровьем (сибиряк!). Через несколько лет это были уже руины. (А был он не без задатков. Когда нам было по 20, мы много переписывались. Помню, ему очень понравился афоризм, который я откуда-то выписал: миру не хватает не силы, а воли.) Для превращения нации в руины нужны большие сроки, в этом и вся разница.

Ну а теперь к конкретным вопросам. Что делать? Мне трудно что-либо советовать тебе. Единственно, что будь осторожен и действуй по обстоятельствам. Никакой бравады. Жертвы не нужны. Не бери на себя больше, чем можешь сделать. По-прежнему настаиваю: всё должно быть рассредоточено, пусть каждый заинтересованный сам ищет возможности пересылки. Никогда, никому, ничего не обещай (и мне, в том числе. Я знал, что связь прекратится в июне, но ведь и ты знал). Категорически отказывайся от просьб со стороны: здесь дармоедам легче всего подложить нам свинью. Я посылал листочки в Вену. Потом позвонил какой-то тип из Зап. Германии, сказал, что получил их и потребовал, чтобы я ему назвал людей, которые мне их послали (конечно, я их не назвал). По его словам эти записки – незначительная часть (и ему не нужная) тех вещей, стоящих целое состояние, которые он должен был получить от кого-то, кому он доверил их и кто его надул и т. д. и т. п. Подобных историй ещё не хватало. Кажется, с этим же связана и пропажа во второй раз Хр. Хр. Сп. [храма Христа Спасителя]?

Не совсем понимаю, зачем надо разделять цв. фильмы? Кто может ими воспользоваться, если заполучит? Кто будет печатать цв. репродукции С.-Ам.? Вообще, при создавшихся условиях поменьше технической работы, побольше творческой. Из четырёх номеров можно составить представление о характере журнала, линиях его развития и целях (цель-то, в общем, одна – спасение культуры). Все споры, разговоры, столкновения идей, малоизвестные факты, забытое из недавнего прошлого, размышления о прошлом, настоящем и будущем – всё это может быть темой для журнала. До сих пор от тебя шло всё в основном на рубрику «Мы ищем таланты». Это нужно, но не только это. Журнал должен быть интересен не только художникам. Договариваться о чём-то конкретном? О чём? Как? Всё равно результаты будут зависеть от десятка случайностей: что удалось снять, что написать, что переслать. Что мне постоянно нужно – информация об официальном искусстве, фотографии новой архитектуры, каталоги новых выставок. Размышления художников об искусстве – здесь может быть кто угодно: Н. Жилинская, М. Романовская – любой художник, написавший что-то интересное. Нашёл ли ты автора «Варианты отражений»? Знаком ли ты с письмом Глезера в одиннадцатом номере «Третьей волны»? В сл. письме напишу, кто как живет. В общем – все живут хорошо.

Косолапов – Шелковскому 06.12.82

Дорогой Игорь!

Есть 1000\$ на ваш приезд в N. Y.!!! Весь сценарий тебе известен. Повторю вкратце, что Додж даёт эти деньги (чек он высылает 2-го декабря) в счёт будущей покупки своих любимых художников Гороховского, Макаревича. Все обещанные вещи у тебя, так что это повод и привезти их сюда. Формально я, как только получу его чек (где-то 1–9 декабря), немедленно вышлю их тебе. Так что ты 18–20 декабря получишь их. Я думаю, Вы можете где-то на Крисмас 25-го прилететь. Мы будем счастливы принять Вас у себя, и не о чём больше не беспокойтесь. <...>

Журнал вышел великолепный, я рассылаю имеющиеся у меня копии. Большой посылки пока нет.

Маркадэ – Шелковскому 12.12.82

Дорогой Игорь!

Большое спасибо за присылку «А – Я», который с каждым разом становится живее и интереснее. Очень рад был иметь в нём скромное участие, выдавая неизданный текст Казимира Великого.

Перевод на французский язык нескольких неизданных статей К. С. М. [Малевича] появился уже год тому назад в *L'Age d'Homme*³⁰. Я возвращаюсь в Париж около 1-го апреля.

Желаю Вам всего наилучшего и остаюсь преданным Вам. И. Маркадэ

³⁰ *L'Age d'Homme* – крупнейшее швейцарское издательство, основанное Владимиром Дмитриевичем, специализирующееся на популяризации на Западе литературы Восточной Европы, в первую очередь русской.

Гройс – Шелковскому 16.12.82

Дорогой Игорь!

Прости, что долго не отвечал, но только сейчас нам, наконец, удалось снять квартиру. Адрес вышлю потом. Пока можешь писать по старому.

Относительно статьи. Я как раз считаю, что Кабаков, Булатов и пр. идут от Малевича. У них совсем не иллюзорное пространство. Точнее, такое пространство есть, но только как часть картины. Строение же всей картины абсолютно плоскостное. И конечно, плакат с Лениным в «Улице Красикова» – это «Черный квадрат» Малевича. Он «вырезан» из картины. Реальный плакат внутри иллюзорного пространства выглядел бы вполне иначе. Что же касается Кабакова, то его первый альбом «Вшкафусидящий...» прямо начинается с серии чёрных квадратов, и это определяет структуру всех остальных альбомов. В общем, что бы ты ни думал, но я уверен, что я прав здесь.

Я бы это место из статьи не только не убрал, но ещё «порядком» бы развил, если бы было время и место. Также и фраза о Малевиче – не дань цензуре. Под «порядком» я вовсе не имею в виду обязательно советский режим, но вообще современный порядок дел.

Теперь ещё пара вопросов. Во-первых, Игорь Захаров-Росс очень интересуется публикацией моей статьи о нём и вообще чего-то. В конце концов, он послал слайды и вправе чего-то ожидать. Я не считаю его таким уж плохим художником (уж не хуже Купера, если говорить о коммерции). Во всяком случае, я статью написал, ему обещал, и теперь мне очень неудобно. Да и журналу он может помочь. Поэтому я хотел бы, чтобы какой-то материал о нём был бы напечатан. Мою статью можно сильно сократить (я могу это сделать). Можно заменить её, скажем, интервью, если тебе она не нравится. Но что-то сделать надо.

И третье. Есть ли у тебя статья Шифферса о Штейнберге и Янкилевском? А также статья Янкилевского о себе? Если есть, пошли мне, можно копии. <...>

Борис

Паперный – Шелковскому 18.12.82

Дорогой Игорь!

Спасибо за журнал. Публикация выглядит очень эффектно. Прекрасный макет и хорошее качество печати.

Прочитав внимательно Ваше предисловие, я понял, в чём причина непонимания между нами.

Употребленное у меня слово «культура» указывает лишь на применяемый метод. В этом значении противопоставление «культуры» и «варварства» бессмысленно. В моём употреблении «культура» не содержит никаких! оценочных смыслов. Сказать, что в одной «культуре» больше культуры, а в другой больше злого невежества, – это же самое, как сказать, что «шесть килограмм тяжелее, чем 120 вольт».

Пример с осетриной не подходит именно потому, что здоровье – это заведомо хорошо, а болезнь – это заведомо плохо (то же самое со свежестью). «Культуры 1» и «культуры 2» – это не хорошо и не плохо, это просто политика построить схему (ограбленную, естественно) того, что происходило. Наши с Вами вкусы, по-видимому, совпадают. Мне тоже скорее нравится живопись Родченко и не нравится Иогансона. Но эти вкусы не имеют отношения к тому, о чём я пишу.

Рассуждения о естественности или неестественности смены стилей в данном случае тоже не работают. Если Вы читали моё предисловие, то заметили, что «политическое и административное вмешательство», как Вы его называете, рассматриваются у меня не с социологических, не с политических позиций, а с культурологических, то есть само это вмешательство рассматривается как элемент культуры.

Каждый играет по своим правилам. В предисловии я задал правила игры и по ним играю. Возражений «вообще», с позиций здравого смысла и житейского опыта, я не принимаю.

Ещё я не очень понимаю Вашего несколько идеалистического представления о культуре. «Ей свойственны капризность и прихотливость», это да. Но эта прихотливость иногда доходит до того, что Мейерхольд требует расстреливать на сцене во время представления настоящих буржуев.

В этом смысле в процессах 30-х годов – почти реализуются его мечты.

Простите мне некоторую грубость. Всё, что я сказал, ерунда по сравнению с тем, что Вы издаёте замечательный журнал. На мой взгляд, лучший из зарубежных.

С наступающим Новым Годом.

Ваш В. Паперный

Кузьминский – Шелковскому 20.12.82

Дорогой Игорь, спасибо за журнал, клёво. Информативно.

Прежде всего: НЕТ никакой «коллекции Кузьминского» – просто в доме у меня висят картинки – с бору по сосенке, зачастую и не мои. Надо найти, как обозвать. Арефьев – весь не мой (как и Васми), а от Алека Рапопорта, так что «Из коллекции Алека Рапопорта», что ли.

А графика – та вся моя, вроде. Пиши просто: «Из подвала Кузьминского», а искусствоведы, мать их, пушай сами разбираются. Технику, размеры, даты – всё это у меня спрашивал Косолапов днями по телефону – нешто не прислал ещё?

Темпера, конечно. А Арех [Арефьев] – гуашь, похоже.

А вообще, от этой «разобщённости» – происходят накладки. Ждал я, ждал вестей от тебя – накрылась выставка барачников: Доджик хотел договориться с тобой насчёт отдельных оттисков статьи вместо каталога, Саша поехал в Париж, приезжает, спрашиваю: «Ну что? Когда?» А он: «У нас там всё Игорь решает, не то в этом, не то в следующем». Плюнул я, и тиснул газетный вариант в «Новой газете»³¹, потому Батчан и Шарымова ухватились. Но ты не журысь: те, кто читает «Новую», «А – Я» и в руки никогда не брали, и наоборот. Иллюстрации к тому же идут совершенно другие, потому старых я не нашёл, а дал, что из той же оперы, да к тому ж ещё лучшие – цензура не пропустила. А фотографии – что ж, фотографии никуда не денутся, но ты уж давай мне чёткие сроки (твои и мои), там всё чёрно-белое, так что колдовать с раскладкой цветных не надо.

Но макетировка... Меня антология заживо ест: сдал в августе издателю сразу 3 тома по 650 страниц с кучей фот и визуала – и ещё 3 тома на стадии окончательного макета... Впрочем, у тебя всегда там макет свой, так что посмотрю. Проблема: портреты и статьи о фотографиях – в 4-м томе, уже в печати, стало – заново писать? Месяц займёт, а его надо – выкроить, зашиваюсь. Надо знать точно: КОГДА? Печать, в мать её, опять же... Фотограф у меня один на двоих с Шемякиным, и не поспекает. А из негативов надо выжать качество... Головку вот, с горя, новую купил. С потолка в кухне течёт, того и гляди – съезжать придётся, а работать когда? Нусберг второго борзунчика подарил, сказка, но и хлопот бабе. А работать? Обнимаю

ККК

³¹ «Новая газета» (Нью-Йорк, США; 1980–1983) – русская еженедельная газета. Редакторы: Е. Рубин, А. Батчан, П. Палей.

Шелковский – Косолапову 26.12.82

Дорогой Саша!

Получил чек на 1000\$ и уже отдал его в банк. Значит, если не случится чего-то непредвиденного, мы приедем в начале февраля. Честно говоря, я делаю это не с лёгким сердцем. Меньше всего сейчас есть время и условия для туристических поездок, благополучной жизни, дружеских встреч. Моё финансовое положение катастрофическое. Месяцы пролетают быстро, и каждый месяц отщёлкивает как на счётчике такси необходимость оплаты ателье, проездного билета, электричества, телефона. Если я пробуду месяц в N. Y., всё равно мне надо заплатить 1300 фр. за мастерскую. Есть и определённый этический момент в использовании этой суммы 1000\$. Если это даётся в счёт уплаты за продаваемые работы московских художников, то эти деньги, нормально, должны быть использованы на журнал. Достаточно ли оправдана эта поездка интересами журнала? Мне сейчас нечем платить за набор текстов к № 5, т. е. за подготовку номера на самых первоначальных стадиях.

За все 4 года работы и после всех выпущенных 4 номеров, можно сказать, что наша самая главная неудача в том, что мы так и не нашли постоянного источника финансирования журнала.

Всё меньше и меньше будет людей, согласных писать для нас бесплатно. Всё меньше будет людей, отдающих нам своё время и труд просто за спасибо. На энтузиазме можно было вытянуть первые номера, но нельзя на этот энтузиазм рассчитывать вечно.

Лёня Соков пишет, что художники разочаровались в журнале. Я ему ответил, что журнал разочаровался в художниках. Каждый думал, что вот появится обо мне статья, и я буду спасён. Потом статья появляется и ничего, в сущности, от этого для художника не меняется. И конечно, при таком узкоэгоистическом, потребительском подходе можно только разочароваться. Далеких же, общих и идеалистических целей, ради которых стоило бы прилагать усилия, почти ни у кого нет. Связи с Москвой затруднились неимоверным образом, единственное, что оттуда доходит, – это постоянный вопрос: а что будет в следующем номере, какие художники? То, что идёт из Нью-Йорка, хватит, может на одну треть номера. Где взять материалы? Где взять материалы высокого качества и интересные широкому кругу читателей? Кому нужен наш журнал и кто заинтересован в его продолжении (здесь я имею в виду обе стороны – и его участников и его читателей)?

То, что ты мне сказал как-то по телефону, что журнал элитарный и не рассчитан на широкого читателя, кажется мне принципиально неверным. Какой смысл делать журнал для узкого замкнутого круга друг друга восхваляющих людей? В N. Y. живёт Галя Дижур, которую я знаю ещё по Москве. Я ей послал книжечку Бехтеревой – она была очень благодарна и написала, что ей всё было понятно и интересно. Также ей интересен и журнал, хотя, возможно, она ещё и не всё понимает и воспринимает из того, что там напечатано. Важно, что она интересуется, хочет знать. А сколько ещё в N. Y. таких, как Галя Дижур? Почему не довести до сведения этих людей, что наш журнал есть, существует, что он делается для вас? Журнал должен участвовать в жизни. Какой смысл делать его для узкой кучки пресыщенных снобов? Откуда это отталкивающее высокомерие, эта гордость?

И. Ш.

Аймермахер – Шелковскому 28.12.82

Дорогой Игорь Шелковский, большое спасибо Вам за Ваше любезное письмо и присланные альбомы и экземпляры Вашего опять весьма ценного журнала. Я ещё не успел его полностью прочесть. Но материалы Чекрыгина, статья о Вейсберге и статья Паперного о сталинской архитектуре очень интересны. Остальное я пока только поверхностно пролистывал. Один экземпляр журнала и два пакета открыток я себе оставляю. Всё остальное пошлю в Москву.

Большое спасибо Вам за фотографии Ваших (хотя только ранних) работ. К сожалению, фотографии скульптур всегда показывают только одну из сторон, и их объём в пространстве трудно чувствуется. Пришлите ещё другие, более современные фотографии. Надеюсь получить добавочные фотографии Сидура в начале января.

С наилучшими пожеланиями, Ваш Карл Аймермахер

1983

Шелковский – Сидорову 09.01.83

<...> Фальсифицированные фотографии [Ленин и Сталин] – очень хороший материал. Но нужен небольшой текст, рассказывающий вкратце историю, и заголовок, вводящий этот материал в контекст журнала.

Следы пивоваровских слайдов нашлись. Но теперь они принадлежат Бобуру, и мне предлагают платить значительную сумму за их пересъёмку. Но попробую уладить это дело.

Фото и слайды Кабакова буду ждать, но пойти они смогут теперь уже только в № 6. № 5 распределён почти полностью. Во всяком случае, тот сектор, где статья К. [Кабакова]. С письмом № 4 послал тебе цветные картинки, которые будут в № 5.

Неожиданно для себя получил письмо (по почте!) от Жигалова. С довольно большим, напечатанным на машинке текстом. Как оно проскочило – не понимаю, за последние годы, если что доходило, то лишь поздравительные открытки к праздникам. Текст интересный, но для меня, а не для печати. То есть не для читателей. Подробный перечень всяких мероприятий, часть фотографий может пойти в «Галерею». Но в целом они не очень наглядны. (Желательно, если были бы вместе с общими планами фотографии отдельных работ. Положительный момент – подробная аннотация к фотографиям.) Все с текстами, непонятными для иностранного читателя.

В № 4 не было «Галереи», потому что пришедший с опозданием материал Паперного забрал всё пространство. Надо теперь уделять больше внимания качеству материалов. Так же как тело состоит из мышц и соединительной ткани, и журнал состоит из статей, работающих, интересных, захватывающих читателя с первой строчки, и из статей, формально благополучных, добротнo скучных, а иногда претенциозно пустых. Ты пишешь, что удачна вторая половина № 4, так вот для № 5 у меня нет ничего этого уровня. Всё это интересно лишь для узкого круга людей. Из людей западных редко кто дочитает эти статьи до конца (или даже до середины). А хотелось бы, чтобы в каждом номере были бы две-три статьи интересных для всех. На темы более общие. Теперь по четырём номерам можно провести некоторый анализ и отметить удачи и неудачи. Статьи Капеляна, Комара и Меламида, Герловиных выгодно отличаются от чисто «искусствоведческих» статей. Хотя и Голомшток, будучи сугубо профессионалом-искусствоведом, пишет интересно. Нужны обязательно материалы как на стр. 58–59 в № 4, т. е. актуальные. Этот текст великолепный, но, к сожалению, это исключение, а не правило.

Маски получил. Передай спасибо Игорю [Макаревичу] и Гороховскому за присланные работы. Любая работа – это поддержка журналу, плюс возможность выставки. К сожалению, не хватает у меня времени на всё. Можно было бы устраивать какие-нибудь небольшие тематические выставки – но для этого нужно время и деньги. Выпуск маленьких книжечек остановился по этой же причине. Набралось 16 цветных клише для следующей серии открыток, но нет денег, чтобы их напечатать.

В № 5 будет много цветных репродукций Булатова – три. Это единственный художник, приславший хорошего качества слайды со всех своих работ. Репродуцировать его всегда приятно – всегда хорошо удаётся. (Васильев в номер не влезает, только текст.)

Написал Саше Косолапову в NY письмо, в котором упрекаю его за бездеятельность. Если сравнить журнал со зданием, то не могу же я класть стены и одновременно ещё лепить и обжигать кирпичи. Кирпичей, т. е. статей, я жду от других – чем лучше и крепче они будут (не половинки, не четвертинки, и не бесформенные глыбы), тем легче будет для меня вставить их на место. Саша в гордой изоляции и пренебрежении другими (так мне кажется) перестал что-

либо присылать. Очень жаль также, что ты работаешь один, без некоторого числа компетентных помощников. Сосредоточение власти в одном лице приводит к отмиранию инициативы со стороны, в то время как сейчас нужна именно инициатива десятков людей, чтобы из десятков предложений выбирать наилучшие. <...>

Косолапов – Шелковскому 11.01.83

Дорогой Игорь!

Ждём вашего приезда. Я посылаю 125\$ журнальных, имеющихся у меня в наличии денег для тебя. Я думаю, что ты зря сокрушаешься по поводу этой поездки. Она оправдана для сбора материалов, установления новых контактов и пр. Что ж, эти деньги требуются для коммуникации; океан – дистанция, без этого мы бы жили разорвано, и слава Богу, что есть возможность встречаться и делать журнал.

Париж – New York – Москва, это же расстояния. Мы не учитываем часто этой дистанции. Я думаю, эти деньги идут на журнал, т. к. такие поездки необходимы.

Относительно отсутствия фондов. Мне и самому тяжело от этой мысли. Но можно ли себя винить. Я знаю лишь единственного человека здесь (А. Ровнер), который «умеет» доставать деньги для «Гнозиса». Но он превратил это в профессию. Это требует тоже части души.

Я, к примеру, чувствуя себя бессовестным в отношении именно этой стороны жизни (денежной) перед семьёй и теперь журналом. Это дефект, который становится уже синдромом. Может ли это служить оправданием так же, как и тяжёлая экономическая ситуация в стране? Не знаю. В этом смысле это открытый вопрос. <...>

Журнал усиленно замалчивается всеми нью-йоркскими газетами. Выступить с широкой полемикой по этому поводу я не умею <...> А главное читатель – он убог. Ты давно не видел нью-йоркских газет. Глезер торгует переводными детективами – имеет успех. Учить язык не хотят и читают мусор. Потом я не понимаю, возможно ли искусство сделать доступным массам (широкому простому читателю). Это просветительская утопия. Но я так же не могу оплачивать рекламы журнала, т. к. денег нет. В общем, это не простой бизнес. Очень-очень часто я бешусь от бессилия в этой ситуации.

Относительно кучки снобов, то там часто платят жизнью за искусство. Это уже не снобизм. А толпе (или как в английском «mobs», мобс – очень хорошее слово) тоже свойственен снобизм.

Люди легче признаются в грехах, чем принимают чужой вкус, культуру, мировоззрение. Я, кажется, в этом вопросе на диаметрально противоположной стороне. Во Франции может по-другому, но в США, как и в СССР, культура (в серьёзном смысле) отвергается народом – поэтому имеются такие великие рецидивы поп-культуры китча и так восприимчив народ к идеологии. Культуры взаимоизолированы и это не трагично, а могут только существовать в своей конвенциональной (договорной) замкнутости. Хотя принадлежность участников такого договора трудно очертима. В общем, это огромная тема, которая меня очень затрагивает и не вмещается в ограниченные рамки этого письма. <...>

Люда. Саша

Виньковецкий – Шелковскому 16.01.83, Хьюстон

Ты пишешь, чтобы я написал что-нибудь специально для журнала. Как раз сейчас возникает такая возможность. После двух лет усилий я развил новую технику. Это комбинация шелкографии с живописью. При помощи техники шелкографии (которую я использую не для производства принтов, а как что-то вроде дополнительного живописного инструмента) я могу перекрывать живопись одним и тем же «каркасом» – это у меня обычно чёрно-белая абстрактная или «полуфигуративная» структура. Получаются серии картин, объединённых общим мотивом, или главной темой, и все с разной живописью. Из них можно делать спектры с постепенными переходами; а можно, наоборот, контрасты. Словом, можно играть, и эта игра открывает много нового про живопись и про нас. Оказывается, например, что органичное сочетание композиции с цветом и фактурой не обязательно уникально: «одна и та же» картина может реализоваться в разных видах, и при этом каждое воплощение будет вполне органично. Это как если бы я (или ты, или кто угодно) сколько-то времени назад выбрал бы иное действие, иной путь – к данному моменту я (или ты) был бы иным и в то же время в каком-то смысле тем же самым (это мой «главный мотив»).

Про это много можно писать, но я сейчас ещё не готов выдать что-либо «законченное». Всё это ещё слишком свежо, только формируется. Может быть, к концу года смогу несколько страничек написать. Но вот что: если эту вещь иллюстрировать, то нужно несколько цветных репродукций, иначе нет никакого смысла. А это ведь дорого; в общем, напиши, интересует ли тебя этот замысел. Самый «голодный минимум», необходимый, чтобы проиллюстрировать эту идею – четыре цветных картинки размером в четверть страницы. Конечно, больше – лучше. Ежели ты сообщишь, что это возможно, такая весть меня побудит к скорейшему написанию этой статьи. <...>

Буду ждать вестей. Твой Яков

Косолапов – Шелковскому 20.01.83

Дорогой Игорь!

Не знаю, получишь ли ты это письмо?

Относительно статьи Нежданова. Я перечёл сам ещё раз эту статью. И не согласен с тобой.

1. Ты не учиываешь, что мы имеем дело с очень сложным в психическом смысле человеком, обратившимся в религию с массой ортодоксальных запретов.

2. Эта статья – не литература и не художественная критика, а документ, так как содержит только речь самого художника (пусть мало литературную). В этом смысле можно придраться и к Чекрыгину, Малевичу, Филонову и пр. за то, что они говорят и думают часто как люди и так же изъясняются.

3. Эта статья – компромисс. Я очень много затратил времени, работая с этим человеком. Но что можно сделать с юродствующим, больным, противоречивым художником. Только моё настоящее отношение заставило довести меня эту работу до конца (я его люблю как художника).

За период работы над статьёй дважды его жена была в сумасшедшем доме, да и он бы туда угодил, если бы не трое детей.

Итак, если сможешь, прочти этот труд другими глазами. (Для меня этот «вялый текст» – плохо скрытая трагедия, и уверен, что таким же документом будет для его друзей в Москве и Ленинграде: а также для тех, кто вникнет в то, что говорит этот художник относительно «расслабленности, вялости», а также «еды и крыши».)

Относительно рукописной подачи текста, то машинки у нас нет (ещё не разжились). Но Люда потратила половину своего выходного дня для переписки этого опуса (ты, наверно, заметил, что статья написана не моей рукой).

Для меня этот год был трудным. Во-первых, я не могу не работать как художник. У нас было два перформанса, которые целиком лежали на мне. Пришлось делать фильм, балет. Все мои скудные заработки уходили на покрытие этих работ.

Много сил отдано политико-экономической кампании по поводу строительства наших мастерских. Необходимость заработков и поиск работы.

Ряд проблем встал обнажённо. Можно ли продолжать заниматься искусством? Имею ли я право? (Я имею в виду то, что у меня семья, дочь, которую я обязан поддерживать.)

Будет ли когда-либо возможность иметь мастерскую (не временный подвал или комнату)?

Нужен ли этот крест (искусство) и для чего? Обязаны ли мои близкие разделять эту ношу. Плюс ко всему абсурдность положения русского художника на Западе.

Поэтому твои вопросы показали мне безадресными. Может, это как в физике – «эффект постороннего наблюдателя».

Относительно NY-ского номера «А – Я».

Журнал не может быть мыльным пузырьём. Поверь моему восьмилетнему опыту. Русского искусства в N. Y. нет. Как может быть журнал о том, чего нет?

Это будет глезеровщина. Не помогут ни интервью со знаменитостями, ни с левыми, которые, кстати, такие идиоты.

И проблема не в «вялости», а в реальности [неразборчиво] миров. Францию-то Америка плохо знает, только по Камамберу, а Россию и подавно.

Родить культурный интерес (тем более к 100-летию Хлебникова, о котором здесь очень и очень мало знают даже профессора) к России – легче растопить Антарктиду.

Вот беглый ответ на твоё письмо. <...>

Саша и Люда

Виктор Некрасов – Шелковскому 22.01.83

Дорогой Игорь Сергеевич!

Эту штуку я послал в «Новое русское слово». А Вам для ознакомления, как обещал. Разбор не ахти какой глубины, но для знакомства с широкой публикой, для того, чтоб вызвать интерес, – думаю, сойдет.

За сим жму руку. Не сердитесь. Таки да – ретроград.

В. Некрасов

Никитина – Шелковскому 25.01.83

Дорогой Игорь!

Жизнь у нас совершенно сумасшедшая последнее время, однако, несмотря на её интенсивность и наполненность, мы довольно остро ощущаем отсутствие твоих писем.

<...> Уже не помню, на какой стадии нашей жизни закончилась наша переписка. На всякий случай излагаю основные факты. <...>

Мы сняли роскошную, безумно дорогую квартиру, но другого выхода просто не было. Теперь мы счастливы и, несмотря на отсутствие мебели, кухонной плиты и мойки на кухне, наслаждаемся каждую минуту. Впрочем, со временем всё хуже и хуже обстоят дела. Боря совершенно не успевает к срокам писать, да к тому же опять болен. Экзамен по немецкому я сдала на «хорошо». Недавно были на конференции в Билефельде по совет. неофициальному искусству, потом в Кёльне. Боря делал доклад. Некоторые участники обещали подписаться на журнал, но пока молчат. О журнале всё время упоминали, в частности Голомшток и Боря. Всем нравится 4 номер – особенно, Паперный. Кстати, Тупицына, на мой взгляд, очень неплохую статью написала, зато Пацюков – из рук вон плохо <...>

Боулт – Шелковскому 26.01.83

Дорогой Игорь!

Спасибо за письмо от 1-го января 1983. Я уже знал о смерти Андреенко из «Русской мысли». С большим интересом – и со скорбью – я прочёл твоё описание визитов к Андреенко. Для меня визит к нему был очень трогательное явление – именно потому, что Андреенко был талантливый, такой отзывчивый на имена, искусство и проч. Ты испытывал, я вижу, такие же мысли, такие же реакции, которые я испытывал. Может быть, стоило бы опубликовать маленький текст о нём в «А – Я»? Ты видел его ранние, конструктивистские вещи? Мне тоже очень нравятся его рассказы, особенно рассказы о мышах. <...>

Твой John

Гробман – Шелковскому 31.01.83

Милый Игорь, вот я, наконец, снял на слайды свои произведения на конкурс политической открытки. Отснял штук тридцать разных: из Ленинианы и прочего. Но, увы, оказалось, что тут этих плёнок не берут проявлять, ибо это какой-то другой раствор для цветных пленок. В США я уже не могу послать на проявку, так как это надолго всё задержит, а Вы указали присылать только до февраля. Я решился послать Вам непроявленную плёнку, с просьбой не посчитать за наглость и отдать её в проявку в Париже, там это не проблема. Разумеется, я все расходы возьму на себя. Ещё проблема – с названиями. Но и это как-то можно понять, так как все почти тексты на лицевой стороне картинок. Все эти работы или почти все – последних 1–2 лет. Надеюсь, придётся Вам по вкусу.

Большое спасибо за каталоги и прочее (полученные с Дранкером). Страшно благодарен. А в Ду я вдруг обнаружил портрет моей жены (Врубель-Голубкиной) работы Вейсберга – холст-то в моей коллекции находится, и я его ни разу выставлял.

У нас тут в магазине русской книги «Малера» проходит выставка русских художников. Проспект скоро получите.

Получили ли оставшийся рулон от Воробьёва? Если да, то хотелось бы знать, подходит ли это Вам для обмена? Если у Вас есть сомнения насчёт цены, то пишите, не стесняйтесь, дело житейское. Из продукции, полученной от Вас, я всё по несколько экземпляров отдал Малеру в магазин. Но дело идёт уж совсем как-то туго – не желает нас публика покупать в торговых количествах. Я же распространять (в среде художников, как я предполагал – на обмены и в подарки) ещё не стал, так как до сих пор не понял, имею ли право. Напишите, Игорь <...> а то я всё сомневаюсь, думаю, а может, я работы послал не те, а может, цены не подходят.

Насчёт авторов в Израиле. Художников и пишущей публики – куча, но, увы, это всё люди, далекие от наших интересов, в основном реалисты-импрессионисты-экспрессионисты, из русских я тут почти что один, и меня такие либералы советские, как «Двадцать два»³² и прочее, на пушечный выстрел не подпускают, я для них совершенно не кошерное мясо. Был я какое-то время в дружбе с М. Каганской, работал над ней усиленно, воспитывал, старался, но в итоге это плохо кончилось – в один милый иерусалимский вечер она не выдержала и очень толково, по-киевски-одесски объяснила мне, дураку, что и Хлебников – говно, и все эти Бурлюки-Маяковские – шарлатаны, и футуризма никакого нет, а так просто – пшик, и что мы все говно и пр., пр. Я имел глупость наступить на мозоль, в свою очередь обоссать «Тихий Дон», а Майя Каганская с Володечкой [Зеев Бар-Селла] как раз сейчас и пишут о неизвестном гениальном авторе этого «Тихого Дона». В общем, скандал и никакого навару. Да, беда в том, что и другие на каганском уровне – и наши проблемы и занятия они так в полуухмылке и принимают.

Давно должен был быть в Нью-Йорке, но американская сволочь в консульстве мне визы не даёт: ни да, ни нет – без ответа. Никто ничего не понимает, в чём дело. Как в ОВИРе. Может, пока что слетаю в Европу, тогда и в Париж загляну. Большое спасибо за приглашение, если надумаете быть в Иерусалиме, то, разумеется, та же ситуация – жить у нас. <...>

Пишите. Отвечайте. Ваш Миша Гробман

³² «Двадцать два» («22») – общественно-политический и литературный русскоязычный журнал, выходящий с 1978 года в Иерусалиме.

Сидоров – Шелковскому 01.83

Дорогой И.! Получил твоё письмо от 5-11-82, стало ясно, что от тебя письма по этому каналу проходят. Теперь осталось убедиться, что и от меня к тебе путь открыт. Все эти предосторожности совсем не лишние в связи со скорым принятием «Закона о государственной границе СССР», проект которого предложен КГБ и пока держится в секрете, но ходят слухи, что значительная часть этого «документа», будет посвящена именно таможене, а также почтовой и телефонной связи. Канал же наш очень узок и маломощен (много уже, чем в прошлом году), поэтому придётся ещё ужаться и сосредоточиться только на самом необходимом, т. е. только на тех материалах, о которых мы предварительно договаривались, что они нужны для следующего номера.

Ты справедливо упрекаешь меня по № 5, хотя и точно знаешь, что канал перестал действовать именно в июне. Часть же материалов ты успел получить (Пивоваров и две статьи о Дышленко). Сейчас вопрос встал крайне жёстко: отказаться вообще от каких-либо материалов в архив или «на всякий случай». Более того даже основные и самые важные материалы придётся переделывать (перепечатывать на самую тонкую бумагу, печатать на две стороны листа и без интервалов и полей), а слайды, негативы, фильмы – отправлять без пакетиков. Таковы условия на сегодняшний день. Может быть, что-нибудь изменится к лучшему – я не знаю. По-прежнему описи к посылкам нужно отправлять отдельно, т. е. другим вложением, а может со следующим письмом (через неделю). Таким же образом придётся поступать в дальнейшем и с фильмами для клише (далее во всех письмах только слово «фильмы», взятое в картуш), т. е. два фильма в одной посылке, остальные два – в другой; в этом случае ими никто не сможет воспользоваться, но главной остаётся другая причина, о кот. мне не хотелось бы распространяться в письме. Нумерацию всех отправок мне было бы удобно продолжить прежнюю. От тебя же по-прежнему требуется своевременное подтверждение о получении по всей описи, и ещё одно: я не буду ставить дату на своих письмах, т. к. это даёт обширный материал для всякого рода догадок и вычислений (сам ты её легко вычислишь, а дармоедам её знать совсем не обязательно). Кроме этого, письма лучше всего начинать без обращения и не подписывать их (даже инициалами), в этом случае они менее всего становятся «документами», в том самом нежелательном смысле этого слова. Возможно, что в скором времени я перейду исключительно на машинопись, но и здесь свои сложности.

Мелких накладок, таких как «цветное фото Славы Л. [Лебедева]» вместо чёрно-белого, нам никогда не избежать. Тем более что здесь не только одна моя вина, но и стечение обстоятельств: фотограф перепутал кассету, потом тяжело болел Слава. Потом он уехал на месяц отдыхать, а потом уже не было канала. Ну чего здесь сделаешь, если ни в моём архиве, ни у Бори О. [Орлова] и ни у кого другого такой фотографии не нашлось?!

Ещё раз спасибо тебе за все твои хлопоты и посылки: Пастернака, Волошина, пирометр и перчатку я получил. Краски – пока ещё нет, т. к. наша девочка не в Москве, и когда найдётся – неизвестно.

Мне кажется, что я уже писал тебе об АЩ [Алике Щенникове]. Что у него принципиально вырвали обещание не общаться с тобой и не сотрудничать со мной (перед этим за ним долго охотились и поставили его самого и сына в очень сложное положение).

Вижу я его часто, сейчас у него всё более-менее спокойно, но на письма он сейчас вряд ли отважится. Приветов же тебе – самые тёплые и искренние – он передаёт всегда. И. [Иван Чуйков] замордован текущей денежной работой и не может из неё выбраться. Вообще же, у всех наших с тобой друзей денежные проблемы переместились на первое место – от того что жить здесь стало невозможно. Я не подсчитываю, но, на глазок, жизнь за последние годы подорожала не менее, чем в два (а вообще-то больше) раза. Денег нет ни у кого! За пачкой масла

нужно стоять не менее получаса. Многие продукты питания вообще не появляются на полках, самые основные – стали дефицитом.

Очень трудно достать масло, творог, яйца, колбасу, окорок, сало, сыр, гречку, фасоль, горох, дрожжи и т. д. Этот список не трудно продолжить до конца листа. И это в Москве! Если же отъехать от столицы – то никаких слёз не хватит... Нет даже картофеля (о бананах и манго я вообще не говорю, с яблоками – и то проблемы).

Впрочем, зачем я тебе это пишу? Это знают все! Люди живут ожиданием катастрофы, тем не менее пока ещё покорны и молчат. В некоторых анонимных организациях появилась такая профессия – слухач. Слухачи ходят с магнитофоном в рукаве по очередям, стадионам, автобусам и другим скоплениям и пишут, о чём толкует гегемон, не готов ли он к Солидарности. Но можно не слушать, я скажу тебе точно – не готов! Пока!!!

Я тебе уже писал, что купил «Опасно» и отличный рисунок карандашом (копия «Горизонта»). Но у меня нет абсолютно никаких идей по поводу того, как это можно было бы отправить тебе. Естественно, что способ этот должен быть в высшей степени надёжным и безопасным, так как рискнуть такой работой (я уж не говорю о деньгах) было бы преступлением. С рисунком проще, так как его размеры чуть больше обычного альбомного листа. Размеры «Опасно» тебе известны. Давай думать сообща.

В своих письмах ты редко пишешь о Серёже [Есаяне]. Как они живут, как Вера, как девочки? Какое участие Серёжа принимает в нашей работе? Передай им от меня самый тёплый привет. Скажи, что я их также люблю и часто вспоминаю. А то, что не пишу, – это моя главная беда: я ведь никому не пишу, кроме тебя (да и то никогда не перечитываю своих писем, иначе у них никогда не было бы шансов быть отправленными).

Ничего не знаю о Сокове и Чернышове, мало о Вадиме [Космачёве], только плохое – о Герловиных (правда, всё из пятых рук). Немного больше о Гройсе, но ведь тоже – мало! Кстати, небольшая просьба: не мог бы ты прислать мне адрес Васи Ситникова. Если добудешь какие-нибудь сведения о нём, напиши. Мой брат был долгое время дружен с ним, но перед самым отъездом между ними пробежал холодок. Брат мой до сих пор переживает, что даже не попрощался с ним.

Как только получу подтверждение, что ты получаешь мои письма, отправлю рабочее письмо по № 5 и некоторые материалы. Но очень важно предварительно, пусть даже ценой долгой переписки, точно договориться, что конкретно нужно (включая иллюстрации), чтобы понапрасну не перегружать наш хлипкий канал, поскольку вся эта почтовая система существует весьма условно и опутана бесконечными предупреждениями и обязательствами (естественно, что все предупреждения и угрозы с одной стороны, а обещания и обязательства – с другой). Два пакета, посланных мною тебе в августе и сентябре (не этим каналом, а с okazji), отобраны, к тому же во втором случае с осложнениями. Меня по этому поводу вызвали в одну анонимную организацию, но я давно уже взял за правило не ходить (даже если очень приглашают), на этом дело и кончилось. Ничего особенного в этих пакетах не было. Но, что обидно, уже в какой раз – злосчастный альбом, точнее негативы. После это пришлось ещё раз переснимать. Ну ладно, бумага кончается (ведь тоже дефицит!), целую тебя. А. и все мои

Сидур – Шелковскому 14.02.83

Дорогой Игорь!

Карл Аймермахер переслал мне ксерокопию сокращённого и уже набранного интервью, которое он взял у меня в 1980 году. Я очень рад, что Вы предпочли этот текст, а не предложенный нами первоначально. Учитывая небольшой объём Вашего журнала, я считаю, что сокращение, проведённое Вами, вполне приемлемо. Хотелось бы, конечно, сохранить наш макет с тем, чтобы, как я Вам уже писал, не мельчить, но тем не менее всё же использовать и фотографии, присланные нами позже.

Получили четвёртый номер «А – Я». Должен Вам сказать, что журнал в Москве читают. О нём знают все, кто в какой-то мере интересуется современным искусством наших художников в метрополии и в «рассеянии». Уже имеются недовольные, считающие, что журнал отдаёт предпочтение одним в ущерб другим. Я думаю, что это неизбежно, так как совершенно невозможно удовлетворить всех сразу. Такие же претензии можно предъявить любому толстому или тонкому журналу и у нас, и за границей.

У меня самого есть небольшое пожелание – меня до какой-то степени не устраивает шрифт букв «А – Я» на обложке. Хотя прекрасно понимаю, что именно Вы хотели выразить зыбкой волнистой линией, я предпочёл бы чёткий, «уверенный» шрифт. Но, скорее всего, об этом уже поздно говорить. Главное же – это, конечно, содержание журнала, и то, что он печатается на русском и английском языках, что невероятно расширяет его аудиторию.

Ещё раз желаю Вам успеха. С большим интересом ожидаю следующий номер «А – Я».
Ваш Вадим Сигур

Шелковский – Косолапову 16.02.83

Дорогие Саша и Люда!

Долетели самым замечательным образом. <...>

Получил по приезду массу почты, сейчас надо будет отписываться.

Вот, что пишут из Москвы. <...> Иван [Чуйков] благодарит за роскошную публикацию. Просят напечатать статью о Боре Орлове. «Очень интересно, что делают сейчас Соков, Чернышов, Дрючин, Есаян». «Будет ли в № 5 рубрика „Галерея“?»

Как видишь, Саша, интересуются всеми, ждут информации. По дороге я дочитывал статью Тетерятникова³³. А мог бы ты сделать с неё и с другой, с первой, ксероксы и послать их Синявину, чтобы он начал входить в эту тему, раз уж собирается писать. Может возникнуть спор, дискуссия – а это ценно.

Слайд с Макаревича, наверное, можно и не делать, а показать чёрно-белую репродукцию в № 1. Ведь с первой купленной Доджем работы мы не имели никакого слайда.

И ещё про Тетерятникова. Если б его последняя статья появилась в «Новом Русском слове», то было бы замечательно. Но, к сожалению, для публикации её надо жестоким образом редактировать, урезывать, убирать повторы, второстепенности, сокращать объём. Обычно редакции русских газет этого не делают. Отчасти потому, что боятся авторов, отчасти потому, что не умеют и некому это делать. Распространить бы её хотя бы в самиздате, чтобы прочли её все там упомянутые.

³³ Мистификация русской культуры на Западе: История и разоблачение американской коллекции русских икон Джорджа Ханна // Континент. 1982. № 34.

Сидоров – Шелковскому 16.02.83

Дорогой И.!

<...> У меня продолжается стресс: я оказался совершенно не подготовленным к оптимальному использованию канала <...>. Начну по пунктам.

1. Негативы Кабакова ещё не готовы, т. к. съёмка откладывается (по его просьбам) уже несколько раз. Кроме того, мы обсудили с ним новую идею по подаче его материалов, т. к. все предыдущие публикации его, конечно же, не удовлетворяют. Всё, что он делает, принадлежит одной общей идее, которая совершенно утрачивается при обычном показе и отсутствии контекста. Никакая статья о нём не может заменить авторского комментария, который концептуально и органично входит в сами работы. Поэтому мы договорились с ним, что всё, что мы отснимем, он сам же тщательно прокомментирует. Мы сделали пробу, и вышло очень хорошо, т. е. впервые я почувствовал, что отдельно взятая работа способна говорить сама за себя, но всё же необходим обширный контекст, т. к. в его случае три-четыре работы такого контекста не создают.

2. У нас с тобой образовался давний долг – публикация статьи о Боре О. [Орлове]. Отсутствие материалов о Боре вызывает у многих недоумение и подозрение, что существует какая-то личная предубежденность против него. Боря активно принадлежит к тому кругу художников, который полностью участвует в журнале: Иван [Чуйков], Эрик [Булатов], Васильев, Кабаков, Макаревич, Абрамов, и ни один из названных не считает, что то, что он делает, «в скором времени будут показывать в Манеже». Если для тебя это важно, я могу всех их попросить, чтобы они написали тебе своё мнение по этому поводу, но думаю, что прибегать к таким способам доказательств – не этично. По крайней мере, это (т. е. всё то, что делает Боря) во много раз интереснее и лучше, чем Сидур или Юликов. Кроме этого, Боря бескорыстный доброжелатель и помощник журнала, более активный и полезный, чем многие другие. Я не говорю о том, что я сам совершенно не согласен с твоей оценкой творчества О. [Орлова], но много раз наблюдал реакции и впечатления, которые Борины работы производят на людей нашего уровня и круга (за исключением разве что одного Гройса, да и то я не уверен, что ему О. не нравится), и видел, что эти работы безошибочно опознаются и прочитываются, а то, что тематика советская, то это только роднит его с Булатовым и Кабаковым. Мне кажется, что и Лебедева ты воспринимаешь как-то в лоб и совсем наоборот (тогда не понятно, почему тебе нравится Булатов?). Ко всему, что я тебе написал об Ор., хочу добавить, что Пацюков свою статью написал о нём раньше всех и постоянно над ней работает (последний вариант статьи я посылаю вместе с этим письмом). В журнале уже появляются типично коммерческие художники (Штейнберг, Вейсберг), откровенно слабые (Виньковецкий, Юликов), а материала о вполне оригинальном, современном скульпторе (а кто ещё в Москве и Ленинграде занимается современной скульптурой?) до сих пор нет, и как соответствует из твоего проекта № 5 – и не собирается быть! Прости за эмоции!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.